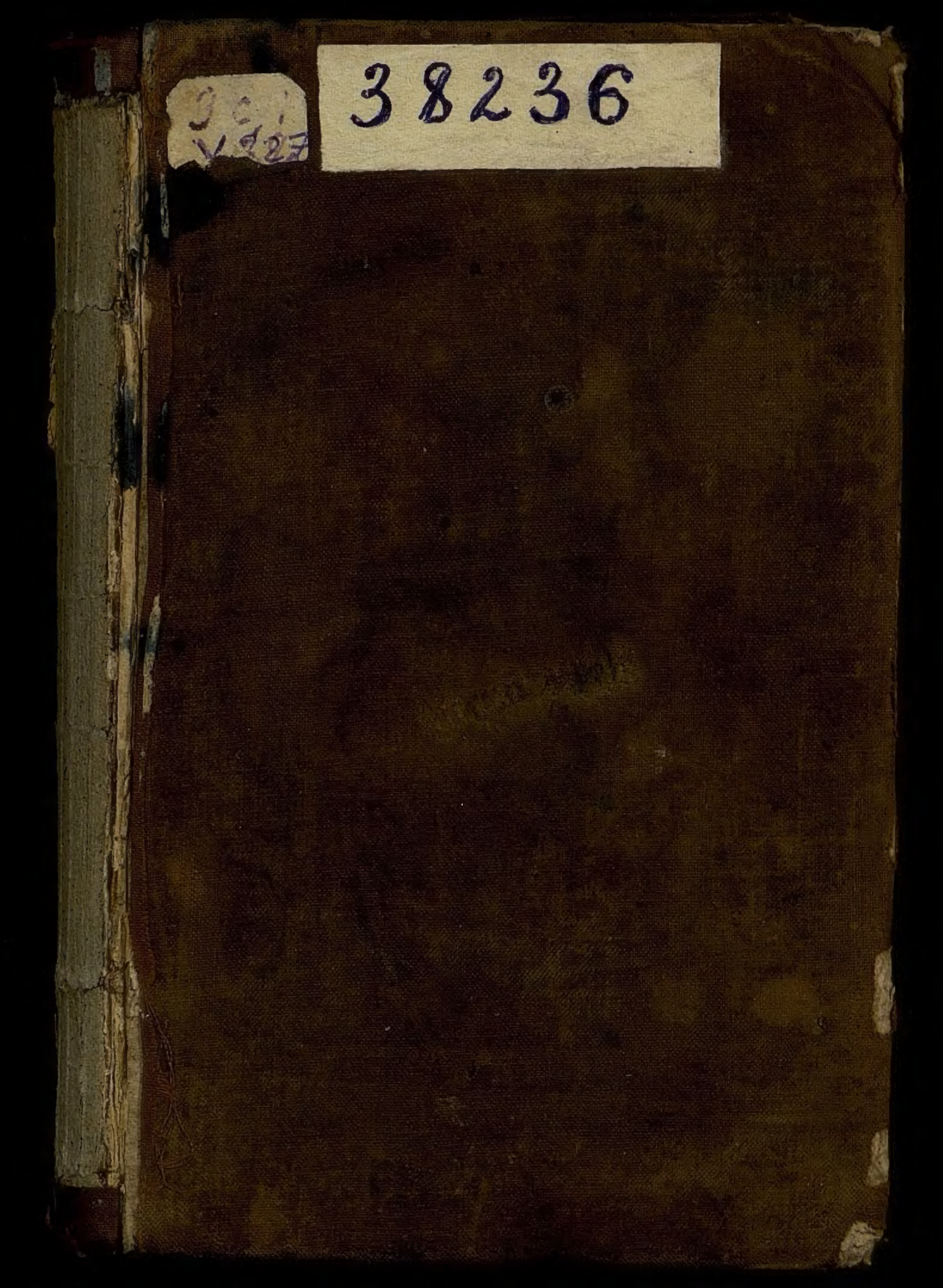

38236
9c1
V227

38236 п/и

Пр. 2010

РУССКАЯ

ИСТОРІЯ.

ЧАСТЬ II.

Пр. 1955 г.

9(С)1
У82

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Н. Устрялова.

13910

382386

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

БИБЛИОТЕКА
ГОСУНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

MDCCCXXXIX.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 19 Мая 1838.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

ГЛАВА V.

РУССКОЕ ЦАРСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ ТАТАРАМИ И ПОЛЯКАМИ.

I. ІОАННЪ III.

1462 — 1505.

Заслуги Іоанна III.

1. По смерти Василія Темнаго, въ восточной Руси открывается зрѣлище утѣшительное: разновластіе быстро изчезаетъ; удѣльная система падаетъ; орда Сарайская гибнетъ; потомки Чингизовы не смѣютъ даже думать о господствѣ надъ Русскою землею; владѣнія ихъ одно за другимъ входятъ въ составъ могущественнаго царства, получившаго съ начала XVII вѣка названіе Россіи. Европа привѣтствуетъ ее, какъ новую державу; еще не включаетъ въ свою систему, но уже охотно ведетъ съ нею дѣятельныя сношенія торговыя. Русскіе Цари столь же усердно ищутъ дружбы

Государей Европейскихъ, заимствуютъ отъ просвѣщенныхъ народовъ плоды ремеслъ и художествъ, не измѣняя однакожъ прародительскимъ нравамъ и обыкновеніямъ; между тѣмъ заботятся о лучшемъ порядкѣ суда и расправы, о военномъ устройствѣ, о народной промышленности; въ то же время не упускаютъ изъ виду единоплеменной Руси, отторгаемой Польшею, и съ первыхъ лѣтъ государственной независимости обнаруживаютъ явное намѣреніе соединить всю Русскую землю подъ свою державу. Одушевляемая св. вѣрою, скрѣпляемая самодержавіемъ, Россія къ концу XVI вѣка развиваетъ мощныя силы.

Виновникомъ достопамятной перемѣны въ судьбѣ восточной Руси, основателемъ могущественнаго Русскаго царства, былъ старшій сынъ Василія Темнаго, Іоаннъ III. На цѣлыя два столѣтія онъ установилъ правила внутренней и внѣшней политики; преемникамъ оставалось только довершать его планы, чтобы возвеличить свое государство, и каждый разъ, когда они слѣдовали его указаніямъ, отечество наше пріобрѣтало новыя силы. Не ознаменовавъ себя ни какимъ блестящимъ подвигомъ, который изумилъ бы современниковъ, не заслуживъ и признательности ихъ, Іоаннъ является истинно великимъ предъ судомъ потомства: все, что доселѣ терзало Русь, что грозило ей новыми бѣдствіями,

и разновластіе удѣльное, и Монгольское владычество, и стѣсненіе Московскаго государства домомъ Гедимина, все рушилось безъ тягостной борьбы, какъ бы само собою, единственно помощію дальновидной политики. Рѣдкій Государь умѣлъ такъ хорошо постигнуть потребности своего вѣка и народа, такъ искусно воспользоваться всѣми средствами и такъ удачно дойти до своей цѣли, какъ Іоаннъ III. Отъ сего все, что ни дѣлалъ онъ, подобно дѣяніемъ Петра Великаго, осталось вѣковымъ. Но разность между обоими Государями была чрезвычайная: Петръ созидалъ все вновь, всему давалъ новую, лучшую форму Европейскую, былъ героемъ на поляхъ брани, неутомимымъ законодателемъ, художникомъ, учителемъ своего народа; за каждое дѣло брался со всею живостію огненнаго характера и всѣ препятствія одолѣвалъ безпримѣрною силою души, самою быстротою своихъ дѣйствій. Іоаннъ усердно держался старины отечественной, не измѣнялъ ни нравовъ, ни обыкновеній, ни общественныхъ уставовъ, никогда не славился и личнымъ мужествомъ, главное же, въ каждомъ предпріятіи обнаруживалъ хладнокровную расчетливость, ждалъ благовременнаго случая, готовилъ вѣрныя средства, заставлялъ самыхъ враговъ дѣйствовать вмѣсто себя, и только тогда прибѣгалъ къ крутымъ мѣрамъ, когда наступала рѣшительная минута: тутъ онъ устремлялъ всю массу своихъ

силъ и приводилъ въ движеніе всѣ приготовленныя заранѣе пружины.

Съ такимъ характеромъ, при долговременномъ 45 лѣтнемъ правленіи, онъ постоянно стремился къ великой цѣли, руководившей всѣми дѣйствіями его: образовать изъ Русской земли, раздробленной иноплеменниками и природными Князьями, державу самостоятельную и благоустроенную. Для достиженія этой цѣли, ему надлежало рѣшить много вопросовъ: уничтожить удѣльную систему, покорить Новгородъ, отнять у потомковъ Чингизовыхъ мысль о верховной власти надъ восточною Русью, исторгнуть изъ рукъ Гедиминовыхъ потомковъ Русь западную, собрать всѣ Русскія земли въ одно цѣлое, дать своей державѣ лучшее устройство внутреннее, отдалить ее отъ Азіи, къ коей она доселѣ примыкала, и сблизить съ Европою. Одни изъ этихъ вопросовъ были рѣшены имъ окончательно; другіе же онъ предоставилъ времени и благоразумію наслѣдниковъ.

Уничтоженіе удѣловъ.

2. Уничтоженіе удѣльной системы совершилось въ нашемъ отечествѣ не вдругъ: разновластіе изчезало постепенно, во все время Іоаннова правленія, и окончательно прекратилось уже при сынѣ его: единодержавіе было главною цѣлію его политики; но всегда вѣрный правилу прибѣгать къ рѣши-

тельнымъ мѣрамъ только въ крайности, онъ не хотѣлъ начать открытую борьбу съ удѣльными владѣтелями, даже заключалъ съ ними договоры о взаимной неприкосновенности отчинъ; призналъ Великаго Князя Тверскаго равнымъ себѣ Государемъ, не трогалъ правъ ни Пскова, ни Новгорода; дозволилъ юному Князю Рязанскому, воспитанному въ Москвѣ, возвратиться въ отцовскую область; требовалъ только, чтобы Князья дѣйствовали съ нимъ за одно, признавали его старшимъ и не ссылались съ непріятелями Москвы. Исполняя свято договоры, не нарушая правъ удѣльныхъ, онъ хотѣлъ, чтобы и Князья уважали его право *старѣйшинства*, присвоивъ этому слову тотъ же смыслъ, какой имѣло оно при Владимірѣ Мономахѣ и при Димитріи Донскомъ: безъ воли его, Князья не смѣли предпринять ничего важнаго, ни заключать союзовъ, ни искать управы оружіемъ въ обыкновенныхъ своихъ распряхъ; въ противномъ случаѣ имъ грозилъ неумолимый гнѣвъ *Государя*. Однимъ словомъ, еще не касаясь удѣловъ, Іоаннъ былъ самодержавнымъ, подобно Владиміру Мономаху. Политика одного сходствовала съ политикою другаго, съ тѣмъ однако важнымъ различіемъ, что Мономахъ не искоренялъ удѣловъ; Іоаннъ же ловилъ каждый случай, для соединенія всѣхъ княжествъ въ одно государство, безъ явнаго впрочемъ насилія, и такъ искусно велъ дѣла, что удѣлы изчезали сами собою. Одни Князья,

не изъ рода Іоанна Калиты, напримѣръ Ростовскіе и Ярославскіе, имѣвшіе небольшіе участки, отвсюду окруженные Іоанновыми областями, вскорѣ убѣдились, что право владѣтельное было для нихъ одною тягостію, что отчины ихъ рано или поздно отойдутъ къ Москвѣ, хотѣли лучше заслужить милость Государя и при жизни добровольно уступали ему свои удѣлы; другіе же умирая бездѣтными, отказывали ему свои отчины духовнымъ завѣщаніемъ: такъ онъ пріобрѣлъ княжества Дмитровское, Вологодское, Верейское, Волоцкое, со многими городами; третіе наконецъ, именно родной братъ Государя Андрей Большой и Князь Тверской Михаилъ Борисовичъ, сами нарушивъ договоръ тайными сношеніями съ Ордою и съ Литвою, навлекли на себя гнѣвъ Іоанна: первый былъ заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ; второй бѣжалъ въ Литву и не возвращался; княжества ихъ, Тверское и Углицкое, присоединены къ Москвѣ. Право владѣтельное удержалъ одинъ Князь Рязанскій безусловною покорностію Государю Московскому.

Такимъ образомъ, къ концу Іоаннова правленія, рушилась удѣльная система, въ то самое время, когда въ Европѣ пресѣклась феодальная, съ тѣмъ однако различіемъ, что Людовикъ XI, Фердинандъ Католикъ, Генрихъ VII, утвердили самодержавіе кровью своихъ подданныхъ; Іоаннъ же, одолѣвъ

величайшія препятствія, единственно силою ума, ни чѣмъ не запятналъ своей славы. Конечно обстоятельства были иныя; много помогала ему Судьба; многое приготовлено было его дѣдомъ и прадѣдомъ; при всемъ томъ Князь Тверской и Андрей Васильевичъ могли бороться со всякимъ соперникомъ, кромѣ Іоанна.

3. Гораздо труднѣе было сладить съ Новгородомъ. Здѣсь Іоаннъ имѣлъ дѣло не съ однимъ лицемъ, а съ цѣлымъ народомъ, готовымъ умереть за свои льготы, данныя Ярославомъ Мудрымъ и увеличенныя слабыми его преемниками. Вѣче, присвоивъ послѣ Владиміра Мономаха право избирать себѣ Князя, вести войну, заключать миръ, опредѣлять дань, производить судъ и расправу, со всѣми Государями Владимірскими и Московскими постоянно спорило за границы обоюдныхъ владѣній, за дары и пошлины, предоставленные Великому Князю, за неподсудимость своихъ гражданъ его намѣстникамъ. Съ половины XIV столѣтія, когда началъ усиливаться домъ Гедимина, Новгородцы годъ отъ году были неуступчивѣе въ своихъ правахъ, требовали отъ каждаго Великаго Князя Московскаго присяги въ ненарушимости старинныхъ льготъ, грозя въ противномъ случаѣ признать покровителемъ своимъ Великаго Князя Литовскаго, и неоднократно поручали цѣлыя области въ управленіе

Покореніе Новгорода.

дѣтямъ и внукамъ Гедиминовымъ. Преемники Іоанна Калиты, тѣснимые со всѣхъ сторонъ врагами, Ордою, Литвою, Князьями удѣльными, благоразумно уклонялись отъ разрыва съ необузданнымъ народомъ и подтверждали его права, присвоенныя имъ во время бурнаго безначалія. Такимъ образомъ Новгородъ считалъ себя независимымъ и явно силился отдѣлиться отъ Московскаго государства. Иначе думалъ Іоаннъ: слѣдуя обычаю предковъ, въ началѣ своего правленія онъ оставилъ неприкосновенными всѣ преимущества Новгородскія; но при первомъ порывѣ своеволія, когда вѣче оскорбило его намѣстниковъ, присвоило княжескіе доходы и земли и взяло съ жителей присягу толькоименемъ Новгорода, Государь напомнилъ Новгородцамъ, чтобы они держали имя его *грозно и честно по старинѣ*, и не забывали, что предки его именовались Великими Князьями Владимірскими, Новгородскими и всея Руси. Вѣче прибѣгло къ обыкновенной политикѣ: подстрекаемое вдовою посадника Борецкаго Мареою, женщиною богатою, честолюбивою, искавшею власти въ своемъ отечествѣ, оно хотѣло испугать Іоанна тѣснымъ союзомъ съ Казимиромъ Литовскимъ и торжественною грамматою
1471. объявило его своимъ Государемъ, на тѣхъ же условіяхъ, какъ господствовали Князья Московскіе. Такой поступокъ требовалъ рѣшительныхъ мѣръ къ обузданію мятежнаго народа. Іоаннъ спѣшилъ

предупредить Казимира и двинулъ всѣми силами; всѣ Князья удѣльные, тогда еще не утратившіе своихъ областей, не исключая и Тверскаго, соединились съ нимъ; грозное ополченіе, подъ личнымъ начальствомъ Государя, вступило въ область Новгородскую, какъ въ землю непріятельскую, опустошая все пространство отъ Торжка до Ильменя. Побѣда князя Холмскаго на берегахъ Шелони, гдѣ легло около 12000 мятежниковъ, разсѣяла ихъ войска. Іоаннъ, взявъ въ плѣнъ многихъ знатныхъ гражданъ, одиимъ, въ томъ числѣ и сыну Марѳы посадницы, боярину Димитрію, велѣлъ отрубить головы; другихъ разослалъ по темницамъ; многимъ, менѣе виновнымъ, даровалъ свободу. Шелонская побѣда, еще болѣе рѣшительная строгость Великаго Князя образумила Новгородцевъ: они увидѣли въ Іоаннѣ не соперника, не врага обыкновеннаго, а Государя, имѣвшаго право карать и миловать, и безусловною покорностію спѣшили смягчить его. Онъ простилъ Новгородцевъ, взявъ въ пеню около 80 пудъ серебра; не уничтожилъ ни вѣча, ни древнихъ льготъ, признанныхъ прежними Князьями; подтвердилъ ихъ новою договорною грамматою; возвратилъ завоеванныя мѣста; однимъ словомъ, согласился править по старинѣ, съ тою однако важною отмѣною, что присвоилъ себѣ верховный судъ въ случаѣ несогласія его намѣстниковъ съ Новгородскими сановниками.

9 Іюля.

1471.

Но судьба Новгорода была уже рѣшена въ умѣ Іоанновомъ: оставить его при прежнихъ правахъ было бы не согласно съ системою единовластія, уже со времень Калиты признанною необходимымъ условіемъ бытія Русской державы. Онъ не рѣшился уничтожить тѣнь его самостоятельности, послѣ Шелонской побѣды, изъ опасенія встрѣтить отчаянное упорство въ народѣ, издавна привыкшемъ къ волѣ, хотѣлъ прежде приготовить умы въ свою пользу и найти друзей въ самомъ Новгородѣ. Въ семь лѣтъ онъ достигъ своей цѣли. Пользуясь верховнымъ правомъ суда, Іоаннъ умѣлъ заслужить такое уваженіе умомъ, безпристрастіемъ, строгостію, что благомыслящіе Новгородцы, негодуя на внутреннія неустройства, на лихоимство своихъ сановниковъ, охотно прибѣгали къ правосудію Великаго Князя: большая часть народа, всѣ бѣдные граждане были на его сторонѣ. Видя недруговъ только въ высшемъ сословіи, онъ былъ увѣренъ въ слабомъ сопротивленіи и ждалъ одного повода, чтобы сравнять Новгородъ съ прочими городами въ общемъ составѣ государственнаго устройства. Этотъ поводъ вскорѣ представился: въ 1475 году вѣчевые послы, прибывшіе въ Москву, наименовали его *Государемъ* Новгорода, вмѣсто Господина, какъ прежде назывались Князья: онъ требовалъ объясненія, не хотятъ ли Новгородцы присягнуть ему, какъ полному властителю? Вѣче отозвалось съ укоризною, что оно

не думало давать ему титулъ Государя; между тѣмъ друзья Борецкихъ волновали народъ и преслѣдовали друзей Москвы. Іоаннъ, оскорбленный дерзкимъ отвѣтомъ, рѣшился навсегда прекратить неустройства; попрежнему собралъ всѣ свои силы; подданные съ усердіемъ стекались подъ его знамена, признавая Новгородцевъ врагами отечества и клятвопреступниками. Друзья Марѳы посадницы подстрекали гражданъ къ мужественному отпору; отчаянное сопротивленіе ожидало Іоанна; онъ избѣгалъ кровопролитія, тѣснилъ народъ голодомъ; искусно велъ переговоры; многочисленные друзья его, главою коихъ былъ архіепископъ Ѳеофилъ, одержали наконецъ верхъ. Новгородъ изъявилъ безусловную покорность. Вѣче было уничтожено, званіе посадника отмѣнено; старинныя формы суда и сбора податей, напоминавшія самостоятельность внутренняго управленія, уступили мѣсто новымъ формамъ въ духѣ самодержавія. Іоаннъ, опредѣливъ Новгороду намѣстникомъ своего боярина, (князя Оболенскаго Стригу) далъ слово забыть все прошедшее и наказалъ только немногихъ, главныхъ недоброжелателей своихъ, въ томъ числѣ и Марѳу посадницу, заключивъ ее въ Нижнемъ Новгородѣ.

1477

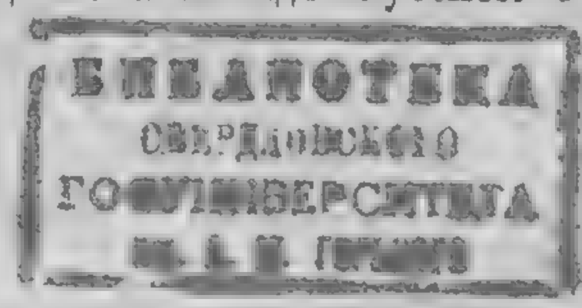
15 Января 1478.

Іоаннъ, начавъ дѣло, не любилъ останавливаться насрединѣ. Опасаясь, чтобы не пробудилась въ Новгородцахъ мысль о прежнихъ правахъ, онъ ста-

рался подавить ее при каждомъ новомъ неустройствѣ. Два обстоятельства могли еще воскресить древнюю волю Новгородцевъ: съ одной стороны знатные граждане, отказавшись отъ старинныхъ льготъ, сохраняли свои обширныя помѣстья и таили замыселъ возстановить прежній образъ правленія; съ другой стороны купцы ганзейскіе, приносившіе свои понятія о господствѣ народномъ, могли волновать умы и поддерживать духъ своеволія. Іоаннъ постепенно искоренилъ то и другое зло: многіе бояре, люди житые и торговые, обви-
1481-1498. ненные въ злыхъ умыслахъ, были заключены; семейства ихъ переселены въ отдаленныя области; помѣстья же розданы Московскимъ сановникамъ. Купцы ганзейскіе также были изгнаны изъ Новгорода въ концѣ Іоаннова правленія: раздраженный самоуправствомъ Ревельскаго магистрата съ Русскими подданными, Государь требовалъ отъ Ливонскаго ордена возмездія, и получивъ грубый отказъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пресѣчь всѣ связи съ Нѣмцами: онъ велѣлъ схватить купцовъ ганзейскихъ, числомъ до 50, находившихся въ Новгородѣ, и бросить въ темницы, гдѣ они большею частію умерли, имѣнія же отобрать въ казну; лавки, гостиные дворы и божницу запечатать. Эта строгость навела такой ужасъ на всю ганзу, что она прекратила на долгое время сношенія съ Россіею и перевела свою торговлю въ Ригу, Дерптъ, Ревель и Нарву.

Утративъ все, что давало силу, скопляло богатства, поддерживало духъ независимости, Новгородъ мало по малу, къ концу Іоанновой жизни, ничѣмъ не отличался отъ другихъ Русскихъ городовъ въ общемъ составѣ государственнаго управленія. — Псковъ, имѣвшій устройство сходное съ Новгородскимъ, спасъ свое вѣче, своихъ посадниковъ, старинныя формы суда и расправы, единственно постоянною вѣрностію Государю Московскому и усерднымъ содѣйствіемъ во всѣхъ его предпріятіяхъ, особенно въ войнѣ съ Новгородцами. Іоаннъ не трогалъ его до перваго случая, руководствуясь правиломъ, не употреблять силы безъ необходимости, и оставилъ преемникамъ легкій трудъ уничтожить старину Псковскую.

4. Освобожденіе Русской державы отъ власти Монголовъ есть одно изъ важнѣйшихъ дѣяній мудрой политики Іоанновой, тѣмъ болѣе достопамятное, что отечество избавилось отъ рабства, не ослабивъ себя трудною борьбою. Паденіе Золотой орды, подобно уничтоженію удѣльной системы и покоренію Новгорода, совершилось не вдругъ: оно было дѣломъ всей жизни Іоанновой. Зная, что для независимости отечества, надобно было сокрушить орду, разсѣять ея улусы и уничтожить гнѣздившуюся въ Сараѣ мысль о мнимомъ правѣ Чингизовыхъ потомковъ господствовать надъ Русскою землею, Іо- Сверженіе ига.

БИБЛИОТЕКА
СВЕРДЛОВСКОГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

13910
38236

анъ въ тоже время видѣлъ, что самая блистательная побѣда не разгромитъ царства Кипчакскаго, что рѣшительный ударъ, какъ подвигъ героя Донскаго, только образумитъ злодѣевъ и соединитъ раздѣлившіеся улусы попрежнему въ одинъ юртъ неодолимый. Единственнымъ средствомъ погубить орду было предать ее въ жертву внутреннихъ раздоровъ. Уже предшественники Іоанновы понимали эту истину; но частію отъ слабости, частію отъ незрѣлой еще политики, не знали искусства усиливать ордынскія распри. Іоаннъ рѣшился ослабить враговъ врагами, довести ихъ до изнеможенія и потомъ уже нагрянуть всею массою своихъ силъ. Онъ достигъ вожделѣнной цѣли съ рѣдкимъ успѣхомъ, устранилъ отъ своей державы бѣдствія кровопролитной борьбы и избавилъ ее отъ ига однимъ умомъ.

Въ первые годы по восшествіи на престолъ, около 10 лѣтъ, Іоаннъ не отказывалъ въ дани Хану Большой орды Ахмату, принималъ его пословъ съ честію, но безъ прежняго униженія, посылалъ въ орду своихъ съ дарами, вообще уклонялся отъ всякаго повода къ разрыву; между тѣмъ бралъ свои мѣры. Сперва обратилъ вниманіе на царство Казанское, независимое отъ орды, даже непріязненное ей, и хотѣлъ присвоить надъ нимъ верховную власть, чтобы съ одной стороны обезопасить восточные предѣлы своей державы отъ опасныхъ хищ-

[illegible library stamp]

никовъ, съ другой же открыть удобный путь въ орду, при первой борьбѣ съ нею, посредствомъ Волги. Но онъ еще не въ силахъ былъ сладить даже съ отдѣльною Казанью: неоднократные походы воеводъ его не имѣли успѣха. Оставивъ Казань до времени въ покоѣ, Государь заключилъ тѣсный союзъ съ Крымскимъ Ханомъ, основанный на взаимныхъ выгодахъ и тѣмъ болѣе прочный. Въ Тавридѣ, по смерти Гаджи Гирея, возникли раздоры между сыновьями его: Менгли Гирей, изгнавъ старшаго брата Нордоулата, бѣжавшаго въ Литву, искалъ себѣ покровителя. Ни Литовскій Князь, ни Ханъ Большой орды не могли ему благопріятствовать: первый поддерживалъ Нордоулата, второй питалъ родовую вражду къ потомкамъ Тохтамыша. Іоаннъ, зная хорошо все, что дѣлалось вокругъ его, предложилъ союзъ Менгли Гирею; тотъ съ радостію принялъ его вызовъ и заключилъ самую тѣсную съ нимъ дружбу. Нельзя было избрать лучшаго союзника: Менгли Гирей, по первому слову Государя Московскаго, громилъ то орду, то Литву, не щадилъ для выгодъ его ни себя, ни друзей, ни враговъ, и до конца жизни Іоанновой служилъ ему съ рѣдкимъ усердіемъ.

1467-1469.

1473.

Увѣренный въ его дружбѣ, Великій Князь приступилъ къ дѣлу: прогналъ Ханскихъ пословъ и пересталъ платить дань. Ахматъ, уже недовольный

скупостію Великаго Князя, послѣ тщетныхъ усилій смирить его собственнымъ войскомъ, заключилъ наступательный союзъ съ Казиміромъ, который, упустивъ изъ рукъ своихъ Новгородъ и думая возвратить его, обѣщалъ выставить всѣ свои силы, чтобы въ одно время съ ордою ударить на Россію съ запада. Іоаннъ, видя неизбѣжность борьбы, отъ коей тщательно уклонялся, взялъ свои мѣры: какъ скоро двинулся Ханъ, Менгли Гирей вторгся въ Подолію и остановилъ Казиміра; между тѣмъ Звенигородскій воевода Ноздреватый и Крымскій царевичъ Нордоулатъ, искавшій покровительства Великаго Князя и служившій ему залогомъ вѣрности Менгли Гирея, съ отдѣльнымъ отрядомъ спустились на судахъ Волгою въ беззащитные улусы. Самъ Государь въ тоже время спѣшилъ вывести въ поле всѣ свои силы; подданные, вѣря его уму и счастію, ополчались съ восторгомъ за свободу отечества и ободряемые духовенствомъ, горѣли желаніемъ сразиться съ врагами: возобновилось время Донскаго. Іоаннъ могъ обѣщать себѣ еще болѣе успѣха, чѣмъ великій дѣдъ его, имѣя сильнѣйшее войско и зная очевидную слабость Ахмата. Но онъ не хотѣлъ жертвовать подданными безъ нужды, берегъ свои силы, заслонилъ только Ахмату путь въ Россію на берегахъ Угры и вопреки общему желанію, столь краснорѣчиво выраженному въ посланіи архіепископа Вассіана, уклонялся отъ битвы,

ждалъ вѣстей отъ Поздроватаго. Тотъ съ полнымъ
успѣхомъ совершилъ свое порученіе: разгромивъ
улусы, гдѣ остались одни старцы, жены и дѣти,
разрушивъ Сарай, взявъ множество плѣнниковъ,
съ богатою добычею возвратился въ отечество.
Ахматъ съ ужасомъ свѣдалъ о разореніи своего
царства и бѣжалъ отъ Русскихъ предѣловъ [1]. Его 1480.
постигла участь Мамая: Ногайскіе мурзы, подъ
начальствомъ Шейбанскаго князя Ивака, кочевав-
шіе по Уралу, спѣшили воспользоваться злополу-
чіемъ Большой орды, еще болѣе богатою добычею
опустошенныхъ ею Литовскихъ городовъ, вытѣ-
снили Ахмата изъ Приволжскихъ степей, загнали
его къ берегамъ Азовскаго моря и тамъ умертвили.
Ивакъ сталъ господствовать по Волгѣ; но не смѣя 1481.
и думать о владычествѣ надъ Русью, искалъ одного
добраго расположенія Государя Московскаго. Дѣти

1. Ахматъ шелъ отъ Дона мимо Мценска и Одоева къ Угрѣ, чтобы соединиться съ Литовцами; 8 Октября подступилъ къ Угрѣ и остановился на правомъ берегу рѣки; Русскіе расположились на лѣвомъ; перестрѣливались 4 дня. Іоаннъ предлагалъ миръ и дары; Ахматъ, сказавъ, что Князь уже девять лѣтъ не платитъ дани, требовалъ, чтобы онъ просилъ прощенія у царскаго стремени. Переговоры пресѣклись; прошло двѣ недѣли въ бездѣйствіи. Въ это время архіепископъ Вассіанъ краснорѣчивымъ посланіемъ побуждалъ Государя къ рѣшительному удару. По наступленіи морозовъ, 7 Ноября Государь велѣлъ войску отступить на поля Боровскія, гдѣ на выгодномъ мѣстѣ думалъ дать сраженіе: войско оробѣло и побѣжало, ни кѣмъ не гонимое; Ахматъ, опасаясь засады, также ударился въ бѣгство въ противную сторону, разоривъ на пути 12 Литовскихъ городовъ въ отмщеніе Казимиру, вторично обманувшему Хана. Въ память освобожденія Россіи отъ ига, Іоаннъ установилъ ежегодный праздникъ Богоматери 23 Іюня.

же Ахматовы съ остатками своей орды долго скитались по степямъ между Кумою, Дономъ и Днѣпромъ, вели жестокую войну съ Менгли-Гиреемъ, не рѣдко съ успѣхомъ, и все еще величались именемъ нашихъ властителей. Іоаннъ, въ союзѣ съ Крымскимъ Ханомъ, могъ бы сокрушить безъ труда гнѣздо нашихъ злодѣевъ; но лучше хотѣлъ употребить свои силы на важнѣйшее дѣло: чрезъ семь лѣтъ послѣ неудачнаго покушенія Ахмата, свѣдавъ о раздорахъ, возникшихъ въ Казани по смерти Ибрагима, онъ послалъ туда мужественнаго воеводу Холмскаго, чтобы поддержать партію благопріятную Москвѣ; Холмскій сдѣлалъ болѣе: взялъ
1487. Казань приступомъ и возвелъ на престолъ меньшаго сына Ибрагимова, Магметъ Аминя, обязавъ его быть присяжникомъ и данникомъ Іоанна; брата же его Алегама прислалъ плѣнникомъ въ Москву. Съ тѣхъ поръ тѣнь Батыева царства не находила себѣ мѣста: съ одной стороны тѣснили ее, по волѣ Государя, Казанскіе Татары, съ другой неутомимо преслѣдовалъ Менгли Гирей, какъ для собственной безопасности, такъ и еще болѣе въ угожденіе своему могущественному союзнику. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ битвъ, года за три
1502. до смерти Іоанна, дѣятельный Гирей истребилъ совершенно орду Кипчакскую: послѣдній Ханъ ея, все еще считавшій себя въ правѣ быть повелителемъ Руси, Шигъ Ахметъ, искалъ убѣжища въ

Литвѣ и нашелъ темницу: онъ умеръ плѣнникомъ въ Ковнѣ.

5. Оставивъ Менгли Гирею заботы добивать слабую орду, Іоаннъ между тѣмъ обратилъ все вниманіе на западную Русь. По примѣру Димитрія Донскаго, онъ считалъ Русскія области, подвластныя потомкамъ Гедимина, древнимъ достояніемъ своего дома, присвоеннымъ иноплеменниками во времена *невзгоды* отечества; съ той же точки смотрѣлъ и на владѣнія Меченосцевъ. Мысль о правахъ дома Калиты на всю Русскую землю неоднократно обнаруживалась въ сношеніяхъ Іоанна съ дворами Польскимъ, Австрійскимъ и Венгерскимъ: онъ изъявлялъ имъ рѣшительное намѣреніе *добывать* не только Витолдовыхъ завоеваній, но и самаго Кіева со всею Волынью. Предполагая при первомъ удобномъ случаѣ возобновить свои права, Государь, по обыкновенію, готовилъ вѣрныя средства къ успѣху: заключилъ тѣсный родственный союзъ съ Господаремъ Молдавскимъ Стефаномъ Великимъ, женивъ на дочери его Еленѣ старшаго сына своего, вступилъ въ дружбу съ Королемъ Венгерскимъ Матеемъ Корвиномъ, преемникомъ знаменитаго Гунніада, искалъ союза съ Германскимъ Императоромъ Максиміаномъ, и подтверждая дружественные договоры съ Менгли Гиреемъ, соглашался дѣйствовать противъ орды, опасной для одного Крыма, только въ такомъ слу-

Борьба съ Ягеллонами.

1482.

1490.

чаѣ, когда Ханъ не оставитъ въ покоѣ Казимира. Почти со всѣхъ сторонъ окруживъ Литовскаго Государя союзниками, Іоаннъ нашелъ друзей въ самой Литвѣ: не взирая на долговременное господство дома Гедиминова, въ западной Руси никогда не изчезала мысль о родствѣ ея съ восточною. Эта мысль, поддерживаемая единовѣріемъ, языкомъ, свѣжими преданіями Исторіи, такъ сильно обнаруживалась, что Казимиръ, опасаясь добровольнаго подданства Литовской Руси Іоанну, избѣгалъ борьбы съ могущественнымъ соперникомъ. Въ самомъ дѣлѣ обитатели Заднѣпровскихъ странъ доселѣ чуждались Московскаго государства, единственно изъ ненависти къ Монгольскому владычеству; но едва рушилось ненавистное иго, они стали смотрѣть на Іоанна, уже знаменитаго умомъ и славою, какъ на истиннаго, природнаго Государя всей Русской земли, и другъ предъ другомъ искали чести быть его подданными. Прежде всего изъявили это желаніе правнуки Олгерда, единовѣрные намъ князья Ольшанскій, Бѣльскій, Олельковичъ, въ послѣдствіи князья племени Владиміра св., имѣвшіе свои отчины въ
1492. Сѣверскомъ княжествѣ, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе, Перемышльскіе и другіе, давая только знать Королю, что слагаютъ съ себя званіе его присяжниковъ и возвращаются подъ сѣнь древняго отечества. Казимиръ требовалъ, чтобы Іоаннъ не принималъ ихъ, и хотѣлъ поддержать свое требованіе

силою оружія; но въ то самое время Менгли Гирей опустошилъ Кіевъ и заставилъ Короля подумать о безопасности своихъ владѣній. Казимиръ вскорѣ умеръ, въ самомъ началѣ войны съ Іоанномъ. Литовско-Русскіе чины спѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, для расторженія тягостнаго союза съ Польшею, и объявили своимъ Великимъ Княземъ сына Казимирова Александра, между тѣмъ, какъ старшій братъ его Албрехтъ вступилъ на Польскій престолъ. Александръ, видя явную невозможность бороться съ Іоанномъ, пріобрѣвшимъ всеобщую любовь въ западной Руси, считалъ единственнымъ средствомъ къ спасенію своего престола кровное родство съ сильнымъ соперникомъ и просилъ руки дочери его Елены, уступая Сѣверское княжество. Іоаннъ охотно согласился на это предложеніе, въ 1494.
надеждѣ соединить Русскую землю еще тѣснѣйшими узами, поддержать Греческій законъ, тѣснимый въ Литвѣ Римскимъ духовенствомъ, и прекратить распри обоихъ государствъ, проистекавшія не отъ вражды народной, а отъ личной непріязни вѣнценосцевъ. Къ сожалѣнію, надежда его не исполнилась: Александръ, вступая съ нимъ въ родство, хотѣлъ только связать ему руки; усердно преданный Римскому двору, онъ преслѣдовалъ своихъ подданныхъ Греческаго вѣроисповѣданія, самую супругу принуждалъ къ перемѣнѣ религіи. Слѣдствіемъ безразсудной политики его были всеобщія жалобы

православныхъ, кончившіяся новымъ отпаденіемъ отъ Литовскаго княжества Русскихъ городовъ Чернигова, Рыльска, Стародуба, Новгорода Сѣверскаго и другихъ. Іоаннъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, и послѣ тщетныхъ стараній образумить зятя, прибѣгнулъ къ оружію. Кровопролитная война запылала. Московское войско постоянно имѣло верхъ; полководецъ Іоанновъ, князь Даніилъ Щеня одержалъ рѣшительную побѣду надъ Литовскимъ
1500. войскомъ при рѣкѣ Ведрошн (близъ Дорогобужа), взявъ въ плѣнъ самого военачальника, князя Константина Острожскаго. Между тѣмъ Крымцы опустошили Кременецъ, Владиміръ Волынскій, Луцкъ. Доведенный до крайности, Александръ искалъ помощи у Ливонскаго ордена, и нашелъ усерднаго союзника въ мужественномъ гермейстерѣ Плеттенбергѣ, который неоднократными побѣдами надъ Рус-
1501. скими войсками, въ особенности на Сирицѣ близъ Изборска, замедлялъ успѣхи нашего оружія. Война становилась годъ отъ году упорнѣе, тягостнѣе для Россіи; Александръ, по смерти брата, вступилъ на Польскій престолъ и могъ располагать силами обоихъ государствъ; союзники наши дѣйствовали слабо, или вовсе отказались отъ участія: Стефанъ Молдавскій, огорченный гнѣвомъ Іоанна на свою дочь, присталъ къ сторонѣ нашихъ непріятелей; Матѳей Корвинъ умеръ еще до начала войны; мѣсто его занялъ братъ Александровъ Владиславъ; самъ Менгли

Гирей не оказывалъ прежняго усердія, завися на старости отъ своихъ дѣтей и мурзъ, подкупленныхъ Литовскимъ Княземъ; Царь Казанскій обнаруживалъ явную непріязнь и безпокоилъ наши восточные предѣлы. Къ этому присоединились семейныя горести Іоанна, бывшія слѣдствіемъ смерти старшаго сына его. Утомленный безпрерывною дѣятельностію, онъ избѣгалъ борьбы долговременной, держась правила дѣйствовать болѣе посредствомъ союзниковъ, чѣмъ собственными силами. Александръ, съ своей стороны, опасаясь Турокъ, еще ревностнѣе искалъ мира, требуя однакожъ возвращенія всѣхъ завоеванныхъ нами городовъ, какъ своей *отчины*. Іоаннъ, велѣвъ ему сказать, что отчина королевская есть земля Польская и Литовская, Русская же есть его собственность, и что онъ намѣренъ добывать Смоленска, Кіева и другихъ городовъ, согласился единственно заключить съ Литвою и съ 1503.
орденомъ перемиріе на 6 лѣтъ, удержавъ за собою все княжество Сѣверское и обязавъ Дерптскаго епископа платить себѣ ежегодную дань.

6. Соединяя Русскія земли въ одно цѣлое, въ Связь съ Европою.
государство единодержавное, Іоаннъ въ тоже время заботился о сближеніи своего отечества съ Европою, въ слѣдствіе простой мысли, что Россія, по своему положенію, по вѣрѣ, по языку, долженствовала войти въ составъ государствъ Европейскихъ. Тѣсная связь съ Европою началась съ первыхъ лѣтъ

его правленія и стала въ особенности замѣтна къ концу его жизни. Поводомъ къ этой связи былъ достопамятный случай, обильный и другими важными послѣдствіями. По завоеваніи Турками Царяграда, братъ послѣдняго Византійскаго Императора Константина, Ѳома Палеологъ искалъ убѣжища въ Римѣ и тамъ поселился съ семействомъ. Дочь его Софія, славившаяся умомъ и красотою, обращала на себя вниманіе многихъ Европейскихъ вѣнценосцевъ, въ томъ числѣ Короля Французскаго и Герцога Медіоланскаго. Папа Павелъ II предложилъ ея руку Іоанну, въ надеждѣ, что царевна, воспитанная въ правилахъ Флорентійскаго соединенія, убѣдитъ своего мужа признать Римскаго первосвященника главою Россійской церкви, и что Государь Московскій, по свойству съ Палеологами, освободитъ Грецію отъ варваровъ, по крайней мѣрѣ не оставитъ ихъ въ покоѣ и отвлечетъ ихъ силы отъ Италіи, трепетавшей при одномъ имени Магомета. Іоаннъ охотно согласился принять руку царевны и соче-
1472. тался съ нею бракомъ; но не исполнилъ ни одного изъ папскихъ предположеній: не думалъ признавать духовную власть Римскихъ первосвященниковъ въ своемъ государствѣ и не хотѣлъ воевать съ Турками, сберегая свои силы для сокрушенія ордъ Татарскихъ и для борьбы съ потомками Гедимина. Бракъ его съ Софіею имѣлъ совсѣмъ другое вліяніе на судьбу нашего отечества.

Европа, пораженная бѣдствіемъ Византіи, съ живѣйшимъ любопытствомъ смотрѣла на страну, куда удалилась послѣдняя отрасль знаменитаго дома Палеологовъ; узнала, что *Московія* есть держава христіанская, что Государь ея обладаетъ обширными землями и можетъ бороться даже съ Турками. Послы Европейскіе одинъ за другимъ стали являться въ Москвѣ; заключали дружественные и торговые договоры, въ особенности надѣялись на дѣятельное участіе наше въ крестовомъ походѣ, о коемъ думали на западѣ, для изгнанія Турокъ. Іоаннъ охотно дружился съ Европейскими Государями, и хотя не принималъ никакого участія въ судьбѣ западнаго христіанскаго міра, ограничивая свою политику сосѣдственными землями; но умѣлъ извлечь самыя существенныя выгоды для своего отечества изъ союза съ Европейскими державами: вызывалъ, въ особенности изъ Венеціи, Милана, Флоренціи, искусныхъ зодчихъ, литейщиковъ, монетчиковъ, серебряниковъ, рудокоповъ; воздвигалъ, при пособіи ихъ, величественныя зданія въ Кремлѣ, лилъ пушки, чеканилъ монету, отыскивалъ руду, укрѣплялъ города. Изъ художниковъ, прибывшихъ вскорѣ за Софіею, Фіоравенти Аристотель (изъ Болоніи) построилъ Успенскій храмъ, великолѣпнѣйшій памятникъ зодчества XV вѣка, Марко Фрязинъ Грановитую палату; Павелъ Дебосисъ прославился литейнымъ искусствомъ. Въ слѣдъ за царевною появились въ Мо-

сквѣ многіе Греки, которые принесли съ собою драгоцѣнныя рукописи, сообщили намъ свои свѣдѣнія, отчасти и политику. Сама Софія, своимъ умомъ, характеромъ, своими совѣтами не мало содѣйствовала къ исполненію великихъ плановъ Іоанновыхъ: воспитанная при дворѣ, искони знаменитомъ пышностію, она безъ сомнѣнія не могла быть довольна прежнимъ простымъ образомъ жизни нашихъ Государей; по крайней мѣрѣ со времени ея прибытія, дворъ Московскій уже не уступалъ въ великолѣпіи Византійскому: учреждены были многія придворныя званія, дотолѣ неизвѣстныя; введены разные торжественные обряды (напримѣръ цѣлованіе царской руки); въ самомъ титулѣ и въ гербѣ Государя произошли перемѣны: въ сношеніяхъ съ иноземцами онъ сталъ именоваться *Царемъ Бѣлой* или Великой Россіи, исчислялъ всѣ подвластныя ему земли, и принялъ гербъ Византійскій, орла двуглаваго, соединивъ его съ прежнимъ Московскимъ (изображеніемъ св. Георгія побѣдоносца). Все это сильно поражало умы подданныхъ и возвышало Іоанна на степень истиннаго самодержца: потомки Владиміра св., наравнѣ съ простыми царедворцами, гордились званіемъ боярскимъ и съ почтеніемъ цѣловали руку Государя. Наконецъ едвали не Софію должны были благодарить современники за рѣшительность Іоанна вступить въ борьбу съ Ахматомъ: по крайней мѣрѣ, онъ только тогда пере-

сталъ платить дань и выгналъ пословъ ордынскихъ изъ Москвы, когда сочетался съ нею бракомъ; а Герберштейнъ именно свидѣтельствуетъ, что царевна неотступно требовала отъ него сверженія постыднаго ига.

Внутреннее устройство.

7. Іоаннъ наконецъ установилъ порядокъ и внутренняго государственнаго устройства. Думать о введеніи наукъ, объ умственномъ образованіи народа, о смягченіи нравовъ, было еще не время: прежде всего надлежало умножить государственныя силы и доходы, опредѣлить формы суда и расправы, главное же обезпечить судьбу Россіи лучшимъ порядкомъ престолонаслѣдія. Отличительнымъ характеромъ внутреннихъ учрежденій Іоанновыхъ была не столько новость основныхъ началъ, сколько опредѣлительность прежнихъ формъ гражданственности. Тщательно избѣгая всего иноземнаго, усердно держась старины отечественной, онъ не измѣнялъ ни правъ, ни взаимныхъ отношеній; но въ тоже время опредѣлялъ имъ сферу, давалъ лучшее направленіе, сообразное съ системою единодержавія, и подобно Ярославу, наложивъ печать закона на главныя условія жизни общественной, заслужилъ отъ потомства справедливое имя законодателя: по указаніямъ его, въ послѣдствіи развивалась Русская жизнь до Петра Великаго.

Для умноженія военныхъ силъ, онъ роздалъ помѣстья многочисленному классу людей свободныхъ, *Дѣтямъ боярскимъ*, коихъ обязалъ преимущественно военною службою, такъ, что по первому требованію, они выступали въ походъ въ полномъ вооруженіи съ извѣстнымъ числомъ ратниковъ; сверхъ того для единства дѣйствій, принялъ постояннымъ правиломъ раздѣлять войско на полки, ввелъ разряды или расписаніе корпусовъ по мѣстамъ; опредѣлилъ взаимныя отношенія воеводъ, требовалъ строгой дисциплины, и усилилъ снарядъ или артиллерію, которая съ тѣхъ поръ была непремѣнною принадлежностію нашего ратнаго дѣла. Наконецъ онъ же положилъ начало войску постоянному, принявъ исключительно въ службу воинскую многихъ Литовцевъ и Нѣмцевъ. Для умноженія государственныхъ доходовъ, онъ установилъ лучшій порядокъ въ сборѣ податей и судныхъ пошлинъ; земледѣльцы были расписаны на сохи и обложены опредѣленнымъ количествомъ денегъ или сельскихъ произведеній. Порядокъ суда и расправы былъ опредѣленъ Уложеніемъ, составленнымъ, по волѣ Іоанна, въ 1497 году дьякомъ Гусевымъ. Тутъ находятся сверхъ того постановленія о куплѣ, займѣ, наслѣдствѣ, земляхъ, холопяхъ и земледѣльцахъ. Оно служило основаніемъ Судебнику Царя Іоанна Грознаго и Уложенію Царя Алексѣя Михайловича.

По важнѣйшимъ изъ внутреннихъ дѣяній его было распоряженіе о нераздѣльности Московскаго государства. Первенецъ Іоанновъ отъ Маріи Тверской, именемъ также Іоаннъ (младой), коего имя находимъ во всѣхъ актахъ на ряду съ именемъ Государя, женатый на дочери Стефана Молдавскаго, умеръ прежде отца въ 1490, оставивъ сына Димитрія. Великій Князь, уже близкій къ дверямъ гроба, долго не рѣшался, кого назначить себѣ преемникомъ, внука, или втораго сына, Василія. Дворъ раздѣлился на партіи. Въ 1498 доброхоты Василіевы, безъ сомнѣнія противъ вѣдома его, хотѣли избавить его отъ соперника ядомъ: заговоръ открылся; Іоаннъ казнилъ злоумышленниковъ, въ числѣ ихъ и дьяка Гусева, составившаго Уложеніе; къ Василію приставилъ стражу; даже съ супругою не хотѣлъ видѣться, а внука объявилъ преемникомъ и торжественно вѣнчалъ на царство въ храмѣ Успенскомъ. Чрезъ годъ онъ примирился съ Софіею, казнилъ многихъ бояръ, оклеветавшихъ ее, и назвалъ Василія Государемъ, Великимъ Княземъ Новгорода и Пскова. Димитрій же именовался Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ. Къ счастію отечества, Іоаннъ успѣлъ предупредить бѣдствія двудержавія: чрезъ три года (1502), онъ разгнѣвался, по неизвѣстнымъ причинамъ, на Елену и Димитрія, запретилъ внуку именоваться Великимъ Княземъ, приставилъ къ нему стражу, а Василія

объявилъ Государемъ всея Руси. Елена умерла съ тоски въ 1505; сынъ же ея оставался въ тѣсномъ заключеніи до самой смерти, въ 1509. Назначивъ старшаго сына Василія Государемъ всея Руси, младшимъ Іоаннъ далъ значительныя помѣстья отъ трехъ до осьми городовъ со многими селами [1]. Они имѣли свой дворъ, своихъ сановниковъ, пользовались всѣми доходами съ назначенныхъ имъ областей; но не имѣли тѣхъ правъ владѣтельныхъ, кои принадлежали прежнимъ Князьямъ удѣльнымъ: не могли судить у себя душегубства, не чеканили монеты, не участвовали въ откупѣ государственномъ, тѣмъ менѣе могли сноситься съ иноземными державами. Однимъ словомъ, они были только частными владѣльцами, подобно богатымъ помѣщикамъ. Верховная же власть сосредоточивалась въ одномъ лицѣ Государя.

II. ВАСИЛІЙ III.

1505 — 1533.

Заслуги Василія.

8. Іоаннъ оставилъ своимъ преемникамъ три великія дѣла: 1) постепеннымъ соединеніемъ всѣхъ

1. *Юрію* Дмитровъ, Звенигородъ, Кашинъ, Рузу, Брянскъ, Серпейскъ; *Димитрію* Угличь, Хлепень, Рогачевъ, Зубцовъ, Опоки, Мещовскъ, Опаковъ, Мологу; *Симеону* Бѣжецкій Верхъ, Калугу, Козельскъ; *Андрею* Верею, Вышегородъ, Алексинъ, Любутскъ, Старицу, Холмъ, Новый городокъ.

Русскихъ земель въ одно цѣлое, расширить предѣлы своей державы на западѣ до тѣхъ рубежей, въ коихъ господствовалъ домъ Владиміра св. прежде Монголовъ; 2) рѣшительнымъ вліяніемъ на судьбу Татарскихъ улусовъ, возникшихъ изъ Золотой орды, обезопасить государство съ востока; 3) общими положительными законами въ духѣ самодержавія опредѣлить главныя условія общественной жизни, и въ тоже время тѣсными союзами съ западными Государями сблизить свое отечество съ Европою, чтобы воспользоваться плодами искусствъ и промышленности образованныхъ народовъ. Основанія политики его такъ были просты, такъ явно клонились къ благоденствію государства и притомъ данное имъ направленіе такъ было могущественно, что и внутри и извнѣ все развивалось изъ началъ, имъ установленныхъ. Вытѣснить чуждое господство изъ Западной Руси, обуздать Казань, Астрахань, оторвать Россію отъ Азіи, познакомить ее съ Европою, наложить печать закона на всѣ проявленія гражданственности, дотолѣ основанной большею частію на одныхъ обычаяхъ, вотъ цѣль, къ коей неутомимо стремились преемники Іоанновы до Петра Великаго. Каждый изъ нихъ, по мѣрѣ силъ, способностей, различными путями, сообразно съ обстоятельствами, подвигался къ этой цѣли. Около двухъ вѣковъ Московская политика не измѣнялась, и какъ все постоянное, основанное на твердыхъ началахъ,

принесла вожделѣнные плоды. Россія окрѣпла и пріобрѣла исполинское могущество.

Василій Іоанновичъ не наслѣдовалъ отъ отца ни ума плодотворнаго, ни искусства геніальнаго, ни самаго счастія; но весьма хорошо понималъ его планы, старался поддержать его твореніе и не уклонялся отъ проложеннаго пути. Тоже стремленіе къ единодержавію, къ господству надъ западною Русью бывшею во власти дома Гедиминова, къ обузданію хищныхъ народовъ Татарскихъ, руководило политикою Василія. Выборъ самыхъ средствъ былъ одинаковъ: по примѣру отца, онъ искалъ враговъ своимъ врагамъ, находилъ усердныхъ союзниковъ въ западныхъ Государяхъ, сносился съ отдаленнымъ востокомъ и скрѣплялъ Россію внутри. Тридцатилѣтнее государствованіе его было продолженіемъ Іоаннова, хотя менѣе счастливымъ и блестящимъ.

Война Литовская.

9. Мысль о единодержавіи была неразлучна съ мыслію о соединеніи всѣхъ Русскихъ земель въ одно цѣлое. Та и другая была основаніемъ политики Іоанна III; къ той же цѣли неутомимо стремился и сынъ его. Въ самомъ началѣ правленія Василій пытался кончить споръ дома Калиты съ родомъ Гедимина за право господства въ западной Руси миролюбивымъ образомъ. Тамъ, по примѣру Польши, утвердилось правленіе избирательное: по

смерти каждаго Великаго Князя, Литовскіе чины предлагали корону тому, кто казался имъ болѣе достойнымъ; правда, выборъ падалъ обыкновенно на потомковъ Гедимина; но сеймъ уже считалъ себя вправѣ располагать престоломъ по произволу. Василій помнилъ доброжелательство цѣлыхъ городовъ и областей Заднѣпровской Руси къ отцу его, и по смерти Александра, умершаго вскорѣ послѣ Іоанна, 1506.
изъявилъ Литовско-Русскимъ вельможамъ намѣреніе быть ихъ Государемъ, чтобы прекратить семейную распрю двухъ народовъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ. Но прежде, чѣмъ узнали въ Вильнѣ о желаніи Государя Московскаго, братъ Александровъ Сигизмундъ I былъ уже объявленъ Великимъ Княземъ Литовскимъ и въ слѣдъ за тѣмъ Королемъ Польскимъ. Василій не хотѣлъ отказаться отъ права своего дома на Смоленскъ, Кіевъ, Волынь. Сигизмундъ думалъ возвратить то, что уже пріобрѣлъ Іоаннъ. Важное обстоятельство ускорило разрывъ: знатнѣйшій изъ Литовскихъ вельможъ, князь Михаилъ Глинскій искалъ чести служить Государю Московскому и съ двумя братьями отдался въ его покровительство, обѣщая легкое завоеваніе Кіева и Волыни. Наши войска перешли за Днѣпръ и достигли до самой Вильны. Сигизмундъ успѣлъ однакожъ выставить многочисленную рать и вооружить на Россію Хана Крымскаго. Избѣгая борьбы слишкомъ трудной, Государь согласился

4

1508. заключить миръ. Король утвердилъ за нимъ навсегда пріобрѣтенія Іоанновы. Но согласіе было непродолжительно: Сигизмундъ нарушалъ договоръ явнымъ недоброжелательствомъ къ Василію, оскорблялъ его сестру, вдовствующую Королеву Елену, приставивъ къ ней даже стражу, старался разсорить его съ братьями, главное же подстрекалъ Крымскихъ Татаръ къ впаденіямъ въ Россію. Началась вторая война кровопролитнѣе первой: она продолжалась 10 лѣтъ. Василію помогали Императоръ Германскій Максимиліанъ и гермейстеръ Ливонскій, заключившіе съ нимъ дружественный договоръ; Сигизмундъ имѣлъ союзника болѣе дѣятельнаго въ Крымскомъ Ханѣ, коего вооружилъ противъ насъ обязательствомъ платить ежегодно по 15.000 червонцевъ. Успѣхъ былъ то на той, то на другой сторонѣ. Василій, самъ предводительствуя войскомъ, два раза подступалъ къ Смоленску: жители изъявляли живѣйшее желаніе покориться ему; но твердость Литовскаго воеводы Сологуба удерживала ихъ; наконецъ, когда Государь подступилъ въ третій разъ, они сдались ему добровольно, безъ боя. Сигизмундъ въ свою очередь одержалъ надъ Московскими полками блестящую
1514. побѣду: знаменитый плѣнникъ нашъ, князь Константинъ Острожскій, обласканный Василіемъ, давъ клятву не измѣнять ему, передался къ непріятелямъ, принялъ главное начальство надъ Литовскими

полками и при Оршѣ разбилъ наголову все наше войско, положивъ на мѣстѣ до 30.000 человѣкъ, взявъ въ плѣнъ всѣхъ воеводъ, овладѣвъ обозомъ, знаменами, огнестрѣльнымъ снарядомъ. Впрочемъ это пораженіе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій: Острожскій тщетно приступалъ къ Смоленску и не могъ овладѣть имъ; князь Василій Шуйскій, поддерживаемый усердіемъ народа, отстоялъ городъ. Государь между тѣмъ пріобрѣлъ новаго союзника въ Великомъ Магистрѣ Тевтонскомъ, Албрехтѣ Бранденбургскомъ, желавшемъ освободить Пруссію отъ Польши. Мы оправились отъ Оршинскаго пораженія. Война возобновилась съ новыми усиліями; тщетно Максиміліанъ чрезъ посла своего барона Герберштейна предлагалъ свое посредничество къ заключенію мира: Государь требовалъ Кіева, Витебска, Полоцка, и хотя впаденіе Крымскихъ Татаръ, вмѣстѣ съ Казанскими дошедшихъ до самой Москвы, побудило его согласиться на пятилѣтнее перемиріе, въ послѣдствіи, при посредничествѣ Карла V, возобновленное еще на 6 лѣтъ и утвердившее за нимъ Смоленскъ; при всемъ томъ онъ не отказался отъ правъ своихъ на Кіевъ, Полоцкъ, Витебскъ и другіе города, искони принадлежавшіе роду Владиміра св. 1522.

Борьба съ Крымомъ.

10. Главною виною нашихъ неудачъ въ войнѣ съ Сигизмундомъ были неоднократныя вторженія

Крымскихъ Татаръ въ восточные предѣлы. Со времень Василія начинаются губительные набѣги ихъ. Менгли Гирей, столь усердно служившій Іоанну III, пережилъ своего союзника и желалъ съ тою же ревностію служить сыну его; но отягченный старостію, не могъ унять ни мурзъ, ни самыхъ дѣтей, которые за Польское золото охотно брались опустошать наши предѣлы и доходили до самой Рязани; сверхъ того и самъ былъ недоволенъ скудными дарами; тѣмъ бѣдственнѣе стали ихъ вторженія по смерти Менгли Гирея. Сынъ его, Магметъ Гирей, вздумалъ даже возобновить мнимое право Чингизовыхъ потомковъ на господство въ Россіи, хотѣлъ быть судьею между Василіемъ и Сигизмундомъ, раздавалъ имъ города, требовалъ отъ насъ дани. Россія, укрѣплешая самодержавіемъ, не могла страшиться прежняго ига, и Василій съ презрѣніемъ отвергнулъ посредничество Хана; тѣмъ не менѣе дерзкіе замыслы Магметъ Гирея были для насъ весьма тягостны. Онъ успѣлъ посадить на престолъ Казанскій брата своего Саипъ Гирея, изгнавъ оттуда нашего присяжника Шигъ Алея; господствовалъ въ Астрахани и такимъ образомъ могъ двинуть на насъ всѣ орды, возникшія изъ древняго Батыева царства. Въ то время, когда главныя силы наши были на западной границѣ, Магметъ Гирей со всѣми подвластными ордами нечаянно бросился на Москву, раз-

Marginal note beside "женія по смерти Менгли Гирея": 1515.

билъ нашихъ воеводъ при Окѣ и осадилъ столицу. 1521.
Чтобы спасти ее отъ разрушенія, бояре Московскіе дали Хану богатый окупъ и отъ имени Государя, безъ вѣдома его, обязались договорною грамматою платить въ Крымъ ежегодную дань. На возвратномъ пути Магметъ Гирей подступилъ къ Рязани, чтобы и съ нее взять также окупъ; но воевода Рязанскій, мужественный Хабаръ Симскій, счастливымъ ударомъ смялъ Татаръ и отбилъ постыдную граммату, доказавъ отечеству, что времена Батыевы возобновиться не могутъ. Вскорѣ самъ Магметъ Гирей палъ подъ ножами Ногайскихъ мурзъ. Крымъ на долгое время сталъ жертвою кровопролитныхъ войнъ междоусобныхъ.

Войны съ Казанью.

11. Кромѣ затруднительной борьбы съ Крымскимъ Ханомъ, другое важное обстоятельство побудило Великаго Князя оставить до времени Сигизмунда обладателемъ западной Руси, опасность государства съ восточной стороны. Съ тѣхъ поръ, какъ Іоаннъ Великій наложилъ на царство Казанское свою руку, оно не могло избавиться отъ нашей власти, но еще упорствовало въ совершенномъ подданствѣ. Самъ Іоаннъ предъ концемъ жизни, на смертномъ одрѣ, долженъ былъ заботиться о смиреніи присяжника своего Магметъ Аминя, который, по внушеніямъ лукавой жены, взволновалъ подданныхъ и вторгся въ предѣлы Нижегородскіе. Ва- 1505.

силій, постоянно вѣрный правиламъ отца, не хотѣлъ упустить изъ рукъ столь важнаго пріобрѣтенія, и въ самомъ началѣ правленія принудилъ Магметь Аминя раскаяться, обязавъ его признать свою зависимость отъ Государя Московскаго. Около 15
1519. лѣтъ Казанцы были смирны. По смерти Магметъ Аминя, уланы и мурзы ихъ просили себѣ новаго Царя отъ руки Великаго Князя. Онъ далъ имъ юнаго Шигъ Алея. Дальновидная политика руководствовала симъ выборомъ: Шигъ Алей, воспитанный въ Москвѣ, усердно преданный Василію, былъ внукъ Ахмата, послѣдняго Хана Золотой орды, и слѣдовательно естественный врагъ Хана Крымскаго, уже опаснаго намъ своими замыслами. Магметъ Гирей, желавшій видѣть на Казанскомъ престолѣ брата своего Саипа, умѣлъ возмутить строптивый народъ, который, негодуя на Алея за усердную преданность Великому Князю, выгналъ его и
1521. съ радостію принялъ Саипа. Новый Царь, поддерживаемый братомъ, утвердился на престолѣ, не хотѣлъ слышать о подданствѣ Государю Московскому, безъ милосердія истреблялъ нашихъ купцовъ, рѣзалъ самыхъ посланниковъ, осаждалъ Москву вмѣстѣ съ братомъ. Василій спѣшилъ воспользоваться неустройствами Крыма и двинулъ всѣми силами, чтобы исхитить Казань изъ власти непріязненнаго намъ рода. Саипъ не могъ удержаться
1524. на престолѣ и бѣжалъ въ Крымъ; народъ одна-

кожъ отказался принять Шигъ Алея и съ величайшимъ упорствомъ стоялъ за племянника Саипова, Сафа Гирея. Государь не хотѣлъ видѣть и его на престолѣ; снова двинулъ всѣми силами; послѣ кровопролитныхъ битвъ, Сафа Гирей также удалился. Казанцы смирились: Василій далъ имъ въ Цари меньшаго брата Шигъ Алеева, Еналея, 1530.
который обязался быть присяжникомъ его и до того простеръ покорность, что даже не могъ жениться безъ воли Государя Московскаго. Усмиреніе Казани, озаботивъ послѣдніе годы Василіевой жизни, отвлекло его вниманіе отъ главной цѣли, отъ завоеванія западной Руси.

12. Тѣмъ успѣшнѣе слѣдовалъ Василій политикѣ отца въ стремленіи къ единодержавію. Въ началѣ его государствованія, Псковъ, Князь Рязанскій, также присоединившіеся отъ Литвы Князья Сѣверскій и Стародубскій еще пользовались тѣнью самостоятельности; Іоаннъ оставилъ имъ старинное право внутренняго управленія, судебной власти и сбора податей, — Пскову въ благодарность за постоянное усердіе гражданъ, изъявлявшихъ всегда готовность служить ему безпрекословно; Князю Рязанскому, по особенной благосклонности къ супругѣ его, родной сестрѣ своей Аннѣ; Князьямъ Сѣверскому и Стародубскому изъ опасенія, чтобы они не возвратились въ подданство Государю Литовскому; глав-

Конецъ удѣламъ.

ное же, Іоаннъ не трогалъ ихъ старины, по явному усердію ихъ къ Москвѣ. Василій равнымъ образомъ не имѣлъ повода гнѣваться на нихъ: Псковъ былъ щитомъ Москвы на западѣ; Шемякинъ грозою Крыма; Князь Рязанскій терпѣливо сносилъ присоединеніе цѣлой трети своего княжества къ Московскому и не ссорился съ Василіемъ за принятіе имъ титула Князя Рязанскаго. Но самая тѣнь отдѣльной самостоятельности была несогласна съ системою единодержавія, и сынъ Іоанновъ искалъ только предлога, чтобы рушивъ окончательно удѣльную систему, во всѣхъ областяхъ установить одинакій образъ государственнаго управленія. Внутреннія несогласія Псковитянъ и смиренныя жалобы ихъ на великокняжескихъ намѣстниковъ, послужили поводомъ къ обвиненію ихъ въ строптивости. Василій безъ всякаго кровопролитія, однимъ повелѣніемъ уничтожилъ народное вѣче, отмѣнилъ званіе посадника и сравнялъ Псковъ съ прочими городами, давъ ему Московскихъ сановниковъ для суда, расправы и сбора податей. Благоразумные Псковитяне сами видѣли необходимость такой мѣры, и хотя съ сожалѣніемъ, но безъ явнаго ропота, безъ
1510. упорной борьбы, разстались съ своею стариною. Князь Рязанскій, племянникъ Василія, былъ обвиненъ въ непріязненныхъ сношеніяхъ съ Крымомъ, явился въ Москву для оправданія, былъ заклю-
1521. ченъ въ темницу, оттуда бѣжалъ въ Литву, и тамъ

умеръ въ неизвѣстности. Еще горшая участь постигла послѣдняго удѣльнаго Князя, Василія Шемякина Сѣверскаго, бывшаго бичемъ Татаръ Крымскихъ: оклеветанный недоброжелателями, въ особенности родственникомъ и сосѣдомъ своимъ Симеономъ Стародубскимъ, въ тайныхъ связяхъ съ Литовскимъ Государемъ, онъ безъ страха явился въ Москву, представилъ несомнѣнныя доказательства своей невинности, съ честію возвратился въ удѣлъ и по прежнему служилъ отечеству; но чрезъ пять лѣтъ, снова обвиненный въ измѣнѣ, опять добровольно явился въ Москву на судъ и уже не 1526.
возвращался: онъ умеръ въ темницѣ.

Смертью Шемякина пресѣклись удѣлы въ нашемъ отечествѣ. Братья Васильевы, получивъ по завѣщанію отца, особенные города, но не имѣя правъ владѣтельныхъ, не тревожили Великаго Князя, какъ было прежде, безконечными спорами за границы обоюдныхъ владѣній, за раздѣлъ доходовъ; не грозили союзами съ Литвою, не смѣли даже думать объ утвержденіи за собою договорными грамматами назначенныхъ отцемъ участковъ и усердною службою Государю устраняли всякій поводъ къ неудовольствію. Наконецъ Василій подтвердилъ самымъ торжественнымъ и положительнымъ образомъ уставъ Димитрія о наслѣдствѣ престола по праву первородства въ прямой нисходящей линіи,

назначивъ преемникомъ старшаго сына своего, трехлѣтняго Іоанна, рожденнаго отъ второй супруги его, Елены Глинской; братья Великаго Князя, наравнѣ со всѣми подданными, обязались повиноваться младенцу-Государю безпрекословно.

III. ІОАННЪ IV.

1533 — 1584.

Правленіе Елены. 1533-1538.

13. Пятидесятилѣтнее государствованіе сына Василіева Іоанна Грознаго представляетъ три картины, отличающіяся одна отъ другой рѣзкими чертами: юность его ознаменована жестокосердіемъ матери, беззаконнымъ властолюбіемъ бояръ, несчастіями внѣшними и внутренними; лѣта зрѣлаго мужества озарены славою побѣдъ, мудрою политикою, внутреннимъ благоустройствомъ; на старости онъ былъ грозою болѣе подданныхъ, чѣмъ враговъ отечества.

По завѣщанію отца, Іоаннъ долженъ былъ находиться подъ опекою матери и бояръ до пятнадцатилѣтняго возраста. Елена правила государствомъ съ небольшимъ 4 года, опираясь на государственную думу, состоявшую изъ братьевъ Василіевыхъ и 20 знатнѣйшихъ вельможъ, въ числѣ коихъ были князья Бѣльскіе, Шуйскіе, Глинскіе, Оболенскіе,

Одоевскіе; болѣе же другихъ имѣлъ силы наперсникъ Великой Княгини Овчина-Телепневъ Оболенскій. Въ дѣлахъ внѣшнихъ Елена не уклонялась отъ политики своего супруга: безъ потери продолжала войну съ Сигизмундомъ I, хотѣвшимъ возвратить утраченныя области, и принудила его къ пятилѣтнему перемирію, уступивъ одинъ Гомель и 1537.
удержавъ новыя крѣпости Себежъ и Заволочье; не страшилась угрозъ Хана Крымскаго и напрягала всѣ силы къ утвержденію Русскаго владычества въ Казани, гдѣ мурзы, умертвивъ Еналея и призвавъ снова Сафа Гирея, хотѣли избавиться отъ опеки Московскаго двора; между тѣмъ новыми договорами укрѣпляла дружественные союзы съ Императоромъ Германскимъ Карломъ V, съ Королемъ Шведскимъ, съ Государемъ Молдавскимъ и съ Султаномъ; заботилась равнымъ образомъ о внутреннемъ устройствѣ: строила, возобновляла, укрѣпляла города; населяла пустыни выходцами Литовскими и установила лучшую монетную систему, истребивъ старинныя, разнообразныя деньги и повелѣвъ чеканить изъ фунта серебра 6 рублей. Одно только пятно очерняетъ ея память: чтобы утвердить себя и сына на престолѣ, она безъ жалости губила братьевъ своего супруга, не пощадивъ и собственнаго дяди: Юрій Іоанновичъ Дмитровскій, Андрей Іоанновичъ Старицкій и князь Михаилъ Глинскій, единственно по навѣтамъ на-

ушниковъ, безъ всякой вины, были ввержены въ темницы и тамъ погибли.

Правленіе вельможъ. 1538-1547.

14. Преждевременная смерть Елены, не взирая на жестокость ея характера, на общую нелюбовь къ ней, была для отечества великимъ несчастіемъ: государство осталось безъ правителя. Іоанну не было и 8 лѣтъ; боярская дума имѣла право опеки, по завѣщанію Василія; но въ самыхъ республикахъ всегда господствуетъ одинъ умъ; тѣмъ менѣе можно было ожидать добраго отъ правленія двадцати сановниковъ въ государствѣ, основаніемъ коего было единодержавіе. Ни одинъ изъ вельможъ, окружавшихъ престолъ юнаго Іоанна, не возвышался надъ другими блестящимъ талантомъ: всѣ они стремились къ господству, и каждый встрѣчалъ многихъ соперниковъ, не уступавшихъ ни въ честолюбіи, ни въ дарованіяхъ, ни въ числѣ приверженцевъ. Дворъ раздѣлялся на партіи; соперники тѣснили другъ друга; нерѣдко схватывались съ оружіемъ въ рукахъ; сильные давили слабыхъ и въ свою очередь падали подъ ударами сильнѣйшихъ; каждая сторона, взявъ верхъ, спѣшила воспользоваться беззаконною властію, грабила города и цѣлыя области; народъ, страдая отъ лихоимцевъ, отъ корыстолюбивыхъ олигарховъ, въ тоже время съ трепетомъ видѣлъ опустошеніе отечества иноплеменниками. Правленіе вельможъ продолжалось около 10 лѣтъ.

Сначала присвоилъ верховную власть старшій изъ бояръ, князь *Василій Шуйскій*; за нимъ братъ его *Иванъ*. Самовластно повелѣвая въ думѣ, они заключали вельможъ въ темницы, расхищали казну, грабили своими клевретами все государство, свергли митрополита Даніила и съ дерзкимъ нахальствомъ обходились съ самимъ Государемъ. Шуйскіе.

Князь *Иванъ Бѣльскій*, ходатайствомъ новаго митрополита Іоасафа освобожденный изъ темницы, успѣлъ составить сильную партію, устранилъ князя Ивана Шуйскаго отъ правленія и присвоивъ верховную власть, господствовалъ съ братьями умѣреннѣе прежнихъ олигарховъ: уничтожилъ многіе незаконные налоги, введенные его предшественниками, облегчилъ участь невинныхъ узниковъ, въ томъ числѣ двоюроднаго брата Іоаннова Владиміра Андреевича Старицкаго, и мужественнымъ отпоромъ Хану Крымскому Саипъ Гирею на берегахъ Оки спасъ отечество отъ разоренія. Власть его, къ сожалѣнію, 1541.
продолжалась не болѣе года. Бѣльскіе.

Иванъ Шуйскій съ вооруженными клевретами ворвался въ Государевъ дворецъ, схватилъ Бѣльскаго, митрополита, всѣхъ приверженцевъ умѣренной партіи и разославъ іхъ въ заточеніе, снова сталъ главою государства; начались прежнія смуты и козни. Пресыщенный властію, онъ добровольно Шуйскіе. 1542.

удалился и сдалъ правленіе ближнимъ родственникамъ своимъ, главою коихъ былъ *Андрей Шуйскій*, деспотъ наглый и свирѣпый. Въ присутствіи Государя, бывшаго уже 13 лѣтъ, онъ едва не замучилъ любимца его Воронцова; самое ближнее родство съ царскимъ семействомъ не спасало никого отъ подозрительнаго олигарха.

Глинскіе. Опасаясь ссылки, или казни, и наравнѣ съ другими стремясь къ верховной власти, дяди Іоанновы, князья *Глинскіе*, Юрій и Михайло Васильевичи, успѣли низринуть Шуйскаго и сами заступили его
1543. мѣсто. Прикрывая замыслы властолюбія волею Государя, они безъ пощады преслѣдовали опасныхъ достоинствомъ вельможъ и многимъ изъ нихъ отрубили головы. Правленіе ихъ ознаменовано безпрерывными опалами: они погубили Шуйскаго Скопина, Темкина, Головина, Бутурлина, Кубенскаго, Палецкаго, Воронцова, Горбатаго и другихъ.

Воспитаніе Іоанна. Десятилѣтнее вельможедержавіе оставило два вредныя слѣдствія. Первымъ было униженіе государства извнѣ: бояре, занятые своими распрями, не могли съ успѣхомъ поддерживать планы Іоанна Великаго; утратили прежнее вліяніе на Казань, трепетали Хана Крымскаго, который въ правленіе ихъ казался народу вторымъ Мамаемъ, и равнодушно смотрѣли на господство Поляковъ въ запад-

ной Руси. Еще пагубнѣе было другое слѣдствіе, небрежное воспитаніе Іоанна. Съ быстрымъ умомъ, съ твердою волею соединяя пылкое воображеніе, сильныя страсти, онъ могъ быть великимъ Государемъ при тщательномъ надзорѣ, при постоянномъ направленіи къ добродѣтели; бояре дѣйствовали именно наперекоръ: въ порывахъ своеволія, оскорбляя его дерзостію, вкореняя въ младую душу его ненависть къ самимъ себѣ, къ своимъ дѣтямъ и внукамъ, они въ тоже время не обуздывали въ немъ страстей, чтобы угожденіемъ самымъ вреднымъ наклонностямъ быть для него необходимыми. Наслѣдовавъ отъ матери крутой нравъ, Іоаннъ уже въ младенческихъ забавахъ обнаруживалъ какое то жестокосердіе; бояре не только не заботились о смягченіи его характера, но еще болѣе ожесточали оный: забавлялись, когда онъ травилъ собаками своихъ царедворцевъ, или топталъ конемъ народъ. Этого мало: уже съ малолѣтства они пріучали его къ опаламъ, и съ радостію смотрѣли, какъ онъ срывалъ головы съ ихъ совмѣстниковъ.

Достигнувъ совершеннолѣтія, Іоаннъ хотѣлъ самъ 1547.
править государствомъ, и свою власть освятилъ торжественнымъ обрядомъ: въ 1547 году онъ вѣнчался на *царство* въ Успенскомъ храмѣ, принявъ титулъ *Царя*, съ коимъ у насъ соединяли идею неограниченнаго Самодержца; но въ слѣдствіе не-

радиваго воспитанія, онъ не зналъ ни высокаго назначенія своего, ни истинныхъ потребностей государства, страдавшаго и отъ царскихъ сановниковъ, и отъ внѣшнихъ непріятелей; проводилъ время въ шумныхъ забавахъ, игралъ милостями и опалами, слушалъ однихъ льстецовъ и наушниковъ. Глинскіе по прежнему держали въ рукахъ своихъ кормило правленія, заслуживая всеобщую ненависть корыстолюбіемъ клевретовъ, неправымъ судомъ, жестокими казнями. Къ счастію Россіи, судьба послала ему иныхъ руководителей, которые хотя не могли искоренить вредныхъ сѣмянъ; но умѣли въ продолженіе 13 лѣтъ вести его путемъ славы и добродѣтели и сдѣлать много для отечества.

Сильвестръ и Адашевъ.

15. Вскорѣ послѣ царскаго вѣнчанія, при дворѣ и во всемъ государствѣ произошла незапная перемѣна: Глинскіе лишились своей власти, клевреты ихъ удалены, во дворцѣ умолкли шуты и скоморохи; мѣсто ихъ заступили мужи умные и добродѣтельные. Правительство обнаружило необыкновенную дѣятельность въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ; каждое дѣйствіе его стало выражать мудрую политику, ясную идею о потребностяхъ государства, стремленіе къ благу отечества; однимъ словомъ возобновилось время Іоанна Великаго. Виновникомъ столь благодатной перемѣны былъ Новгородскій іерей Сильвестръ. Онъ сблизился съ Го-

сударемъ по случаю великаго пожара, испепелившаго Москву. Приписывая бѣдствіе чарамъ Глинскихъ (по разглашеніямъ Шуйскихъ, которые хотѣли удалить ихъ, чтобы самимъ первенствовать), разъяренная чернь съ неистовствомъ преслѣдовала мнимыхъ чародѣевъ и одного изъ Глинскихъ, Юрія, дядю Государя, умертвила въ Успенскомъ храмѣ. На пепелищѣ Москвы открылся страшный бунтъ. Въ то время, когда Іоаннъ, удалясь на Воробьевы горы, съ трепетомъ слышалъ вопли мятежниковъ, приходитъ къ нему Сильвестръ, укоряетъ его въ сильныхъ выраженіяхъ, грозитъ новымъ гнѣвомъ небеснымъ, потрясаетъ его душу. Одаренный отъ природы умомъ здравымъ, Іоаннъ какъ будто очнулся, постигъ всю бездну зла, въ которую ввергли его недостойные любимцы, и рѣшился быть инымъ человѣкомъ, отцемъ своихъ подданныхъ, Государемъ въ точномъ смыслѣ.

21 Іюня 1547.

Укротивъ мятежъ и очистивъ совѣсть смиреннымъ покаяніемъ предъ соборомъ святителей, юный Царь созвалъ въ Москву выборныхъ чиновъ изъ всѣхъ сословій, и сопровождаемый духовенствомъ, дворомъ, вышелъ къ нимъ на Лобное мѣсто: въ трогательной рѣчи изобразилъ неустройства прежняго времени, обѣщалъ предать забвенію все прошедшее и быть *Царемъ правды*. Онъ сдержалъ свое слово. Престолъ его окружили люди ревностные ко

благу отечества. Выше всѣхъ не знатностію сана, а довѣренностію Государя, стояли два незабвенные мужа, Сильвестръ и Адашевъ. *Сильвестръ*, сохранивъ простое званіе іерея, былъ душою правленія, виновникомъ всѣхъ благихъ предначертаній Іоанна, стражемъ его добродѣтели. Окольничій Алексѣй *Адашевъ*, столь же безкорыстный, не искавшій ни чиновъ, ни богатства, равно преданный Царю и отечеству, искусный дипломатъ, храбрый воинъ, пользуясь дружбою Іоанна и никогда не употребляя ея во зло, былъ блюстителемъ правосудія въ государствѣ, велъ переговоры съ иноземными послами и неоднократно съ блестящимъ успѣхомъ предводительствовалъ войскомъ. Соединенные постоянною дружбою, одною мыслію объ отечествѣ, они тѣмъ скорѣе могли поставить Іоанна на путь добродѣтели, что имъ помогала Царица *Анастасія Романовна*, дочь боярина Романа Юрьевича Захарьина, Государыня умная, благонравная, кротостію своего характера смягчавшая суровый нравъ супруга и обуздывавшая его страсти. Сильвестръ и Адашевъ нашли Государю людей, равно искусныхъ и въ государственномъ управленіи и на полѣ ратномъ. Главнымъ вождемъ былъ князь Михаилъ Воротынскій, герой Казани, гроза Татаръ Крымскихъ; ему не уступали ни въ мужествѣ, ни въ усердіи къ престолу Иванъ Шереметевъ, князь Александръ Горбатый - Суздальскій, Серебряный Оболенскій,

Щенятевъ, Пронскій, Курбскій, братья Царицы Захарьины и многіе другіе.

16. Руководимый совѣтами Сильвестра и Адашева, Іоаннъ прежде всего обратилъ вниманіе на внутреннее состояніе державы, разстроенной въ его малолѣтство, повелѣвъ боярской думѣ и собору святителей принять мѣры къ *земскому строенію* или государственному устройству. Воля его была исполнена съ безпримѣрною дѣятельностію и съ вожделѣннымъ успѣхомъ: въ короткое время изданы важные законы, обнимавшіе многія условія жизни общественной, законы тѣмъ болѣе достопамятные, что основаніемъ ихъ служила ясная идея о потребностяхъ государства, о доброй нравственности, о необходимости образованія. Правительство болѣе всего заботилось о правосудіи: собравъ, исправивъ, дополнивъ законы, въ особенности Уложеніе Іоанна III и отдѣльныя уставныя грамматы, оно ввело во всемъ государствѣ общую систему уголовныхъ законовъ, подъ названіемъ *Судебника*. Здѣсь весьма ясно и подробно означены всѣ роды преступленій, опредѣлена мѣра наказаній и отвѣтственность судей. Подданные ограждены были отъ самовластія намѣстниковъ мудрымъ постановленіемъ: городамъ и селамъ доровано право избирать изъ лучшихъ гражданъ, старостъ и цѣловальниковъ, или присяжныхъ, для суда народнаго вмѣстѣ съ

Внутреннее устройство.

Судебникъ.

царскими сановниками. Чистота нравовъ была другимъ не менѣе важнымъ предметомъ заботливости правительства: соборнымъ дѣяніемъ, извѣстнымъ

Стоглавъ. подъ именемъ *Стоглава*, оно установило правила церковнаго благочинія, искоренило разные соблазны, обуздало суевѣріе, и старалось поставить духовенство на такую степень, чтобы оно служило примѣромъ для мірянъ. Но какъ благотворное вліяніе самыхъ мудрыхъ законовъ зависитъ отъ исполненія ихъ, а чистота нравовъ неразлучна съ образованіемъ ума, то правительство приняло мѣры къ достиженію того и другаго; для первой цѣли учреждена была въ нѣкоторомъ смыслѣ исправительная полиція; главою ея былъ Алексѣй Адашевъ: онъ принималъ жалобы отъ всякаго обиженнаго и докладывалъ ихъ Государю; другіе довѣренные сановники наблюдали за тишиною общественною, преслѣдовали пьянство, буйство и разные пороки; городамъ и селамъ дозволено избирать для наблюденія за земскою исправою сотскихъ и пятидесятниковъ изъ гражданъ

Училища. извѣстныхъ честностію. Для второй цѣли, для образованія подданныхъ, положено было завести народныя училища въ Москвѣ и другихъ городахъ. Этого мало: Іоаннъ поручилъ Саксонцу Шлиту набрать въ Германіи для царской службы ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, аптекарей, типографщиковъ, людей искусныхъ въ языкахъ и наукахъ. Завистливая политика Ганзы и Ливонскихъ рыцарей,

опасавшихся нашего просвѣщенія, разрушила великій планъ Іоанновъ, и Шлитъ не успѣлъ исполнить его порученія. При всемъ томъ доказательствомъ мудрой заботливости его о просвѣщеніи подданныхъ служитъ основаніе первой у насъ типографіи въ Москвѣ. Въ 1553 Царь повелѣлъ устроить особенный домъ книгопечатанія въ Никольской улицѣ, подъ руководствомъ двухъ мастеровъ, діакона Ивана Ѳедорова и Петра Тимоѳеева Мстиславца, которые въ 1564 году издали *Дѣянія и посланія Апостолосъ*, древнѣйшую изъ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи.

Внѣшняя безопасность государства была обезпечена лучшимъ устройствомъ войска. Слѣдуя примѣру дѣда, Іоаннъ роздалъ земли на пространствѣ 60 и 70 верстъ отъ Москвы боярамъ, окольничимъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, съ тѣмъ, чтобы, по первому требованію, они выступали въ походъ съ опредѣленнымъ числомъ вооруженныхъ ратниковъ. Такимъ образомъ главныя военныя силы сосредоточились въ окрестностяхъ столицы. Въ послѣдствіи, онъ велѣлъ измѣрить все государство и уравнять помѣщиковъ землями, смотря по ихъ заслугамъ и достоинствамъ; назначилъ ратнымъ людямъ денежное жалованье на время похода, опредѣливъ для того подать на городскіе промыслы и отмѣнивъ за то судные платежи; учредилъ безсмѣнную рать, Войско.

1550. подъ именемъ стрѣльцовъ, и ввелъ строгую подчиненность, запретивъ воеводамъ считаться родословными правами. Слѣдствія этихъ мѣръ были неисчислимы: съ одной стороны правительство знало свои силы; знало, кто обязанъ былъ военною службою, и въ какомъ числѣ могъ выставить войско каждый городъ; съ другой стороны отмѣна судныхъ платежей имѣла благопріятное вліяніе на правосудіе, устранивъ поводъ къ лихоимству; а ровная раздача помѣстьевъ дала нѣсколькимъ тысячамъ людей способныхъ средства быть полезными отечеству. Въ случаѣ надобности мы выводили въ поле до 300.000 человѣкъ, исправно вооруженныхъ.

Борьба съ Татарами.

17. Въ дѣлахъ внѣшней политики совѣтники Іоанновы имѣли цѣль высокую: хотѣли поставить Русское царство на степень первенствующей державы въ восточной Европѣ. Для достиженія этой цѣли, они считали необходимымъ прежде всего избавить отечество отъ тягостнаго сосѣдства Татарскихъ народовъ, и все свое вниманіе обратили на царства, возникшія изъ Золотой орды. Правительство наше болѣе, чѣмъ когда либо, смотрѣло на Татаръ, какъ на чуждыхъ пришельцевъ, какъ на злодѣевъ Русской земли, непримиримыхъ враговъ креста Господня. Помня опустошительные набѣги ихъ въ правленіе Василія и въ малолѣтство Іоанново, съ непрерывною цѣпью бѣдствій

Монгольскаго ига, зная, что Россія только тогда съ успѣхомъ станетъ дѣйствовать въ отношеніи къ западу, когда будетъ безопасна отъ вѣковыхъ губителей своихъ, дворъ Московскій считалъ необходимымъ сокрушить остатки Батыева царства и раздвинуть Русскіе предѣлы до рубежей, указанныхъ самою природою, до хребта Уральскаго, до береговъ Каспійскихъ, до Кавказа и Чернаго моря.

Силы Татаръ сосредоточивались въ трехъ главныхъ пунктахъ: въ Казани, Астрахани и въ Крыму. *Казань*, укрѣпленная неприступными твердынями, кои не разъ отражали Русское войско, была главою могущественнаго царства. Необширное пространствомъ, заключаясь между Волгою, Уральскимъ хребтомъ, Камою и Самарою, оно кипѣло многолюдствомъ и богатствомъ. Подданные Царя Казанскаго, Татары, Чуваши, Мордва, Вотяки, Черемиса, Башкирцы, славились и хищностію набѣговъ и дѣятельною торговлею. Дворъ его, блистая великолѣпіемъ востока, состоялъ изъ множества князей, мурзъ, улановъ и другихъ сановниковъ. Казанцы болѣе всѣхъ другихъ Татаръ обнаруживали стремленіе къ гражданскому благоустройству; имъ недоставало одного: опредѣленнаго порядка престолонаслѣдія. Смерть каждаго Царя влекла за собою кровавые раздоры. Пользуясь ими, вельможи присвоили право возводить и свергать Царей, пре-

Состояніе Татаръ.

давали отечество въ жертву безначалія и открыли путь сосѣдямъ къ вліянію на судьбу Казани. Дворъ Московскій давалъ имъ своего Царя, Ханы Ногайскіе своего, Ханы Крымскіе также. Уступая иногда той, иногда другой сторонѣ, Казанцы не хотѣли однакожъ отказаться отъ независимости и неоднократно обнаруживали грозную силу въ борьбѣ съ нами за свободу отечества.

Астрахань была главою другаго царства Татарскаго, возникшаго въ низовьяхъ Волги, послѣ паденія Ахматовой орды,* вѣроятно изъ остатковъ ея: оно далеко уступало Казанскому въ силѣ, даже въ воинственномъ духѣ народа. Тѣснимые съ одной стороны Ногаями, съ другой Крымцами, Цари Астраханскіе искали то нашего союза, то покровительства Султана Турецкаго, и смотря по обстоятельствамъ, были то друзьями нашими, то врагами.

Гнѣздомъ Татаръ былъ *Крымъ*. Здѣсь они сохранили всю воинственность, всю хищность временъ Батыевыхъ. Не зная, подобно Казанскимъ Татарамъ, выгодъ торговли, они жили однимъ грабежемъ, громили Польшу, Русь западную, Русь восточную, требовали даровъ и отъ Польскаго Короля, и отъ Литовскаго Князя и отъ Государя Московскаго. Дружба ихъ покупалась вѣсомъ золота: кто болѣе платилъ, того они щадили; кто менѣе, того

грабили. Крымскіе Ханы, уже со временъ Менгли Гирея зависѣли отъ Турецкаго Султана. Эта зависимость была для нихъ болѣе выгодна, чѣмъ тягостна: они посылали Султану только дары и всегда могли надѣяться на сильную помощь въ случаѣ опасности; самовластвовали въ ордѣ, воевали и мирились съ кѣмъ хотѣли, и какъ потомки Тохтамыша, мечтали даже о правѣ господствовать въ Русской землѣ. Не взирая на отдаленность отъ Москвы, они знали все, что дѣлается въ нашемъ отечествѣ, и готовы были явиться съ нѣсколькими тысячами удалыхъ наѣздниковъ подъ стѣнами столицы, при первомъ удобномъ случаѣ.

Вступая въ борьбу со всѣми ордами Татарскими, Московскій дворъ желалъ не обуздать ихъ, а покорить своей власти. Начали съ Казани. Тамъ, по смерти недруга нашего, Сафа Гирея, настало обыкновенное безначаліе: мурзы и уланы требовали Царя отъ Крымскаго Хана, нѣкоторые желали дружбы съ Москвою. Іоаннъ, по совѣту бояръ, спѣшилъ воспользоваться неустройствомъ Казани, самъ повелъ войско и осадилъ ее, однакожъ безъ успѣха: враги отбились; мы не хотѣли отказаться отъ своего намѣренія и для вѣрнѣйшаго успѣха основали крѣпость Свіяжскъ, которая могла служить намъ опорою въ военныхъ дѣйствіяхъ. Устрашенные приготовленіями къ новому походу, Казанцы

Покореніе Казани.

155[illegible].

надѣялись выиграть время, и просили себѣ Царя отъ руки Іоанна. Государь далъ имъ Шигъ Алея, который былъ только орудіемъ нашей политики и вскорѣ жестокимъ правленіемъ возбудилъ всеобщій ропотъ. Самъ Адашевъ отправился въ Казань, для примиренія Царя ея съ народомъ, и такъ искусно велъ переговоры, что Алей согласился оставить престолъ и возвратиться въ Москву, а подданные его изъявили желаніе повиноваться намѣстнику Московскому: Адашевъ далъ имъ князя Микулинскаго. Но Казанцы скоро одумались, не хотѣли слышать о связяхъ съ Москвою и приняли всѣ мѣры къ упорной оборонѣ, избравъ главою царевича Астраханскаго, мужественнаго Едигера. Тогда пред-
1552. принятъ былъ достопамятный походъ Казанскій: 130.000 воиновъ, исправно вооруженныхъ, подъ личнымъ предводительствомъ Іоанна, обложили Казань со всѣхъ сторонъ. Въ продолженіе пяти недѣль, происходили непрерывныя битвы, ознаменованныя отчаяннымъ упорствомъ осажденныхъ, геройскимъ мужествомъ Русскихъ и доблестію воеводъ Іоанновыхъ, Воротынскаго, Горбатаго-Шуйскаго, Микулинскаго, Курбскаго, Пронскаго, Серебрянаго-Оболенскаго и многихъ другихъ. 1 Октября 1552 года Казань взята была приступомъ; Царь ея Едигеръ попался въ плѣнъ; храбрѣйшіе защитники ея погибли въ сѣчахъ. Іоаннъ, уже не думая возстановлять Казанскаго царства, присоединилъ его

къ своей державѣ, назначивъ намѣстника, учредивъ внутреннее управленіе, построивъ церкви, монастыри и установивъ епархію, въ коей первымъ архіепис- 1553.
копомъ былъ св. Гурій. Мятежи возобновлялись; но дѣятельность правительства успѣла укротить ихъ. Мало по малу Казань вошла въ составъ Россіи.

Въ слѣдъ за паденіемъ Казанскаго царства, Завоеваніе Астрахани.
рушилось и Астраханское; оно было покорено безъ всякаго труда: сперва Іоаннъ назначилъ въ Астрахань Царемъ Ногайскаго князя Дербыша, какъ своего присяжника; вскорѣ узнавъ его измѣну, послалъ войско немногочисленное, но подъ начальствомъ дѣятельныхъ воеводъ: они изгнали Дербыша и привели въ подданство Государю весь край 1557.
Астраханскій.

Слухъ о нашихъ завоеваніяхъ распространился далеко по Азіи: Ханы Хивинскій и Бухарскій спѣшили прислать пословъ для заключенія торговыхъ трактатовъ; Царь Сибирскій предлагалъ дань; Князья Черкесскіе присягнули Іоанну въ вѣрности; земли Шевкалская, Тюменская и Грузинская хотѣли быть въ нашемъ подданствѣ. Безопасность восточныхъ предѣловъ, дѣятельная торговля съ Азіею были неминуемыми слѣдствіями завоеванія царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Обезпечивъ себя съ востока, правительство наше немедленно обратило

все вниманіе на югъ. Покореніе Крыма казалось столь же необходимымъ для безопасности отечества, какъ и завоеваніе Казани.

Казаки.

Между Крымомъ и южными предѣлами Россіи пролегали необозримыя степи, искони обитаемыя кочевыми народами разныхъ племенъ, вѣръ и названій. До начала XIII столѣтія тамъ являлись Печенѣги, Половцы; въ цвѣтущее время Кипчакскаго царства любили кочевать Татары, которые съ постепеннымъ паденіемъ Золотой орды, мало по малу стали изчезать; вмѣсто ихъ, на берегахъ Дона, Донца, Ворсклы, въ низовьяхъ Днѣпровскихъ, появились люди свободные, Греческой вѣры, Русскаго языка, не признававшіе надъ собою ни чьей власти; они слушались только своихъ атамановъ, питали непримиримую ненависть къ Татарамъ, тревожили набѣгами Польшу, Литву, Молдавію, не щадили и Россіи: то были *Казаки.* Имя Казаковъ встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ еще въ половинѣ XV вѣка; такъ назывались въ то время удальцы бездомовные, безсемейные, обрекавшіе себя на подвиги ратные, въ особенности на войну съ бусурманами. Чуждаясь всякихъ узъ общественныхъ, они не терпѣли ни селъ, ни городовъ, жили на *украйнахъ* или въ степяхъ, прилегавшихъ къ пограничнымъ городамъ, сторожили ихъ отъ незапнаго нападенія, давая знать о появленіи враговъ,

нерѣдко и сами грабили города, кои брались защищать, частію по удальству, частію по неудовольствію. Тотъ же смыслъ соединялся съ именемъ *Казака* и въ западной Руси, гдѣ они впервые появляются въ началѣ XVI вѣка. Такъ были Казаки Мещерскіе, Городецкіе, Касимовскіе, Рязанскіе, Путивльскіе, Рыльскіе, Полоцкіе, Витебскіе. Но главнымъ пунктомъ, гдѣ развилась Казацкая жизнь въ полномъ блескѣ, было низовье Дона; здѣсь образовалось Казацкое общество, въ видѣ особеннаго народа, и отсюда пустило оно отрасли до береговъ Днѣпра, Урала, Кубани. Народъ Казацкій возникъ изъ слiянія разноплеменныхъ людей, искавшихъ необузданной воли; въ составъ его вошли остатки древнихъ Половцевъ, Черкесы, переселившіеся съ Кавказа, Русскіе удальцы, для коихъ тягостны были законы, бѣглые Поляки, Литовцы, Молдаване, отчасти и Татары, не терпѣвшіе самовластія Хановъ. Чудная смѣсь племенъ отразилась въ чертахъ Казаковъ, въ ихъ языкѣ, въ самомъ образѣ жизни: лице ихъ доселѣ выражаетъ нѣчто Азіатское; языкъ состоитъ изъ словъ Русскихъ, Польскихъ, Татарскихъ; удальство и безстрашіе въ битвахъ напоминаетъ дѣтей Кавказа, именемъ коихъ они гордились, называя себя безъ разбора и *Казаками и Черкасами*. Но ближайшее сходство ихъ нарѣчія съ языкомъ Русскимъ, въ особенности вѣра Греческаго закона, бывшая не-

премѣннымъ условіемъ для каждаго новаго пришельца, вступавшаго въ Казацкое общество, свидѣтельствуетъ, что основаніе ему положили Русскіе.

Не имѣя впрочемъ никакихъ средствъ объяснить рядомъ событій, когда и какъ образовалось на Дону Казачество, знаемъ только достовѣрно, что оно становится особенно замѣтнымъ въ началѣ XVI вѣка, что главнымъ притономъ его былъ городокъ *Раздоры*, при устьѣ сѣвернаго Донца, что оно представляло воинственное братство, имѣвшее свои уставы; стихіею его была война; главнымъ правиломъ вѣчная непріязнь къ бусурманамъ и необузданная воля. Атаманъ водилъ Казаковъ въ битвы, дѣлилъ добычу, но имѣлъ весьма ограниченную власть: всѣ дѣла важныя рѣшались общимъ приговоромъ въ Казацкихъ кругахъ.

Подобное братство появилось въ то же время на Днѣпрѣ, за порогами. Главнымъ притономъ его была *Сѣчь*, или укрѣпленный городокъ, находившійся первоначально на островѣ Хортицѣ. Запорожцы именовали себя и Казаками и Черкасами, исповѣдывали Грекороссійскую вѣру, жили одною добычею, слушались однихъ атамановъ и вели безпрерывную войну съ Крымскими Татарами, защищая отъ ихъ впаденій Русь Литовскую. Сигизмундъ I, въ благодарность за ихъ услуги, дозво-

лилъ имъ селиться въ Каневѣ, Чигиринѣ и Черкасахъ; но городская жизнь была для нихъ тягостна: они приходили въ города только на зиму, лѣтомъ же удалялись въ Запорожье, гдѣ жили на всей волѣ казацкой.

Намѣреваясь истребить орду Крымскую, Московскій дворъ склонилъ на свою сторону Донцевъ и Запорожцевъ, обѣщая имъ милость Царя православнаго. Тѣ и другіе считали Россію своимъ отечествомъ и охотно взялись служить Государю, признавая его своимъ истиннымъ покровителемъ. Знаменитый вождь Запорожцевъ, князь Дмитрій Вишневецкій вступилъ въ царскую службу, предлагая не только разорить Крымъ, но и завоевать для Іоанна Кіевъ со всѣми городами Волынскими. Онъ взялъ Очаковъ; между тѣмъ Казаки Донскіе не давали покоя Азову; въ то же время единоплеменники ихъ Пятигорскіе Черкесы, жившіе по берегамъ Кубани и также усердные къ нашему отечеству, овладѣли Таманомъ или древнею Тмутораканью. Ханъ Крымскій Девлетъ Гирей неоднократно покушался смѣлымъ набѣгомъ устрашить Москву, какъ бывало прежде; но каждый разъ встрѣчалъ на берегахъ Оки сильное войско, готовое къ отпору; между тѣмъ отряды наши заходили ему въ тылъ и истребляли цѣлыя тысячи злодѣевъ, отнимая плѣнныхъ, коней и добычу. Казаки съ каж-

Война съ Крымомъ.

1557.

дымъ годомъ становились опаснѣе для Хана: на берегахъ Дона и Днѣпра появились царскіе сановники, которые управляли ихъ дѣйствіями и водили ихъ въ битвы. Изъ числа ихъ замѣчателенъ дьякъ Ржевскій, нѣсколько лѣтъ пугавшій Крымъ: успѣвъ заслужить довѣренность и Донцовъ и Запорожцевъ, онъ тревожилъ Крымъ то съ запада, то съ востока. По героемъ этой брани съ невѣрными, грозою Тавриды, былъ братъ царскаго любимца Данило Адашевъ, витязь юный и предпріимчивый: съ малочисленнымъ отрядомъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, онъ пришелъ въ Запорожье, присоединилъ къ своей дружинѣ Казаковъ, построилъ лодки, спустился къ устью Днѣпровскому, взялъ на морѣ два
1559. корабля, и ворвался въ Тавриду. Улусы запылали; цѣлыя селенія были истреблены; Ханъ такъ оробѣлъ, что не смѣлъ вступить съ Русскими въ битву, и тщетно старался собрать Татаръ къ отпору. Разоривъ западную часть Крыма, Адашевъ съ торжествомъ возвратился въ Запорожье, съ богатою добычею, со множествомъ освобожденныхъ изъ плѣна христіянъ, готовясь къ новымъ подвигамъ. Къ довершенію бѣдствій орды, ее посѣтилъ лютый моръ: улусы пустѣли, стада гибли. Царскіе совѣтники неотступно убѣждали Государя послать сильное войско для завоеванія Крыма, гдѣ все предвѣщало одпѣ побѣды. Іоаннъ не согласился, считая орду уже не опасною, и обратилъ всѣ силы свои на

западъ, для завоеванія Ливоніи, вопреки совѣтамъ Сильвестра и Адашева.

18. Мысль покорить Ливонію принадлежала самому Іоанну: онъ хотѣлъ открыть государству удобный путь къ сношеніямъ съ Европою, считая тѣсную связь съ западными державами необходимое для успѣховъ промышленности и образованія своего народа. Нѣтъ сомнѣнія, что и мудрые совѣтники его мыслили также; но Сильвестръ и Адашевъ хотѣли сначала управиться съ восточными и южными сосѣдями, чтобы тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать на западѣ; Іоаннъ послѣ паденія Казани, уже презирая Крымскую орду, немогшую сладить съ одними Казаками, изъявилъ рѣшительное намѣреніе сблизиться съ Европою и не упускалъ ни одного случая, который могъ содѣйствовать столь благородному стремленію. Самымъ разительнымъ доказательствомъ тому служитъ радость его при первомъ появленіи въ Москвѣ Англичанъ, занесенныхъ бурею въ Двинскій заливъ, подъ начальствомъ капитана Ченслера [1]; постоянная дружба съ Англійскою Королевою Елисаветою, и весьма значитель-

Война Ливонская.

1553.

1. Ченслеръ въ царствованіе Эдуарда VI былъ отправленъ въ Сѣверный океанъ съ 4 кораблями, для открытія пути Ледовитымъ моремъ въ Китай и Восточную Индію; товарищъ его погибъ съ 2 кораблями у Русской Лапландіи; онъ же, приставъ въ Двинскомъ заливѣ, явился въ Москвѣ съ грамматою Эдуарда ко всѣмъ сѣвернымъ и восточнымъ Государямъ о взаимной торговлѣ.

ныя преимущества, предоставленныя ея подданнымъ въ нашемъ отечествѣ, съ правомъ торговать безпошлинно, отыскивать руду, заводить конторы и отправлять товары въ Персію. Всѣми средствами стараясь сблизиться съ Европою, Іоаннъ не могъ быть равнодушенъ къ политикѣ Ливонскаго ордена, который, опасаясь нашего просвѣщенія, не пропускалъ чрезъ свои земли полезныхъ для насъ Европейцевъ, разглашалъ въ Германіи нелѣпыя басни о Русскомъ правительствѣ и при всякомъ случаѣ оказывалъ Россіи явную непріязнь. Очевидная вражда Меченосцевъ оправдывала намѣреніе Іоанна сокрушить орденъ. Кромѣ того, онъ считалъ Ливонію древнею собственностію своего дома и видѣлъ въ рыцаряхъ чуждыхъ пришельцевъ, овладѣвшихъ Русскими землями во время бѣдствій отечества; главное же, онъ смотрѣлъ на орденскія владѣнія, какъ на легкую добычу сосѣдей: рыцари утратили суровыя добродѣтели своихъ предковъ, жили въ великолѣпныхъ замкахъ, утопали въ роскоши, проводили дни въ веселіи, ссорились другъ съ другомъ, были въ непримиримой враждѣ съ епископами и не слушались своихъ гермейстеровъ. Духъ воинственнаго братства въ нихъ изчезъ; его замѣнилъ раздоръ; мужество уступило изнѣженности нравовъ. Пороки такъ глубоко вкоренились, что дряхлый орденъ не могъ существовать независимо, и по примѣру Тевтонскаго,

долженъ былъ признать покровительство одного изъ Государей, Русскаго, Польскаго или Шведскаго. Іоаннъ рѣшился предупредить совмѣстниковъ.

Поводъ къ разрыву найти было нетрудно: ссылаясь на договоръ дѣда съ Плеттенбергомъ, Іоаннъ требовалъ отъ Дерптскаго епископа дани за 50 лѣтъ. Послѣ разныхъ отговорокъ, легко устраненныхъ искуснымъ дипломатомъ царскимъ, Адашевымъ, епископъ обязался заплатить дань, но денегъ не давалъ, надѣясь выиграть время и получить помощь отъ гермейстера. Государь послалъ войско 1558.
для *наказанія* Ливоніи, какъ мятежной области. Оно нигдѣ не встрѣтило враговъ въ полѣ и опустошило орденскія владѣнія до Риги и Ревеля. Гермейстеръ просилъ мира, и отправилъ пословъ въ Москву для заключенія условій; мы прекратили военныя дѣйствія. Между тѣмъ жители орденскаго города Нарвы вздумали разорить построенный нами на берегу Наровы Ивань-городъ. Адашевъ объявилъ посламъ, что послѣ такого вѣроломства, Государь не хочетъ слышать о мирѣ, и требуетъ уже не дани Юрьевской, а подданства всей Ливоніи, какъ страны, искони составлявшей часть Русской земли. Войско наше, предводимое П. Шуйскимъ, Серебрянымъ и Курбскимъ, снова вступило въ Ливонію, уже не для разоренія, а для завоеванія.

Жителямъ, добровольно покорявшимся, давали миръ и пощаду, требуя отъ нихъ одной присяги Іоанну, какъ Государю Ливонской земли; упорные въ сопротивленіи не находили себѣ мѣста; укрѣпленные города одинъ за другимъ или сдавались или испытывали всѣ бѣдствія приступа; рѣдкій изъ нихъ могъ выдержать осаду; все бѣжало или признавало власть Русскихъ. Гермейстеръ Фирстенбергъ, послѣ тщетныхъ усилій ободрить рыцарей къ оборонѣ, сложилъ съ себя достоинство; вмѣсто его избранъ главою ордена знатнѣйшій изъ командоровъ, Готгардъ Кетлеръ, рыцарь доблестный, хитрый политикъ, искусный вождь. Не надѣясь спасти Ливонію собственными силами, онъ искалъ помощи у Королей Шведскаго, Датскаго, Польскаго, у Германскаго Императора и Римскаго папы. Всѣ они убѣждали Іоанна дать миръ Ливоніи, и всѣ получили въ отвѣтъ, что Ливонцы суть древніе данники Россіи, что онъ казнитъ ихъ за невѣрность, обманы, торговыя вины и разоренье церквей. Между тѣмъ воеводы его, въ особенности Адашевъ и Курбскій, одерживали побѣды за побѣдами и завоевали большую часть Ливоніи, взявъ Нейшлосъ, Деритъ, Везенбергъ, Лаисъ, Оберпаленъ, Маріенбургъ и др. Главныя силы Меченосцевъ рушились въ кровопролитной битвѣ при Эрмисѣ, недалеко отъ Феллина: въ ней положили головы послѣдніе рыцари; наконецъ съ паденіемъ самаго Феллина, орденъ,

оставшись рѣшительно безъ всякой защиты, не могъ долѣе существовать самобытно.

Но доведенный до крайности, Кетлеръ не хотѣлъ слышать о подданствѣ Царю Московскому и рѣшился отдать Ливонію лучше иноплеменнику, чѣмъ Государю, имѣвшему по крайней мѣрѣ на значительную часть ея право древняго господства. Виленскимъ договоромъ гермейстеръ, съ согласія остальныхъ рыцарей, призналъ Сигизмунда Августа, Великаго Князя Литовскаго, Государемъ Ливоніи, съ условіемъ не измѣнять ни вѣры ея, ни законовъ, ни правъ гражданскихъ; самъ же получилъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію и Семигалію съ титломъ Герцога, какъ вассалъ Польши; между тѣмъ Эстонія отдалась въ покровительство Короля Шведскаго Эрика XIV; епископство Эзельское объявило Государемъ Короля Датскаго Фридриха II, который далъ ему въ правители брата своего Магнуса. Орденъ Меченосцевъ рушился; владѣнія его раздѣлились на пять частей: восточная часть, прилегавшая къ Московскимъ предѣламъ, занята была Русскими войсками и присягнула Іоанну; сѣверная была во власти Шведовъ; южная покорилась Сигизмунду Августу; Эзель признавалъ Магнуса; Курляндія и Семигалія составляли герцогство Кетлерово. Этотъ раздѣлъ не былъ однакожъ утвержденъ обоюдымъ согласіемъ: Іоаннъ хотѣлъ всей

Паденіе ордена

1561.

Ливоніи; Сигизмундъ Августъ требовалъ тогоже; Эрикъ, не уступая Эстоніи, былъ врагъ какъ Польши, такъ и Россіи; Король Датскій находился въ тѣхъ же отношеніяхъ. Слѣдствіемъ совмѣстничества четырехъ державъ была кровопролитная, двадцатилѣтняя война Россіи съ Польшею и Швеціею, породившая долговременное соперничество на сѣверѣ: оно прекратилось не ранѣе, какъ при Петрѣ Великомъ.

Имѣя сильное, благоустроенное войско, воеводъ искусныхъ на полѣ брани, Іоаннъ безъ труда надѣялся управиться со всѣми соперниками, и не безъ основанія. Ливонія была беззащитною жертвою, добычею сильнаго; Король Шведскій, недостойный сынъ Густава Вазы, Эрикъ XIV, ознаменовавъ свое правленіе безразсуднымъ тиранствомъ, не могъ быть намъ опасенъ, какъ по слабости своихъ силъ, такъ и по непріязни Короля Датскаго, спорившаго съ нимъ за Эстонію; Король же Датскій тѣмъ менѣе могъ вредить намъ, и по отдаленности, и по равнодушію къ нему Ливонцевъ. Главнымъ соперникомъ былъ Сигизмундъ Августъ, имѣвшій на своей сторонѣ право, уступленное ему орденомъ: располагая силами Польши и Литвы, онъ могъ выставить многочисленное войско и тревожить насъ Крымскимъ Ханомъ, питавшимъ непримиримую злобу къ Россіи. Но Іоаннъ имѣлъ

надъ нимъ явный перевѣсъ, находя усердныхъ доброжелателей въ западной Руси, гдѣ народъ, тѣснимый Римскимъ духовенствомъ, смотрѣлъ на него, какъ на защитника вѣры православной. Легкое завоеваніе Полоцка, считавшагося неприступнымъ и взятаго самимъ Государемъ въ началѣ войны, 1563.
слабый отпоръ другихъ городовъ, очевидное равнодушіе Заднѣпровской Руси къ Королю, все доказывало, что вмѣшательство Сигизмунда Августа въ дѣла Ливоніи будетъ стоить ему дорого: онъ могъ потерять всю Русь Литовскую. Но дѣла приняли оборотъ неожиданный: послѣ 20 лѣтней борьбы, послѣ неимовѣрныхъ усилій, Іоаннъ до того изнемогъ, что отказался отъ всѣхъ завоеваній на западѣ, потерялъ значительную часть Новгородской области и едва не пожертвовалъ Псковомъ. Виною тому была удивительная перемѣна въ его характерѣ, обнаружившаяся со всѣми ужасными послѣдствіями въ самомъ началѣ войны съ Польшею.

Перемѣна въ Іоаннѣ.

19. Бывъ около 13 лѣтъ образцемъ монарховъ, ревностныхъ къ благу отечества, мудрымъ законодателемъ, героемъ на поляхъ брани, Іоаннъ въ остальное время своей жизни, цѣлые 24 года, заставлялъ трепетать только своихъ подданныхъ. Мучимый странною подозрительностію, видя кругомъ себя мнимыхъ измѣнниковъ, крамольниковъ, онъ безъ пощады преслѣдовалъ злодѣевъ своихъ и

предавалъ ихъ мучительной казни, съ цѣлыми семействами, не различая ни возраста, ни пола. Причины столь ужасной перемѣны изъяснить трудно: достовѣрно только то, что Іоаннъ сталъ какъ будто инымъ человѣкомъ по смерти первой супруги своей
1560. Анастасіи Романовны. По навѣтамъ наушниковъ, приписывая преждевременную кончину ея чародѣйству Сильвестра и Адашева, онъ лишилъ ихъ своей довѣренности. Оба они, немедленно по кончинѣ Царицы, удалились отъ двора: Сильвестръ въ монастырь, Адашевъ въ Ливонію съ званіемъ воеводы. Ихъ судили заочно въ самовластномъ управленіи государствомъ. Сильвестръ заточенъ въ Соловецкую обитель; Адашевъ отданъ подъ стражу въ Дерптѣ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Между тѣмъ Царь окружилъ себя людьми недостойными, въ числѣ коихъ особенно замѣчательны, какъ злѣйшіе враги всѣхъ честныхъ гражданъ, Басмановъ, Малюта Скуратовъ, Вяземскій, и безъ пощады началъ преслѣдовать друзей Сильвестра и Адашева: одни изъ нихъ погибали подъ сѣкирою палача; другіе, впрочемъ весьма немногіе, спасались бѣгствомъ въ чуждыя страны. Безмолвная покорность подданныхъ, готовыхъ умереть по первому слову Государя, безъ ропота, исключая одного Курбскаго, не убѣдила Іоанна въ ихъ невинности, не разсѣяла его подозрѣній: онъ считалъ необходимымъ искоренить мнимую крамолу, будто бы гнѣздившуюся въ высшемъ сословіи, и обратилъ

весь гнѣвъ свой на бояръ, зараженныхъ, по его мнѣнію, властолюбіемъ Адашева и Сильвестра.

Опричнина.

Для вѣрнѣйшаго успѣха въ своемъ намѣреніи, онъ прибѣгнулъ къ странному способу: притворно отказался отъ престола и удалился въ Александровскую Слободу, (нынѣ городъ Александровъ, Владимірской губерніи), извѣстивъ столицу, что не можетъ долѣе видѣть беззаконія боярскаго; когда же духовенство и выборные чины всѣхъ сословій явились къ нему съ неотступною просьбою принять бразды правленія, онъ согласился исполнить общее желаніе, но съ условіемъ, чтобы духовенство не претило ему казнить измѣнниковъ. Съ тѣхъ поръ главною заботою его было искорененіе крамолы: онъ не вмѣшивался въ дѣла внутреннія, исключая только самыя важныя, и поручилъ большую часть государства, подъ именемъ *Земщины*, вѣдѣнію сперва Касимовскаго Царя Симеона, въ послѣдствіи избранныхъ бояръ; себѣ же, въ собственное управленіе, взялъ до 20 городовъ со многими волостями, подъ названіемъ *Опричины* [1], и учредивъ многочисленный отрядъ *опричниковъ* или тѣлохранителей, хотѣлъ быть только верховнымъ блюстителемъ

1 Царь объявилъ своею собственностію города Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Суздалъ, Шую, Галичь, Вологду, Устюгъ, Старую Русу и др. Въ Москвѣ же отдѣлилъ улицы Чертольскую, Арбатскую и половину Никитской.

тишины общественной. Слобода Александровская была его столицею; тамъ, въ укрѣпленномъ дворцѣ, похожемъ на монастырь, окруживъ себя новыми любимцами, изъ коихъ составилъ въ нѣкоторомъ смыслѣ монашескую братію, онъ проводилъ одну половину дня въ непрестанной молитвѣ, другую въ допросѣ и казни лицъ подозрительныхъ. Никакія заслуги, никакія добродѣтели не спасали жертвъ, обвиняемыхъ опричниками: такъ погибли герои Казани Шереметевъ, Щенятевъ, Горбатый-Шуйскій, Воротынскій; кромѣ того митрополитъ Филиппъ, двоюродный братъ Царя Владиміръ Андреевичъ съ супругою и дѣтьми; гнѣвъ его падалъ на цѣлые города: нѣсколько тысячъ народа истреблено въ Твери, Новгородѣ, Москвѣ; наконецъ отъ руки Іоанна палъ и старшій сынъ его Іоаннъ.

Война съ Польшею.

20. По удаленіи Сильвестра и Адашева, Іоаннъ уже не сталъ заботиться о внутреннемъ устройствѣ государства, о чемъ такъ пеклись они, не бралъ мѣръ къ обузданію Хана Крымскаго, злѣйшаго изъ враговъ Россіи; упустилъ изъ вида Запорожье, которое прежде готово было присягнуть ему, съ трудомъ удерживалъ въ покорности воинственныхъ сыновъ Дона; думалъ отказаться отъ царства Астраханскаго, считая невозможнымъ удержать его за Россіею, и видѣлъ непрестанное волненіе въ Казани. Онъ обратилъ исключительное вниманіе на Ливонію;

тамъ и въ Литвѣ сосредоточивались всѣ Русскія силы; битвы были безпрерывныя то съ Шведами, то съ Ливонцами; нѣсколько разъ заключали перемиріе и снова брались за оружіе. Русскіе бились съ обычнымъ мужествомъ; но уже некому было вести ихъ къ побѣдамъ. Іоаннъ страшился поручить свои войска героямъ временъ Адашевыхъ. Общій ходъ дѣйствій не обнаруживалъ ни искусства, ни рѣшительности. Потерявъ наконецъ надежду присоединить Ливонію къ Россіи силою оружія, Іоаннъ прибѣгнулъ къ хитрости: склонилъ на свою сторону владѣтеля Эзеля, Датскаго принца Магнуса, выдалъ за него свою племянницу Марію, дочь Владиміра Андреевича, и давъ ему титло Короля Ливонскаго, признавалъ независимость его владѣній отъ 1570.
Россіи и Польши, требуя отъ одного Магнуса такой же присяги, какую давали Германскіе владѣтельные князья Императору. Но молва о жестокосердіи Московскаго Государя такъ ужасала Ливонію, что она хотѣла лучше остаться за Королемъ Польскимъ. Самъ Магнусъ, опасаясь погибнуть въ Россіи, передался къ ея непріятелямъ. Продолжительное меж- 1577.
дуцарствіе въ Польшѣ, по смерти Сигизмунда Августа благопріятствовало успѣхамъ нашего оружія, даже могло прекратить борьбу сліяніемъ Литвы и Польши съ Россіею въ одну державу: Литовскіе чины, убѣжденные въ необходимости соединенія обѣихъ частей Руси, желали видѣть Іоанна на

престолѣ Ягеллоновомъ: онъ упустилъ столь благопріятный случай и скоро самъ долженъ былъ подумать о защитѣ собственныхъ владѣній; на Польскій престолъ вступилъ Стефанъ Баторій, мужъ ума необыкновеннаго, искусный полководецъ. Онъ
1579. овладѣлъ Полоцкомъ, Великими Луками, вытѣснилъ Русскія войска изъ Ливоніи и направилъ путь прямо къ Москвѣ; Царскіе воеводы не смѣли вступить съ нимъ въ битву, и бѣжали. Іоаннъ трепеталъ за столицу. Но Псковъ удержалъ стремленіе Баторія; упорная оборона Псковитянъ, подъ начальствомъ Ивана Петровича Шуйскаго, ослабила Короля: въ неоднократныхъ приступахъ, онъ потерялъ лучшую часть войска; ропотъ шляхты принудилъ его отступить; между тѣмъ Царь, уже не надѣясь на собственныя силы, успѣлъ найти дѣятельнаго посредника въ папѣ Григоріи XIII, изъявивъ, къ величайшей радости его, притворное намѣреніе воевать съ Турками, немедленно по заключеніи мира съ Баторіемъ. Папскій легатъ Антоній Поссевинъ
1582. примирилъ Россію съ Польшею договоромъ Запольскимъ, заключеннымъ въ деревнѣ Киверовѣ горѣ между Опоками и Порховомъ, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго яму. Іоаннъ отказался отъ всѣхъ притязаній на Ливонію, признавъ ее Польскою областію. Эстонія осталась въ рукахъ Шведскаго Короля, коему Царь сверхъ того уступилъ Русскіе города: Ямы, Ивань-городъ и Копорье.

Къ бѣдствіямъ войны Польской присоединилось опустошеніе отечества Ханомъ Крымскимъ. Злобствуя за набѣгъ Адашева и зная, что всѣ наши силы на западной границѣ, онъ ворвался въ Россію, безъ труда дошелъ до Москвы, предалъ ее пламени, и съ богатою добычею возвратился въ улусы, ознаменовавъ свой набѣгъ пепломъ городовъ и трупами беззащитныхъ Россіянъ, оставленныхъ Государемъ, который укрывался въ Новгородѣ и думалъ даже удалиться въ Англію. Удача ободрила Девлетъ-Гирея: по прошествіи года, онъ пришелъ вторично съ дерзкимъ намѣреніемъ изгнать Іоанна; но тутъ встрѣтилъ его послѣдній вождь, уцѣлѣвшій отъ временъ Адашевыхъ, князь Михаилъ Воротынскій: успѣвъ собрать малочисленную дружину, онъ сразился съ Ханомъ въ 50 верстахъ отъ Москвы, разбилъ его наголову, взялъ въ плѣнъ многихъ князей, овладѣлъ обозомъ, отбилъ добычу и наполнилъ овраги между Лопаснею и Рожаемъ трупами Татарскими, избавивъ Москву отъ конечнаго разрушенія. Самъ же получилъ въ награду лютую смерть: обвиненный въ чародѣйствѣ, онъ умеръ въ изтязаніи.

Сожженіе Москвы. 1571.

21. Въ послѣдніе годы Іоаннова царствованія, впрочемъ безъ вѣдома, даже противъ воли его, положено начало Русскому владычеству въ западной Сибири. Тамъ, на берегахъ Тобола, Иртыша и

Завоеваніе Сибири.

Оби, въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка, изъ древнихъ улусовъ Татарскихъ, изъ Вогуличей и Остяковъ, составилось сильное царство, столицею коего былъ городъ Искеръ или Сибирь въ 16 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. Оно признавало господство князей Ногайскихъ; изъ нихъ Едигеръ, устрашенный паденіемъ Казани, обязался платить дань Русскому Государю. Едигера вытѣснилъ Киргизскій Ханъ Кучумъ, который овладѣлъ всѣмъ пространствомъ отъ хребта Уральскаго до верховьевъ Оби, силою обратилъ туземцевъ въ магометанскую вѣру, присоединилъ къ нимъ хищныхъ Киргизовъ, подружился съ Ногаями, и не хотѣлъ уже признавать себя данникомъ Іоанновымъ, подъ смертною казнію запретивъ Остякамъ, Вогуличамъ, Югорцамъ, посылать въ Москву ясакъ или дань мягкою рухлядью; сверхъ того подстрекалъ Черемису къ мятежу и неоднократно тревожилъ Пермь набѣгами. Непріязнь его обнаружилась въ то время, когда Адашевъ замышлялъ сокрушить орду Крымскую, а Государь думалъ завоевать Ливонію.

Строгановы. Озабоченное дѣлами важнѣйшими, правительство наше не хотѣло раздѣлять силъ для усмиренія Кучума, и охотно согласилось на предложеніе умныхъ и богатыхъ купцовъ, имѣвшихъ соляныя варницы на Вычегдѣ, двухъ братьевъ Якова и Григорія Строгановыхъ, которые вызвались собственными

средствами оберегать Пермь отъ Сибирскихъ и Ногайскихъ хищниковъ. Государь далъ имъ земли по Камѣ и Чусовой, дозволилъ строить крѣпости, 1558.
заводить селенія, имѣть снарядъ огнестрѣльный, пушкарей и воиновъ, принимать къ себѣ всякихъ людей, кромѣ бѣглыхъ, вѣдать и судить ихъ независимо отъ Пермскихъ намѣстниковъ. Строгановы основали нѣсколько остроговъ и городковъ по Чусовой и Сылвѣ, учредили свое войско изъ бродягъ и бездомковъ, завели пушки и были стражами сѣверовосточной Россіи, уничтожая всѣ замыслы Кучума взволновать подвластную намъ Черемису, силою оружія обуздывая Остяковъ и Башкирцевъ. Съ 1572 года началась жестокая война купцовъ-владѣтелей съ Царемъ Сибири: Кучумъ посылалъ своего храбраго племянника Маметкула разорять крѣпости по Камѣ и Чусовой; Строгановы, отстоявъ ихъ, хотѣли для обузданія опаснаго врага потревожить его въ собственныхъ владѣніяхъ, и выпросили у Государя жалованную граммату на по- 1574.
строеніе крѣпостей по берегамъ Тобола, на выплавку рудъ за хребтомъ Уральскимъ и на безпошлинную торговлю съ Бухарцами и Киргизами. Яковъ и Григорій умерли, не успѣвъ совершить похода: они завѣщали великое дѣло меньшему брату Семену, съ дѣтьми своими Максимомъ и Никитою, которые, наслѣдовавъ умъ и дѣятельность отцовъ, рѣшились воспользоваться удальствомъ Донскихъ

Казаковъ, съ опасностью быть ихъ жертвою или навлечь гнѣвъ Государя.

Ермакъ. Донскіе Казаки, такъ усердно служившіе Россіи во времена Адашева, по удаленіи его, славились одною хищностью; разбивали караваны, ходившіе въ Москву отъ Каспійскаго моря, грабили царскую казну, не щадили пословъ Азіатскихъ и неоднократно вынуждали Государя высылать противъ себя войско. Смѣлость ихъ была безпредѣльна: громя Крымъ, свирѣпствуя на берегахъ Волги, безпокоя
1580. нашу Украйну, они доходили до Урала, гдѣ разрушили Сарайчикъ, столицу Ногаевъ. Болѣе всѣхъ отличался быстротою набѣговъ, мужествомъ въ бояхъ, одинъ изъ атамановъ ихъ, Ермакъ Тимофеевъ, заслужившій за разбои царскую опалу. Строгановы вызвали его на подвигъ чести и славы
1581. и указали Сибирь. Онъ пришелъ къ нимъ съ дружиною охотниковъ, отважныхъ бойцовъ, числомъ не болѣе 540 человѣкъ, присоединилъ къ ней 300 витязей, служившихъ Строгановымъ, устроилъ войско, назначилъ атамановъ, есауловъ, пятидесятниковъ, и давъ обѣтъ доблести и цѣломудрія, повелъ свою рать на судахъ Чусовою, Тагилемъ, Турою, въ Сибирское царство. Іоаннъ, свѣдавъ о походѣ Казаковъ, изъявилъ Строгановымъ гнѣвъ за дружбу съ разбойниками, требовалъ отозванія ихъ, и въ случаѣ ослушанія грозилъ большею опалою. По

блестящій успѣхъ оправдалъ ихъ. Ермакъ, послѣ нѣсколькихъ битвъ съ Кучумовыми войсками, рѣшилъ борьбу кровопролитною сѣчею на берегахъ Иртыша, взялъ столицу его Искеръ, плѣнилъ самаго опаснаго соперника, царевича Маметкула, загналъ Кучума въ степи Ишимскія и утвердилъ господство Россіи отъ хребта Уральскаго до Иртыша. Храбрѣйшій изъ сподвижниковъ его, Иванъ Кольцо, приговоренный за прежніе разбои на Волгѣ къ лютой казни преступника, явился въ Москву и ударилъ Іоанну челомъ — царствомъ Сибирскимъ. 1583.
Государь изъявилъ милость Строгановымъ, Ермаку и всѣмъ сподвижникамъ его, послалъ на подкрѣпленіе завоевателямъ Сибири, уже ослабленнымъ битвами, нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, подъ начальствомъ князя Болховскаго, и велѣлъ епископу Вологодскому отправить въ новое царство священниковъ для христіанскаго богослуженія; Ермаку же поручилъ главное начальство надъ покоренными оружіемъ его землями. Русское господство было еще непрочно: Кучумъ имѣлъ многихъ приверженцевъ. Мурза его Карача, обманувъ Казаковъ мнимою преданностію, успѣлъ произвесть всеобщій бунтъ въ Татарахъ и Остякахъ. Нѣсколько тысячъ мятежниковъ осадили Ермака въ Искерѣ: онъ отбилъ ихъ, и страхомъ своего имени обуздалъ недовольныхъ; но болѣзни уменьшили его дружину; между тѣмъ Кучумъ оправился въ силахъ, и на-

павъ нечаянно на Казаковъ, большую часть ихъ истребилъ. Самъ Ермакъ погибъ въ сѣчѣ на берегахъ Иртыша, или, какъ повѣствуютъ другіе, 1584. утонулъ въ волнахъ его; остальные Казаки числомъ не болѣе 150, спѣшили возвратиться въ Россію. Кучумъ же, овладѣвъ Искеромъ, возстановилъ свое царство. Іоаннъ не успѣлъ утвердить за собою Сибири и даже былъ въ опасности потерять Казанское царство, гдѣ возникли новые мятежи, взволновавшіе и Черемису.

IV. ѲЕОДОРЪ I.

1584 — 1598.

Состояніе Россіи.

22. Іоаннъ оставилъ сыну своему Ѳеодору государство, истомленное продолжительною войною за Ливонію, еще болѣе жестокимъ правленіемъ его, въ непріязненныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ сосѣдямъ: Король Шведскій овладѣлъ древними Русскими городами на предѣлахъ Эстоніи и совершенно отрѣзалъ насъ отъ Балтійскаго моря; Король Польскій, исхитивъ Ливонію, хотѣлъ возвратить и Витолдовы завоеванія; Ханъ Крымскій, подстрекаемый Баторіемъ, собиралъ силы, чтобы снова опустошить Россію; Султанъ Турецкій, утвердившись на восточной сторонѣ Кавказскаго перешейка, думалъ завое-

вать Астрахань; орда Ногайская поддерживала Кучума и подсылала отряды злодѣевъ на помощь строптивой Черемисѣ. — Западныя державы Европейскія, послѣ неудачной войны Ливонской, уже не надѣясь на наше содѣйствіе въ крестовомъ походѣ противъ Турокъ, не дорожили нашимъ союзомъ. Одна Англія находилась въ тѣсныхъ связяхъ торговыхъ; но эти связи не приносили намъ большой выгоды, предоставивъ въ монополію Англичанъ всю нашу торговлю и оттѣснивъ купцевъ ганзейскихъ.

Характеръ Ѳеодора.

Преемникъ Іоанна, третій сынъ его отъ Анастасіи Романовны, Ѳеодоръ отличался прекрасными свойствами души, былъ нрава кроткаго, человѣколюбиваго, набожности безпредѣльной, съ величайшимъ усердіемъ исполнялъ всѣ обязанности истиннаго христіанина; но видѣлъ въ мірѣ только суету, чуждался тягостныхъ заботъ правленія, и имѣя всѣ добродѣтели частнаго человѣка, былъ слабымъ вѣнценосцемъ, особенно послѣ такого самодержца, какъ Іоаннъ Грозный, и при тѣхъ запутанныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась Россія. Зная слабость его, отецъ назначилъ ему въ помощь верховную думу изъ пяти знатнѣйшихъ сановниковъ: князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, Никиты Романовича Юрьева, Ивана Петровича Шуйскаго, Бориса Ѳедоровича Годунова и Богдана Яковлевича Бѣльскаго; но бѣдствія вельможедер-

жавія, терзавшія отечество въ малолѣтство Іоанново, были еще въ свѣжей памяти у всѣхъ, и опасенія Россіи за будущую судьбу ея могли бы оправдаться, еслибы въ числѣ совѣтниковъ не было Бориса Годунова. Онъ царствовалъ именемъ Ѳеодора. Взявъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми членами думы по свойству съ Государемъ, за коимъ была родная сестра его Ирина Ѳеодоровна, Годуновъ утвердилъ свое первенство дальновиднымъ умомъ, хитрою политикою, искусствомъ властвовать, и отъ начала до конца Ѳеодорова царствованія, цѣлыя 14 лѣтъ, былъ душею правленія. Все дѣлалось именемъ Царя, но волею одного Бориса.

Борисъ Годуновъ.

23. Съ именемъ Годунова потомство привыкло соединять идею ненасытнаго честолюбца, направлявшаго всѣ дѣйствія къ беззаконному присвоенію престола и достигшаго своей цѣли злодѣйскимъ убійствомъ невиннаго отрока, царевича Димитрія, послѣдней отрасли дома Іоанна Калиты. Въ самомъ дѣлѣ свидѣтельство современниковъ такъ единогласно, смерть царевича такъ была необходима для одного Бориса, что по всей вѣроятности онъ заслужилъ проклятіе потомства. Но если трудно оправдать его въ приписываемомъ злодѣяніи, то съ другой стороны нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, кои видятъ въ немъ только хитраго честолюбца: онъ вполнѣ разумѣлъ искусство управ-

лять государствомъ, сдѣлалъ для Россіи много и еще болѣе готовилъ ей въ будущемъ.

Покореніе Сибири.

Болѣе всего обнаружился умъ Годунова въ дѣлахъ внѣшнихъ: слѣдуя охранительной политикѣ Іоанна III, равно осторожной, дальновидной и съ тѣмъ вмѣстѣ предпріимчивой, онъ не уступалъ сосѣдямъ ничего, что только вошло прежде въ составъ Московскаго государства; въ тоже время старался ослабить недруговъ Россіи, поселяя между ними раздоры, доводя ихъ до изнеможенія, и всегда имѣя въ готовности сильное войско, чтобы отразить враговъ оружіемъ. Первымъ дѣломъ его было обузданіе мятежной Черемисы и прочное утвержденіе владычества Россіи въ западной Сибири. Еще не зная о гибели Ермака, онъ отправилъ на помощь ему нѣсколько отрядовъ стрѣльцовъ; спасшіеся отъ гибели, сподвижники завоевателя Сибири присоединились къ нимъ и повели ихъ къ Искеру, гдѣ уже властвовалъ не Кучумъ, а соперникъ его князь Сейдякъ, поддерживаемый Ногаями. Царскій воевода Чулковъ въ рѣшительной битвѣ взялъ его въ плѣнъ и вторично сокрушилъ царство Сибирское. 1585. Кучумъ еще держался въ степи Барабинской; Русскіе оттѣснили его далеко за Иртышъ и построивъ крѣпости Пелымъ, Березовъ, Тобольскъ, Кетскій Острогъ, со многими другими, уже не боялись утратить завоеванія Ермаковы.

Укрѣпленіе южной границы.

Не опасаясь Татарскихъ народовъ съ востока, Годуновъ тѣмъ болѣе заботился о южныхъ предѣлахъ отечества, коимъ грозилъ Ханъ Крымскій. Для обузданія его нашъ дворъ сначала старался вступить въ тѣсную связь съ Турціею; когда же эта мѣра не удалась, и Ханъ даже подступилъ къ Москвѣ, подъ стѣнами коей потерпѣлъ впрочемъ
1591. жестокое пораженіе, Правитель иными средствами пресѣкъ Крымскіе набѣги: онъ основалъ многія крѣпости на южной границѣ, Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки, возобновилъ, укрѣпилъ города, въ томъ числѣ Курскъ, опустѣвшіе съ XIII вѣка, и устроилъ такъ называемую засѣку, линіи укрѣпленій частію естественныхъ, частію искуственныхъ отъ Брянска до Мурома: въ мѣстахъ лѣсистыхъ онъ велѣлъ по дорогамъ валить деревья, въ рѣкахъ на бродахъ вбивать колья и сваи, въ степяхъ копать рвы и дѣлать остроги, особенно старался прервать сакмы или пути, коими обыкновенно вторгались Татары. Этой системѣ обороны слѣдовали мы до самого Петра Великаго. Татары, опасаясь засадъ и зная, что каждое движеніе ихъ извѣстно Москвѣ, не смѣли углубляться въ наше отечество, какъ было прежде, и могли грабить только пограничныя селенія.

Сношенія съ Европою.

Довольствуясь охранительными мѣрами въ отношеніи къ народамъ Татарскимъ, Годуновъ все вни-

маніе свое устремлялъ на западъ. Тамъ онъ видѣлъ въ полномъ блескѣ развитіе гражданственности и старался усвоить ее своему отечеству, не щадя никакихъ сокровищъ для Европейцевъ, полезныхъ Россіи свѣдѣніями или искусствами, вызывая художниковъ, ученыхъ, людей ратныхъ. Для сближенія съ образованною Европою, онъ старался возобновить союзы съ древними друзьями Россіи, съ Англіею, Даніею и Австріею, склоняя ихъ на свою сторону отчасти выгодами торговли, отчасти обѣщаніемъ воевать съ Турками. Но сношенія съ Европою были весьма затруднительны: мы имѣли одинъ приморскій городъ, на отдаленномъ сѣверѣ, куда неохотно пускались иноземцы, тѣмъ болѣе, что Англичане, присвоивъ право монополіи, устраняли отъ Архангельска всѣхъ другихъ Европейцевъ. Правда, Годуновъ двукратною войною съ Шведами успѣлъ исторгнуть изъ рукъ ихъ Русскіе города, ближайшіе къ Балтійскому морю, Ивангородъ и Копорье, уступленные Шведами Тявзинскимъ договоромъ; при всемъ томъ они не могли доставить намъ тѣхъ выгодъ, кои обѣщали города Прибалтійскіе. Единственнымъ путемъ въ Европу могла быть Ливонія. Осторожный Правитель, не вступая въ новую борьбу за нее съ опаснымъ Баторіемъ, хотѣлъ прежде приготовить умы въ свою пользу: ласкалъ Ливонцевъ, охотно принималъ ихъ въ царскую службу; въ тоже время искусно сѣялъ

1595.

раздоры между Шведами и Поляками, раздѣлявшими орденскія владѣнія, и ждалъ благопріятнѣйшаго времени. Но главнымъ предметомъ его политики было Литовское княжество.

Дѣла Литовскія.

Видя невозможность вырвать Русь изъ власти Поляковъ силою оружія и считая войну только поводомъ къ порожденію ненависти между двумя народами единовѣрными и единоплеменными, онъ искалъ иныхъ средствъ къ соединенію всѣхъ Русскихъ земель въ одно цѣлое. Стефанъ Баторій умеръ. Польскій сеймъ, въ угожденіе Литовскимъ чинамъ, постоянно желавшимъ дружбы съ Московскимъ государствомъ, просилъ Θеодора Іоанновича принять корону Ягеллонову. Государь, слѣдовавшій во всемъ совѣтамъ Годунова, изъявилъ согласіе, но предложилъ такія условія, изъ коихъ было очевидно, что потомки Калиты всегда считали себя вправѣ господствовать надъ Русскими землями за Днѣпромъ: онъ хотѣлъ короноваться, какъ Польскій Король и Литовскій Великій Князь, въ Москвѣ и носить корону Ягеллонову подъ шапкою Мономаховою. Надменные паны Польскіе считали такія условія унизительными, и вопреки желанію Литовскихъ чиновъ, провозгласили Королемъ Шведскаго принца Сигизмунда III, снова упустивъ случай найти въ Россіи вѣрную союзницу, которая одна могла спасти ее отъ грядущихъ бѣдствій.

Годуновъ равнодушно смотрѣлъ на отказъ Поль- Патріархъ въ Москвѣ.
скаго сейма, считая незавиднымъ пріобрѣтеніе страны, гдѣ вкоренилось необузданное безначаліе: онъ простиралъ свои виды единственно на Русь Заднѣпровскую. Уже претерпѣвая гоненіе отъ Римскаго двора, многочисленные послѣдователи Грекороссійской вѣры въ западной Руси громко изъявляли желаніе имѣть своимъ Государемъ Царя православнаго и депутаты ихъ долго не хотѣли признать Великимъ Княземъ Литовскимъ Сигизмунда. Это желаніе обнаруживалось такъ явно, что Годуновъ, предвидя рано или поздно добровольное подданство Заднѣпровской Руси, не хотѣлъ прибѣгать къ оружію, изъ опасенія раздражить умы, и надѣялся одною политикою довести единовѣрный народъ, угнетаемый Римскимъ духовенствомъ, до расторженія тягостнаго союза съ Польшею. Надобно было только поддержать его въ православіи. Эта обязанность лежала на патріархѣ Византійскомъ, какъ на главѣ Грековосточной церкви въ духовномъ смыслѣ; съ паденіемъ же Царяграда, Греческіе первосвятители не могли съ успѣхомъ бороться съ Римскимъ папою, который, называя ихъ данниками Султана, быстро распространялъ свою власть. Годуновъ рѣшился противупоставить ему независимаго первосвятителя и убѣдилъ Ѳеодора учредить
престолъ патріаршій въ Москвѣ. Возведенному въ 1589.
санъ патріарха Московскаго и Всероссійскаго, ми-

трополиту Іову, вселенскіе первосвятители предоставили верховное право блюсти христіанскую паству на всемъ пространствѣ земель Русскихъ. Съ тѣхъ поръ Москва, занявъ мѣсто Царяграда, становилась въ полномъ смыслѣ средоточіемъ Русской земли, градомъ первопрестольнымъ [1]. Слѣдствія долженствовали быть самыя благодѣтельныя. Но бурное время Самозванцевъ разстроило великое дѣло Борисово, породивъ народную вражду между Москвою и Литвою.

Укрѣпленіе крестьянъ.

Доказавъ рѣдкій умъ въ дѣлахъ внѣшней политики, поставивъ Россію на высокую степень могущества, опасною для всѣхъ сосѣдей, онъ былъ въ равной степени искусный строитель державы. Главною цѣлью его внутренняго управленія было ввести добрую нравственность, улучшить домашнее хозяйство, пробудить промышленность. Съ этою цѣлью, кромѣ строгихъ указовъ, запрещавшихъ пьянство, лихоимство и другіе пороки, онъ произвелъ важную перемѣну въ состояніи народномъ: въ Россіи

1. Нѣкоторые писатели видятъ въ этомъ дѣяніи Годунова какой-то мелкій расчетъ честолюбія, предполагая, что Правитель, уже помышлявшій о престолѣ, думалъ найти себѣ твердую опору въ особѣ патріарха, который своимъ саномъ могъ его поддерживать. Мнѣніе едвали справедливое: въ такомъ случаѣ митрополитъ могъ оказать ему ту же услугу. Кромѣ того благочестивый Ѳеодоръ едвали согласился бы, безъ важныхъ побудительныхъ причинъ, на такое нововведеніе въ церкви; да и сами Греческіе патріархи не рѣшились бы дать Россіи святителя, который лишалъ ихъ всѣхъ выгодъ, получаемыхъ ими отъ нашего отечества.

крестьяне имѣли обыкновеніе переходить въ извѣстный срокъ отъ помѣщика къ помѣщику; слѣдствія такихъ переходовъ были весьма вредны: народъ не заботился о домостроительствѣ, привыкалъ къ бродяжничеству и полукочевой жизни. Для пресѣченія зла, Правитель запретилъ въ 1592 году *крестьянскій выходъ*, или отнялъ у земледѣльцевъ свободу переходить отъ одного владѣльца поземельнаго къ другому, и велѣлъ имъ оставаться на тѣхъ земляхъ, на коихъ они жили во время изданія указа: одни были закрѣплены за Государемъ, другіе за монастырями, третьи за лицами, имѣвшими право владѣть землею.

V. БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

1598 — 1604.

24. Смертью Ѳеодора Іоанновича пресѣклось Рюриково поколѣніе Государей Московскихъ въ родѣ Іоанна Калиты. Вездѣ и всегда переходъ державной власти отъ древней династіи къ новой обнаруживался жестокимъ переломомъ государственнымъ; вездѣ являлись искатели празднаго престола, возникали непримиримыя партіи, свирѣпствовало безначаліе; сосѣднія державы пользовались неустройствомъ *безгосподарнаго* народа и нерѣдко уничто- Воцареніе Бориса.

жали его самобытность. Такъ воцарились Капетинги, Валуа, Бурбоны, Тюдоры; такъ пала Бургундія. Отечеству нашему грозилъ переломъ тѣмъ болѣе опасный, что Русскій народъ въ продолженіе многихъ вѣковъ привыкъ видѣть на престолѣ Государей только царской крови и признавалъ власть ихъ священною, доступною для одного только дома. Смертью Ѳеодора не всѣ отрасли Владиміра св. угасли: въ сословіи людей *родословныхъ* были потомки даже Юрія Долгорукаго, отъ племени Князей Суздальскихъ, Ростовскихъ, Бѣлозерскихъ, Стародубскихъ, кромѣ многихъ другихъ потомковъ Владиміра св., происходившихъ отъ рода Князей Черниговскихъ и Смоленскихъ [1]; но всѣ они давно уже стояли въ ряду *слугъ* Государя Московскаго и никто изъ нихъ никогда не дерзалъ мыслить о царской коронѣ, принадлежавшей исключительно дому Іоанна Калиты. Если же теперь пресѣченіе царскаго дома давало имъ поводъ вспомнить свое происхожденіе, то раждался вопросъ, кто болѣе другихъ изъ многочисленной толпы потомковъ Рюрика имѣлъ право на корону? Притомъ же они

[1] *Отъ Суздальскихъ:* Шуйскіе, Скопины; *отъ Ростовскихъ:* Прінмковы, Бахтеяровы, Буйносовы, Лобановы; *отъ Бѣлозерскихъ:* Бѣлосельскіе, Вадбольскіе, Ухтомскіе; *отъ Стародубскихъ:* Гагарины, Палецкіе, Пожарскіе, Ромодановскіе, Ряполовскіе, Хилковы; *отъ Черниговскихъ:* Горчаковы, Долгорукіе, Лыковы, Воротынскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Щербатовы; *отъ Смоленскихъ:* Вяземскіе, Дашковы, Прозоровскіе, Сицкіе, и многіе другіе.

могли встрѣтить совмѣстниковъ въ домѣ Романовыхъ и Годуновыхъ, которые въ понятіи современниковъ стояли ближе къ престолу, какъ члены царскаго семейства, по свойству съ послѣдними Государями. — Потрясеніе жестокое, всеобщее было неминуемо.

Переломъ обнаружился не вдругъ; важное обстоятельство, казалось, отклоняло его отъ нашего отечества: уже около 14 лѣтъ народъ привыкъ покорствовать Борису Годунову; какъ шуринъ послѣдняго Государя, какъ самовластный правитель при жизни его, онъ давно исключилъ себя изъ круга подданныхъ, сталъ выше всѣхъ потомковъ Владиміра св., заслонивъ собою и Романовыхъ, не говоря о Нагихъ, Сабуровыхъ и другихъ свойственникахъ прежнихъ Государей по женскому колѣну. Общій голосъ призывалъ его на царство: одинъ Борисъ понималъ непрочность своихъ правъ и болѣе 5 недѣль, отказывался отъ короны; наконецъ, когда всѣ желанія слились въ одинъ восторгъ безпредѣльный, онъ рѣшился быть родоначальникомъ новой династіи. [1] 1598.

Единодушный приговоръ всѣхъ чиновъ государственныхъ вручилъ Борису право, коего онъ не

[1] Ѳеодоръ умеръ 6 Января 1598; Москва присягнула супругѣ его Иринѣ; Царица отказалась отъ короны и 15 Января удалилась въ Новодѣ-

имѣлъ. Для утвержденія этого права, онъ принялъ
такія мѣры, что, казалось, престолъ его будетъ
непоколебимъ. Торжественный обѣтъ никого не до-
пустить до нищеты, никого не казнить смертію,
произнесенный имъ при коронаціи, поставилъ его
на ту степень, на которой предки наши привыкли
видѣть своихъ Государей, соединяя съ идеею Царя
идею безпредѣльной благости. Новые законы объ
исключительной зависимости духовенства отъ па-
тріарха въ дѣлахъ гражданскихъ и окончательное
укрѣпленіе крестьянъ за высшими сановниками,
соединили выгоды новаго Царя съ выгодами ду-
ховенства и дворянства, которыя всегда служатъ
опорами монархическаго правленія. Усиливая выс-
шія сословія, Борисъ тѣмъ болѣе старался обезо-
пасить и возвысить себя и свое поколѣніе род-
ствомъ съ Европейскими Государями [1], охрани-
тельною стражею иноземною, коей онъ ввѣрилъ

вичій монастырь, гдѣ постриглась подъ именемъ Александры; въ
слѣдъ за тѣмъ бояре и высшее духовенство предложили вѣнецъ Бо-
рису; онъ отвергъ его, объявивъ намѣреніе также принять схиму. 17
Февраля собралась въ кремлѣ земская дума и, по предложенію па-
тріарха Іова, положила единогласно просить Бориса о принятіи ко-
роны; 20 Февраля объявили ему объ избраніи его на царство; но по-
лучили отказъ; 21 Февраля всѣ жители Москвы и выборные изъ го-
родовъ устремились къ Новодѣвичьему монастырю, съ крестами и св.
иконами для убѣжденія Бориса; онъ согласился наконецъ послѣ
долговременнаго отреченія; вступилъ въ Москву 30 Апрѣля; короно-
вался 1 Сентября.

[1] Дочь его Ксенія была помолвлена за Датскаго принца Іоанна; бракъ
не совершился единственно по случаю кончины жениха, умершаго
въ Москвѣ горячкою.

свою особу, и бдительнымъ надзоромъ за опасными совмѣстниками.

Царствованіе Бориса.

Благоразумная политика въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ должна была упрочить родъ Годунова на Московскомъ престолѣ. Мысль, что для Россіи настало время окончательно разорвать тяжкую цѣпь, связывавшую ее съ востокомъ, и занять почетное мѣсто въ системѣ державъ Европейскихъ, была основою Борисовой политики. Онъ не терялъ изъ вида народовъ Татарскихъ, ни Сибири, ни Крыма, ни Кавказа; но не хотѣлъ имѣть ихъ исключительнымъ предметомъ своей заботливости, какъ было прежде, и съ искусствомъ пожиналъ плоды своихъ предшественниковъ: довершивъ покореніе западной Сибири основаніемъ многихъ крѣпостей, Верхотурья, Туринска, Томска, оградивъ южные предѣлы государства отъ набѣговъ Крымцевъ устройствомъ засѣки, еще болѣе всегдашнею готовностью къ отпору, онъ довольствовался одними охранительными дѣйствіями, жаловалъ Татарскихъ царевичей въ цари, сѣялъ между ними раздоры, и устремлялъ все свое вниманіе на западъ. Главною цѣлію его было ослабить постоянныхъ враговъ нашихъ Швецію и Польшу, вмѣстить Россію въ составъ государствъ христіанскихъ и познакомить ее съ плодами Европейской промышленности и образованности. Для первой цѣли онъ искусно пользо-

вался раздорами Швеціи и Польши, чтобы исхитить изъ ихъ власти Ливонію, посредствомъ коей Россія могла вступить въ сношенія съ Европою; для второй имѣлъ безпрерывныя сношенія, кромѣ Англіи, съ Германскимъ Императоромъ, въ намѣреніи вооружить Европу противъ Султана и дѣятельнымъ участіемъ въ крестовомъ походѣ пріобрѣсть право на тѣсную связь съ Европою; для оживленія же народной промышленности, онъ открылъ къ государству свободный доступъ всѣмъ мореходнымъ державамъ, въ особенности союзу ганзейскому; наконецъ для образованія народнаго, хотѣлъ основать въ Москвѣ *университетъ*. При такихъ мѣрахъ, при такомъ умѣ, все покорствовало Борису: народъ привыкъ видѣть въ немъ Государя великаго и съ любовію смотрѣлъ на юнаго сына его Θеодора, украшеннаго всѣми талантами ума и сердца, какъ на будущую надежду свою. Но законъ природы не преложенъ: новая династія не могла утвердиться на престолѣ безъ государственнаго потрясенія: въ 6 годъ Борисова царствованія явился Самозванецъ.

ГЛАВА VI.

УНІЯ И САМОЗВАНЦЫ.

I. СОЕДИНЕНІЕ ЛИТВЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ.

1569.

25. Между тѣмъ, какъ Россія, домомъ Іоанна Калиты избавленная отъ бѣдствій удѣльной системы, исторгнутая изъ власти Монголовъ, образовала могущественное царство, Литовское княжество, заключавшее въ предѣлахъ своихъ лучшую часть древней Руси, утратило прежнюю самостоятельность, вошло въ составъ Польскаго королевства и допустило наложить на себя иго народу слабому, мало знакомому съ порядкомъ гражданскимъ, еще менѣе съ славою завоеваній. Это иго, по своимъ слѣдствіямъ, было бѣдственнѣе Татарскаго: Татары разрушали Русскіе города, губили народъ, Князей, брали дань тяжкую, но не трогали ни вѣры, ни языка, ни гражданскихъ уставовъ, и Россія, спасшая народное достояніе, всегда носила въ нѣдрахъ Судьба западн. Руси.

своихъ залогъ будущаго величія. Поляки, поработивъ западную Русь не оружіемъ, а политикою, не могли свирѣпствовать подобно Монголамъ; за то вводили въ Литовское княжество свой образъ правленія, чудную смѣсь анархіи съ деспотизмомъ, потрясали тамъ вѣру, гнали языкъ, и лишая обитателей западной Руси того, что было святынею предковъ, чѣмъ дорожитъ каждый народъ, предавали ихъ въ жертву Жидамъ и Татарамъ.

Соединеніе съ Польшею.

Соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ совершилось почти чрезъ двѣсти лѣтъ по восшествіи Ягелла на престолъ Пястовъ, при послѣднемъ потомкѣ его, Сигизмундѣ Августѣ. Обитатели западной Руси постоянно уклонялись отъ тѣснаго союза съ Поляками и никогда не желали составлять съ ними одинъ народъ, чему самымъ разительнымъ доказательствомъ служитъ, кромѣ явнаго стремленія имѣть отдѣльныхъ Государей, двухвѣковой споръ за Волынь и Подолію: даже вопреки желанію Великихъ Князей, Литовскіе сеймы никогда не соглашались считать этихъ земель Польскими областями. Сосѣди равнымъ образомъ смотрѣли на оба государства, какъ на отдѣльныя державы: послѣдній вождь Меченосцевъ, Готгардъ Кетлеръ, принужденный оружіемъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго сложить съ себя достоинство гермейстера, согласился уступить орденскія владѣнія Сигизмунду

Августу съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они вошли въ составъ не Польскаго королевства, а великаго княжества Литовскаго. Соединенія западной Руси съ королевствомъ желали во первыхъ сами Ягеллоны; во вторыхъ Польскіе вельможи; въ третьихъ Римское духовенство. Каждый имѣлъ свою цѣль.

Ягелло и потомки его, всѣ безъ исключенія слабые, преданные роскоши, безъ блестящихъ свойствъ ума и души, но всѣ равно тщеславные, охотно принимали корону Пястовъ, какъ даръ, соглашаясь на предлагаемыя Польскими магнатами условія. Магнаты же съ своей стороны не могли найти лучшихъ для себя Государей: Ягеллоны безъ прекословія утверждали прежнія ихъ права, не скупились на новыя, были равнодушны къ своеволію сеймовъ, раздавали обширныя помѣстья и до того были щедры, что сынъ Казиміровъ Александръ, раздаривъ всѣ королевскія отчины, не зналъ, чѣмъ покрыть расходы собственнаго стола. Къ личнымъ выгодамъ дворянства присовокупилась выгода и всего королевства: признавая Королемъ Великаго Князя Литовскаго, оно обуздывало воинственный народъ, искони страшный оружіемъ, находило въ немъ защиту отъ Татаръ Крымскихъ и предупреждало опасное для себя соединеніе западной Руси съ восточною. Но едвали не усерднѣе всѣхъ хло-

потало о союзѣ Литовскаго княжества съ Польшею Латинское духовенство: въ этомъ союзѣ видѣло оно самое удобное средство къ исполненію постоянной мысли Римскаго двора подчинить Россійскую церковь папѣ, не терявшему надежды присвоить надъ нею власть даже послѣ неудачныхъ попытокъ при Даніилѣ Романовичѣ и Александрѣ Невскомъ. Надежда его пробудилась съ живѣйшею силою послѣ того, какъ Ягелло, вступая на престолъ Пястовъ, далъ легкомысленное обѣщаніе обратить въ Латинскую вѣру наслѣдственное государство. Думая, что рѣчь идѣтъ о всѣхъ подданныхъ его, Польскіе епископы съ жаромъ принялись за дѣло; по ихъ убѣжденію, Ягелло издалъ нѣсколько строгихъ законовъ противъ послѣдователей Греческой вѣры, запрещалъ браки католиковъ съ не-католиками, требовалъ, чтобы высшіе сановники были Римскаго вѣроисповѣданія. Хотя эта мѣра была безуспѣшна, и Литовское княжество неоднократно отдѣлялось отъ Польши, грозившей гоненіемъ православію; но Римскій дворъ надѣялся, что время дастъ иной оборотъ дѣлу.

Опасаясь, чтобы съ пресѣченіемъ дома Ягеллонова, Литовское княжество не отошло къ государству Московскому, какъ того желали всѣ православные, добровольно, цѣлыми городами, присоединяясь къ державѣ потомковъ Іоанна Калиты,

Польскіе вельможи, поддерживаемые духовенствомъ, умоляли Сигизмунда Августа принять мѣры къ укрѣпленію союза всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. Король неоднократно для сей цѣли созывалъ сеймы, но всегда безуспѣшно, доколѣ живъ былъ князь Николай Радзивилъ, канцлеръ Литовскій, благородный защитникъ народности своего отечества; онъ говорилъ, что «Поляки льнутъ къ Литвѣ, какъ пчелы къ цвѣтамъ, чтобы высосавъ медъ, бросить ихъ.» По смерти Радзивила, не опасаясь найти упорныхъ противниковъ соединенія, Сигизмундъ предложилъ на сеймѣ Люблинскомъ исполнить, что обѣщалъ предокъ его Ягелло и торжественною присягою утвердить соединеніе Литвы съ Польшею въ одно неразрывное государство. Представители великаго княжества Литовскаго, по прежнему чуждаясь Поляковъ, сильно возражали противъ такой мѣры, изъявляя громкій ропотъ. Когда же Сигизмундъ прибѣгнулъ къ насилію, они большею частію оставили сеймъ, не откланявшись Королю. Волю его согласились исполнить весьма немногіе; но въ числѣ ихъ были двое изъ знатнѣйшихъ вельможъ, имѣвшіе рѣшительное вліяніе въ своемъ отечествѣ и по богатству и по многочисленности приверженцевъ, князь Константинъ Острожскій, воевода Кіевскій, и князь Александръ Чарторижскій, воевода Волынскій: въ угожденіе Сигизмунду, они заглушили упреки народной гордости и подпи-

1569. сали постановленіе Люблинскаго сейма. Положено было Литовское княжество и Польское королевство соединить въ одну *Рѣчь посполитую;* ни тому ни другому не избирать отдѣльно Государя; Королю Польскому быть и Великимъ Княземъ Литовскимъ; для избранія Короля и для сужденія о дѣлахъ государственныхъ, депутатамъ Литвы и Польши собираться на общемъ сеймѣ въ Варшавѣ; дѣла рѣшать большинствомъ голосовъ; правамъ и преимуществамъ обоихъ народовъ быть совершенно равными; вѣроисповѣданію оставаться свободнымъ. Такимъ образомъ послѣ двухвѣковыхъ усилій, Поляки достигли своей цѣли: скрѣпили союзъ княжества Литовскаго съ королевствомъ; но вскорѣ они убѣдились, что въ этомъ вожделѣнномъ для нихъ союзѣ зрѣютъ не тѣ плоды, коихъ они ожидали.

Отношенія Литовскаго Княжества къ Россіи.

26. Смертью Сигизмунда Августа угасъ домъ Ягеллоновъ. Поляки приняли за правило возводить на престолъ иноземцевъ и заключать съ каждымъ Королемъ pacta conventa, или въ нѣкоторомъ смыслѣ контрактъ, на основаніи коего Государь не имѣлъ почти никакой власти и совершенно зависѣлъ отъ сейма, или справедливѣе отъ вельможъ: онъ дѣлался орудіемъ партій и необузданнаго своеволія. Оставалось только найти, ктобы согласился подписать pacta conventa. Сеймъ думалъ избрать Австрійскаго принца; но Султанъ Турецкій объя-

вилъ ему рѣшительную волю, что онъ не хочетъ видѣть на Польскомъ престолѣ никого изъ Австрійскаго дома и предлагалъ въ Короли Французскаго принца. Поляки охотно согласились на это предложеніе, во первыхъ потому, что они не желали раздражать Султана; во вторыхъ потому, что самая странность выбора льстила ихъ тщеславію, доказывая Европѣ, что рѣчь посполитая имѣетъ мнимую власть вручать корону кому хочетъ; главное же, дворянство было увѣрено, что принцъ, менѣе всѣхъ помышлявшій о коронѣ, безъ прекословія подпишетъ всѣ предложенныя ему условія; духовенство съ своей стороны видѣло въ немъ самаго ревностнаго покровителя Латинской церкви: ибо незадолго предъ тѣмъ онъ участвовалъ въ истребленіи Гугенотовъ въ Парижѣ. Взвѣсивъ всѣ выгоды, сеймъ не призналъ никого достойнѣе Генриха Валуа быть Королемъ: онъ избранъ панами Польскими. 1573.

Иныя правила руководствовали представителей великаго княжества Литовскаго. Русскіе искони привыкли думать, что верховная власть принадлежитъ тому, кто избранъ Провидѣніемъ, и что Судьба назначила единственно дому Владиміра св. господствовать въ Русской землѣ. Съ этою мыслію они повиновались Князьямъ изъ Рюрикова колѣна; съ тою же мыслію признавали надъ собою власть дома Гедиминова, считая его, по темному преданію,

отраслію того же владѣтельнаго племени, отъ котораго происходили и Государи Московскіе. Теперь, когда домъ Гедимина угасъ, въ права его вступалъ домъ Іоанна Калиты. Въ самомъ дѣлѣ представители великаго княжества Литовскаго, съ негодованіемъ отвергнувъ чуждаго принца, почти единодушно предлагали корону Царю Іоанну Васильевичу Грозному, уже довольно зная о крутости его характера. Іоаннъ не обнаружилъ большой охоты принять корону Пястовъ; сверхъ того встрѣтилъ сильное упорство въ Полякахъ; Генрихъ Валуа между тѣмъ прибылъ, и Литовскіе чины съ огорченіемъ согласились признать его Государемъ. Но Генрихъ увидѣлъ на Польскихъ сеймахъ такое буйное своеволіе, что чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ коронаціи, тайно бѣжалъ изъ Польши во Францію, гдѣ, по смерти Карла IX, его ожидала болѣе завидная корона Французская. На мѣсто его Поляки спѣшили избрать Стефана Баторія, воеводу Семи-
1575. градскаго, снова въ угожденіе Султану, который считалъ его своимъ данникомъ. Баторій былъ истинно великій Государь: съ ничтожными средствами, предводительствуя буйною шляхтою, онъ заставилъ трепетать Іоанна Грознаго и вырвалъ изъ рукъ его Ливонію. Какъ умный политикъ, вполнѣ понимая непрочность союза западной Руси съ Польшею и предугадывая, что въ немъ кроются сѣмена вѣчнаго раздора, долженствовавшія погубить Поль-

ну, онъ искренно желалъ избавить королевство отъ грозившей ему бѣды и предлагалъ Ѳеодору Іоанновичу заключить заранѣе договоръ о соединеніи Рѣчи посполитой съ Московскимъ государствомъ, немедленно по кончинѣ одного изъ обоихъ Государей такъ, чтобы оставшійся въ живыхъ царствовалъ и въ Москвѣ и въ Варшавѣ. Бояре наши, считая такое предложеніе коварною сѣтью, отвергли оное съ негодованіемъ. Но едва умеръ Баторій, при назначеніи ему преемника, Литовско-Русскіе чины снова подали рѣшительный голосъ въ пользу Ѳеодора Іоанновича и такъ были тверды въ своемъ намѣреніи, что Польскіе паны должны были съ ними согласиться и провозгласили Королемъ Русскаго Государя; однакожъ вскорѣ поставили на своемъ: успѣли представить условія, предложенныя Ѳеодоромъ, унизительными для Рѣчи посполитой, и избрали на престолъ Шведскаго принца Сигизмунда III.

27. Двукратное, рѣшительное намѣреніе великаго княжества Литовскаго поручить судьбу свою Московскому Государю, встревожило и Римскій дворъ и Польскій сенатъ. Они видѣли, что по соединеніи западной Руси съ восточною, Польша должна будетъ или войти въ составъ Русскаго государства, подобно царству Казанскому, или отдѣлившись отъ Литовскаго княжества, возвратиться въ то ничто-

жное состояніе, въ коемъ она была прежде до Ягелла. Конечно Поляки должны были считать себѣ за честь видѣть своими Государями таковыхъ вѣнценосцевъ, каковы были всѣ потомки Іоанна Калиты; но признавая власть Русскаго самодержца, магнаты Польскіе не могли ручаться за свою необузданную волю, за право шумѣть на сеймахъ, спорить съ Королемъ, самовластвовать въ помѣстьяхъ. Для расторженія союза западной Руси съ восточною, въ Польшѣ, со временъ Сигизмунда III, составленъ планъ искоренить въ Литовскомъ княжествѣ все Русское, чтобы, сокрушивъ самые священные залоги бытія народнаго, создать новое племя и слить его съ Поляками.

Четыре главныя условія служатъ основаніемъ народности: гражданскіе уставы, языкъ, вѣра, исторія. Они были главною препоною сліянію обитателей западной Руси въ одинъ народъ съ Поляками, напоминая имъ, на каждомъ шагу родство съ обитателями Московскаго государства. Правда Поляки успѣли уже ввести въ Литовское княжество многія формы своего правленія, но законы гражданскіе оставались чисто Русскими. Собранные въ одно цѣлое при Сигизмундѣ I, дополненные при Сигизмундѣ II и утвержденные Сигизмундомъ III, они были напечатаны въ 1588 году въ Вильнѣ,

подъ именемъ Литовскаго статута на *Русскомъ языкѣ*. Въ доказательство, до какой степени Литовскій статутъ былъ принаровленъ къ Русскимъ понятіямъ и правамъ, довольно замѣтить, что изъ него болѣе 50 статей внесено въ послѣдствіи въ Уложеніе Алексѣя Михайловича. — Господствующимъ языкомъ въ Литовскомъ княжествѣ былъ Русскій; только въ сѣверной части княжества, въ воеводствахъ Виленскомъ и Трокскомъ удержалось Латышское нарѣчіе; но обитатели этихъ областей, составляя въ общей массѣ народонаселенія не болѣе 12 части, были слишкомъ малочисленны въ сравненіи съ Русскимъ народомъ; притомъ же одни низшія сословія сохранили древнее нарѣчіе; высшія предпочитали ему языкъ Русскій; его употребляли въ священнодѣйствіи (по Греческому закону), во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, въ общежитіи; на немъ писали всѣ судебные акты и государственныя постановленія; онъ былъ языкомъ придворнымъ до временъ Сигизмунда Августа, который сталъ замѣнять его Польскимъ. — Спасая родное слово, народъ тѣмъ усерднѣе берегъ святыню предковъ. Во всѣхъ Русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ Литовскаго княжества, господствовалъ Греческій законъ. Православные епископы имѣли свое пребываніе въ Луцкѣ, Владимірѣ Волынскомъ, въ Туровѣ, Пинскѣ, Могилевѣ, Полоцкѣ. Въ самой Вильнѣ, средоточіи Литвы, исповѣдовавшей Латин-

скую вѣру, было болѣе 30 церквей Грекороссійскихъ и только 7 костеловъ Римскихъ. Тамъ находилась и каѳедра православной митрополіи. Дворъ Великаго Князя состоялъ изъ вельможъ большею частію Греческаго вѣроисповѣданія; въ числѣ ихъ были не только потомки древнихъ Русскихъ Князей, но и многіе коренные Литовцы, напримѣръ: князья Вишневецкіе, Дубровецкіе, Корецкіе, Крошинскіе, Масальскіе, Огинскіе, Острожскіе, Рожинскіе, Любецкіе, Сангушки, Чарторижскіе; дворяне Воловичи, Глѣбовичи, Кмиты, Пацы, Поцеи, Сапѣги, Хоткѣвичи, Хребтовичи и др. Всѣ они исповѣдывали, до конца XVI вѣка, вѣру православную. — Кромѣ законовъ гражданскихъ, языка и вѣры, исторія живо напоминала обитателямъ западной Руси, что предки ихъ принадлежали къ тому же семейству, отъ коего произошли обитатели и восточной Руси; ихъ плѣняла слава Государей Московскихъ, какъ слава родины.

Такимъ образомъ главныя условія народности, то, что составляетъ неразрывную связь племенъ, отвлекая Литовское княжество отъ Польши, сближали его съ Московскимъ государствомъ. Поляки рѣшились разорвать эту связь. Начали съ вѣры.

—

II. УНІЯ.

1596.

28. Россійская церковь, отъ самаго начала ея до конца XVI столѣтія, болѣе 6 вѣковъ, была единая, нераздѣльная, составляя часть вселенской православной церкви; послѣдователи ея во всей Русской землѣ, съ неуклоннымъ постоянствомъ держались однихъ и тѣхъ же правилъ, догматовъ, обрядовъ. Славянскій переводъ Библіи, трудовъ Кирилла и Меѳодія, служилъ основою православія; Греческій номоканонъ, заключавшій въ себѣ правила св. отцевъ, вмѣстѣ съ грамматами Великихъ Князей и соборными постановленіями, опредѣлялъ судъ и расправу; Византійскій патріархъ утверждалъ Русскихъ святителей. Все, что было постановлено вселенскими соборами, соблюдалось у насъ строго; все, чему вѣрили, что признавали отцы и дѣды, переходило, какъ завѣтъ священный, изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Характеръ православія

Безмятежность православной церкви основана была преимущественно на благопріятныхъ отношеніяхъ духовенства къ обществу, установленныхъ при Владимірѣ св. и Ярославѣ мудромъ, на личныхъ достоинствахъ святителей и на характерѣ народномъ. Россійское духовенство не составляло, по-

добно Римскому, отдѣльнаго міра въ государствѣ: оно вполнѣ зависѣло отъ Великаго Князя, безъ воли коего никакое важное церковное распоряженіе не могло быть приведено въ дѣйствіе. Святители по большей части украшались христіанскими добродѣтелями: не вмѣшивались въ дѣла свѣтскія, когда не было на то желанія Государей; если же являлись на поприщѣ политическомъ, то всегда къ чести своего званія: во время удѣльное, они мирили Князей; при Монголахъ благословляли Русскихъ на борьбу съ губителями отечества; въ дѣлахъ же вѣры не обнаруживали духа нетерпимости или фанатизма, не искали славы насильственнаго обращенія иновѣрцевъ въ свой законъ и отклоняли вызовы Римскихъ папъ къ пренію о вѣрѣ, считая подобные споры безполезными. Ревностно исполняя свой долгъ, распространяя въ народѣ не только истины христіанскія, но и полезныя свѣдѣнія житейскія, напримѣръ врачебныя, служители православной церкви въ тоже время съ рѣдкою скромностію передавали потомству память современныхъ событій въ безпристрастныхъ лѣтописяхъ. Однимъ словомъ, Русское духовенство не было въ разладѣ ни съ міромъ, ни съ человѣкомъ, ни съ властію. Все это отразилось и въ народѣ: предки наши, слушая слова Евангелія на языкѣ понятномъ, въ храмахъ, исполненныхъ красоты и величія, пріобрѣли ту набожность тихую, мирную, которою они

отличались отъ всѣхъ Европейскихъ народовъ. Они смотрѣли на свою церковь, какъ на единую, святую; чуждались всего не Русскаго, всякой новизны; желали только одного: безмятежно покланяться Христу Спасителю, по примѣру отцовъ и дѣдовъ.

При такомъ религіозномъ направленіи, въ нѣдрахъ самой церкви не могло быть ни ересей, ни расколовъ. Изрѣдка находили на нее тучи извнѣ: Болгарскіе и Сирскіе святители, присылаемые Греческими патріархами, приносили иногда духъ любостяжанія, дававшій поводъ къ разнымъ соблазнамъ: но неустройства продолжались недолго и не оставляли никакихъ слѣдовъ. Самое отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ Московской, бывъ дѣломъ самовластнаго Витолда, не уничтожило единства Грекороссійской церкви и не поколебало православія: въ западной Руси, или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, остались тѣ же догматы, обряды, какъ и въ восточной. Кіевскій митрополитъ, наравнѣ съ Московскимъ, признавалъ верховную власть Византійскаго патріарха. Слѣдственно это отдѣленіе не было расколомъ церкви.

29. Между тѣмъ постоянная опасность угрожала православію съ запада, изъ Рима. Папы, вопреки всѣмъ неудачнымъ попыткамъ, не оставляли насъ въ покоѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ возобно- Властолюбіе папы.

вляя старанія подчинить своей власти Россійскую церковь. Такъ они разставляли сѣти Роману Волынскому, Даніилу Галицкому, Александру Невскому, обѣщая имъ вѣнцы королевскіе, въ награду за признаніе своей власти; проповѣдывали крестовые походы въ Швеціи, въ Ливоніи, въ Польшѣ, въ Венгріи, чтобы силою оружія обратить Русскихъ въ Латинскую вѣру, и все напрасно: ни Князья, ни подданные не измѣняли закону прародительскому. Римскій дворъ не терялъ однако надежды, и въ половинѣ XV вѣка успѣлъ потревожить Греческую церковь въ самой Византіи, впрочемъ ненадолго. Соборъ Флорентійскій остался безъ важныхъ послѣдствій: ни Греки, ни Русскіе не хотѣли признать власть папы. Послѣ такой неудачи, казалось, Римскій дворъ убѣдится въ невозможности поколебать Грекороссійскую церковь и оставить ее въ покоѣ, особенно когда въ подвластныхъ ему странахъ, въ Германіи, Франціи, Голландіи, Швеціи, Англіи, появились многочисленныя секты протестантовъ. Быстрые успѣхи Лютера, Кальвина и другихъ реформаторовъ, свидѣтельствовали, что господство папы было слишкомъ тягостно для самыхъ усердныхъ его приверженцевъ. Но политика Римскаго двора не измѣнялась: воспламеняя въ западной Европѣ междоусобныя войны, для истребленія Лютеранъ, Кальвинистовъ, Цвингліянъ, онъ не спускалъ глазъ и съ нашего отечества.

Главнымъ орудіемъ его былъ орденъ Езуитовъ, учрежденный именно съ тою цѣлію, чтобы распространить папскую власть во всѣхъ концахъ міра, между народами, никогда не признававшими ея, въ замѣнъ утраченнаго господства въ большей части Европы. Езуиты всегда и вездѣ дѣйствовали одинаково, съ рѣдкимъ искусствомъ, съ неутомимою ревностію, не разбирая средствъ къ достиженію цѣли. При Сигизмундѣ Августѣ они появились въ Польшѣ; нашли тамъ еще болѣе усердныхъ покровителей, чѣмъ въ самой Италіи, овладѣли совѣстью Королей, господствовали на сеймахъ, въ сенатѣ, управляли политикою. Отселѣ они начали разставлять сѣти для уловленія Русскихъ. Езуиты такъ были увѣрены въ своихъ силахъ, такъ хорошо умѣли тревожить совѣсть людей, что сначала считали возможнымъ совратить Русскихъ съ пути православія однимъ искусствомъ убѣжденія; съ сею цѣлію множество книгъ, частію полемическихъ, частію догматическихъ, разсѣяно было въ Литовскомъ княжествѣ; между тѣмъ въ Вильнѣ, Полоцкѣ, на Волыни учреждены были школы для воспитанія юношества; этого мало: ревностнѣйшій изъ членовъ ордена Антоній Поссевинъ дерзнулъ даже думать о возможности склонить Іоанна Грознаго къ соединенію восточной церкви съ западною, и послѣ заключенія Запольскаго мира, въ награду за свое усердіе, просилъ неотступно царскаго согласія на споръ

Езуиты.

о вѣрѣ. Іоаннъ вступилъ съ нимъ въ богословское преніе, торжественно, въ присутствіи своего двора, три раза бесѣдовалъ съ нимъ о власти папы, о разности догматовъ, обрядовъ, и одною силою здраваго смысла, опираясь на правоту своего дѣла, пристыдилъ умнѣйшаго изъ Езуитовъ въ нелѣпыхъ заблужденіяхъ. Въ западной Руси равнымъ образомъ нашлись ревностные поборники православія: въ числѣ ихъ особенно замѣчателенъ князь Константинъ Острожскій; не послѣднее мѣсто занимаетъ и князь Курбскій. Вопреки всѣмъ усиліямъ, успѣхъ Езуитовъ былъ незначителенъ, и по всей вѣроятности замыслы ихъ кончились бы ничѣмъ, еслибы стеченіе совершенно постороннихъ для церкви обстоятельствъ не помогло имъ.

Начало Уніи. 30. Луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, порочною жизнію вынудивъ Константинопольскаго па-
1589. тріарха Іеремію нарядить судъ для изслѣдованія своихъ преступленій, въ числѣ коихъ были даже уголовныя [1], и опасаясь лишиться сана, успѣлъ вооружить противъ патріарха Кіевскаго митрополита Михаила Рагозу, который, также чувствуя себя не совсѣмъ правымъ, боялся, что и до него дойдетъ очередь строгаго суда патріаршаго. Для устраненія опасности, они согласились отдаться въ

1 Его обвиняли въ двоеженствѣ, смертоубійствѣ, въ дѣланіи фальшивой монеты, въ покровительствѣ воровъ.

покровительство папы. Надежда избавиться отъ бѣды была главною побудительною причиною ихъ намѣренія; къ ней присоединилась и другая: потомки Ягелла, уравнявъ Литовское княжество съ Польскимъ королевствомъ въ правахъ гражданскихъ, не дали православному духовенству тѣхъ преимуществъ, коими пользовалось Римское; Русскіе епископы не присутствовали въ сенатѣ и при всякомъ случаѣ уступали Латинскимъ. Честолюбивый Рагоза искалъ тѣхъ же выгодъ, и получивъ отъ Сигизмунда III обѣщаніе на уравненіе правъ, началъ дѣйствовать за одно съ Терлецкимъ. Душею совѣтовъ ихъ былъ Ипатій Поцей, человѣкъ хитрый, искусный въ богословіи, бывшій прежде каштеляномъ въ Брестѣ, постриженный Терлецкимъ въ монахи и посвященный митрополитомъ Рагозою въ санъ Владимірскаго епископа. Въ первый годъ 1590.
своего святительства Поцей созвалъ четырехъ епископовъ въ Брестъ, подъ предлогомъ разсужденія о мѣрахъ къ безопасности православной церкви, утѣсняемой Польскимъ сенатомъ и Латинскимъ духовенствомъ; говорилъ, что патріархи, подвластные Турецкому Султану, не пекутся о выгодахъ Русскаго духовенства, заботятся только о собственномъ богатствѣ, утѣсняютъ православныхъ поборами, и какъ лучшее средство къ устраненію всѣхъ неудобствъ, предлагалъ *Унію* или соединеніе Греко-восточной церкви съ Римскою на основаніи Фло-

рентійскаго собора. Терлецкій былъ согласенъ съ нимъ; другіе три епископа отвергли эту мѣру. Поцей рѣшился приготовить прежде умы, объѣздилъ всю Литовскую Русь, вездѣ разсѣвая плевелы съ укоризнами на патріарховъ, и чрезъ три года со-
1593. звалъ второй соборъ, многочисленнѣйшій, во Львовѣ; но также безъ успѣха; въ слѣдъ за тѣмъ третій въ Брестѣ. Здѣсь 2 Декабря 1594 года митрополитъ Рагоза, четыре епископа (изъ коихъ двое еще не были посвящены) и одинъ архимандритъ подписали соборное опредѣленіе объ Уніи [1]. Положено было: подъ предлогомъ нерадѣнія патріарховъ о Россійской церкви, соединить ее съ Римскою, на основаніи Флорентійскаго собора, признать папу главою всего христіанства, но оставить неприкосновенными всѣ обряды Грековосточной церкви, священнодѣйствовать на Русскомъ языкѣ и не требовать отъ папы ставленныхъ граммать на утвержденіе избираемыхъ епископовъ.

Главные виновники раскола Терлецкій и Поцей, съ согласія Сигизмунда тайно отправились въ Римъ,

1 Постановленіе подписали: *Михаилъ* митрополитъ; *Ипатій* епископъ Владимірскій и Брестскій, *Кириллъ*, епископъ Луцкій и Острожскій; *Григорій*, нареченный архіепископъ Полоцкій и Витебскій; *Діонисій*, епископъ Хелмскій и Бельзскій; *Леонтій*, епископъ Пинскій и Туровскій; *Іона*, архимандритъ Кобринс. м. и *тотъ же Іона*, назвавъ себя нареченнымъ епископомъ Пинскимъ и Туровскимъ. Не согласились на постановленіе: *Наѳанаилъ*, архіепископъ Полоцкій, *Михаилъ*, епископъ Перемышлскій и *Гедеонъ* епископъ Львовскій и Каменецкій.

гдѣ, къ величайшей радости Климента VIII, представивъ ему въ подлинникѣ опредѣленіе Брестскаго собора, не только признавали папу главою православной церкви въ Литовскомъ княжествѣ, но и согласились сами собою, даже безъ вѣдома пославшихъ, принять многое, чего не было имъ поручено, напримѣръ вѣрованіе въ дѣйствительность индульгенцій. Между тѣмъ епископы Львовскій Гедеонъ и Перемышльскій Михаилъ (Копыстенскій), свѣдавъ о посольствѣ въ Римъ, объявили торжественно, что они несогласны на Унію; еще сильнѣе и краснорѣчивѣе говорилъ и писалъ противъ раскола князь Константинъ Острожскій. Напрасно Рагоза, опасаясь возстанія, увѣрялъ князя, что онъ не думаетъ измѣнять православію; молва о предательствѣ церкви митрополитомъ взволновала всю Русь Литовскую; низшія сословія изъявляли громкій ропотъ; высшія не хотѣли участвовать въ коронномъ сеймѣ, доколѣ не будетъ рѣшенъ вопросъ о вѣрѣ.

Терлецкій и Поцей, возвратясь изъ Рима съ папскою буллою, коею Климентъ VIII просилъ Сигизмунда сравнять уніатовъ во всѣхъ правахъ съ Латинскимъ духовенствомъ (чего Король впрочемъ не исполнилъ), спѣшили созвать новый соборъ опять въ Брестѣ, для торжественнаго введенія Уніи. Туда съѣхалось множество особъ духовныхъ и свѣт- Брестскій Соборъ. 1596.

скихъ изъ всего княжества Литовскаго, также изъ Греціи; явились и Польскіе епископы. Но еще до начала совѣщанія обнаружилась непримиримая вражда: соборъ раздѣлился на двѣ стороны; самая многочисленная, главою коей былъ князь Острожскій, объявила рѣшительно, что Русскій народъ не хочетъ слышать объ уніи, что митрополитъ предалъ церковь папѣ изъ личныхъ видовъ, что онъ и сообщники его должны быть лишены сановъ, какъ измѣнники православія. Противная сторона, слабая числомъ, но сильная покровительствомъ Сигизмунда, обнародовала актъ объ Уніи, соединилась съ Латинскимъ духовенствомъ, вступила въ костелъ и на литургіи провозгласила имя папы вмѣсто патріаршаго. Унія возникла. Но въ началѣ она имѣла еще менѣе приверженцевъ, чѣмъ даже соборъ Флорентійскій, и по всей вѣроятности, при очевидной ненависти къ ней народа, изчезла бы сама собою, еслибы Езуиты не приняли мѣръ къ ея распространенію.

Мѣры къ распростр. Уніи.

31. Бывъ дѣломъ немногихъ лицъ, руководимыхъ личными видами, Унія въ самомъ началѣ находила приверженцевъ только въ такихъ людяхъ, которые, подобно Рагозѣ, Терлецкому и Поцею, искали мірскихъ выгодъ и заглушали упреки совѣсти. Число ихъ не могло быть значительно: Русскій народъ роопталъ явно на такую неслыханную по-

вость, и весьма естественно: не имѣя никакого богословскаго основанія, Унія не была даже ученіемъ секты, въ родѣ сектъ лютеранскихъ; дѣло шло только о томъ, кого признавать главою церкви, папу ли, патріарха ли? Нельзя было думать, чтобы Русскій народъ согласился промѣнять патріарха на папу, когда все напоминало ему о Греціи, отдаляя отъ Рима, и обряды богослуженія, и догматы вѣры, и права церкви, и преданія исторіи. Езуиты однакожъ не унывали; руководимый совѣтами ихъ и слѣпою привязанностію къ Римскому двору, Сигизмундъ III спѣшилъ довершить начатое дѣло: онъ принялъ за правило не дозволять посвященія въ митрополиты и епископы людей, отвергавшихъ Унію; отдавалъ уніатамъ богатѣйшіе монастыри и приходы; оказывалъ имъ при всякомъ случаѣ явное доброжелательство, притѣсняя православныхъ; возводилъ на степени государственныхъ сановниковъ преимущественно послѣдователей Уніи. Неминуемымъ слѣдствіемъ такой политики была непримиримая ненависть обѣихъ партій; одна старалась уничтожить другую: ибо вмѣстѣ существовать не могли. Уніаты, дѣйствуя въ духѣ Езуитовъ, для собственной безопасности, еще болѣе изъ видовъ корыстолюбія, всѣми средствами старались умножать число своихъ послѣдователей, и находя въ судахъ гражданскихъ, епископскихъ, на сеймахъ, въ сенатѣ, въ Королѣ, усердныхъ покрови-

телей, преступали нерѣдко предѣлы справедливости. Ненависть ихъ преимущественно устремлялась на служителей церкви, недоступныхъ соблазну: всѣ непоколебимые въ православіи подвергались всякаго рода оскорбленіямъ; съ безчестіемъ были изгоняемы изъ приходовъ, по ложнымъ доносамъ предавались суду и нерѣдко оканчивали жизнь въ оковахъ. Цѣлые округи оставались безъ священниковъ; церкви были заперты или разрушены; нѣкоторыя обращены въ шинки, въ конюшни; мертвыхъ некому было отпѣвать; младенцевъ крестить. При такихъ насильственныхъ мѣрахъ, Унія распространялась; Сигизмундъ и Езуиты радовались исполненію своихъ замысловъ; но радость ихъ была недолговременна: Малороссія доказала имъ, какихъ плодовъ могла ожидать Польша отъ Уніи.

—

III. САМОЗВАНЦЫ.

1604 — 1613.

Время Самозванцевъ.

32. Вскорѣ послѣ того, какъ западная Русь была взволнована Уніею, иного рода потрясеніе поколебало Русь восточную и едва не предало ея въ руки иноплеменниковъ. Оно было слѣдствіемъ прекращенія державной династіи и въ главной идеѣ сходствуетъ съ подобными переворотами западныхъ народовъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь возникалъ споръ

за корону между многими искателями; тѣмъ не менѣе событія, ознаменовавшія его, безпримѣрны въ исторіи. Оно представляетъ странную борьбу двухъ вѣнценосцевъ равно умныхъ, хитрыхъ, избранныхъ государственными чинами, съ неизвѣстными бродягами, увлекавшими за собою всѣ сословія однимъ именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ. Русскій народъ, одушевляемый свойственною ему привязанностію къ роду законныхъ Царей своихъ, вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ, не хотѣлъ вѣрить, чтобы домъ Іоанновъ могъ угаснуть, думалъ спасти послѣднюю отрасль его и до того простеръ свое заблужденіе, что, даже послѣ Разстриги, стоило только Жиду назвать себя Димитріемъ, чтобы видѣть полцарство Русское у ногъ своихъ. Ослѣпленіе продолжалось цѣлые 6 лѣтъ; въ послѣдствіи, когда неоднократные уроки образумили нашихъ предковъ, страсти уже не знали границъ и внутреннія неустройства наши приняли характеръ обыкновеннаго въ подобныхъ случаяхъ безначалія: возникли партіи, вмѣшались сосѣди; начались междоусобныя войны; явились защитники народной славы; національное чувство пробудилось, и поддерживаемое Религіею, спасло Россію, вручивъ судьбу ея дому Романовыхъ.

При такомъ ходѣ событій, внутренній переломъ Россіи, отличается отъ подобныхъ случаевъ, встрѣ-

чающихся въ исторіи прочихъ державъ, особеннымъ характеромъ, въ коемъ отразилась вся душа Русскаго народа. Это не былъ кровавый споръ за вѣру, потрясаемую сектами, столь несвойственный Русскимъ, ни политическій расколъ, порожденный неясностью или столкновеніемъ правъ нѣсколькихъ фамилій, ни порывъ народнаго своеволія: это было краснорѣчивое выраженіе двухъ главныхъ страстей Русскаго народа — безпредѣльной любви къ царскому дому и ненависти къ иноземному владычеству. Первая страсть отразилась въ удачной борьбѣ Самозванцевъ съ Борисомъ Годуновымъ и Василіемъ Шуйскимъ; вторая въ борьбѣ Русскаго народа съ Поляками и Шведами. Покидая Бориса и Василія, всѣ сословія стекались подъ знамена Разстриги и Тушинскаго вора, съ одною мыслію спасти Царскую отрасль. Когда же обманъ обнаружился несомнѣнно, все возстало въ грозномъ величіи, подъ знаменами Ляпунова и Пожарскаго за Русскую землю, терзаемую иноземцами. Отъ того время Самозванцевъ, начавшись всеобщимъ взрывомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ кончилось всеобщею тишиною, не оставивъ никакихъ слѣдовъ въ государственномъ организмѣ, не измѣнивъ прежнихъ уставовъ, понятій, отношеній, между тѣмъ, какъ подобныя явленія въ другихъ странахъ влекли за собою долголѣтнее броженіе умовъ и нерѣдко измѣняли коренные уставы государственные. Въ слѣдствіе сего

время Самозванцевъ достопамятно не по вліянію на государственное устройство, а по разнообразію чудныхъ, почти невѣроятныхъ событій, по краснорѣчивому выраженію народнаго характера, по дѣйствіямъ лицъ, являвшихся на сценѣ. Оно представляетъ три главныя картины: борьбу Годунова съ первымъ Самозванцемъ, кончившуюся паденіемъ того и другаго; борьбу Василія Шуйскаго со вторымъ Самозванцемъ, имѣвшую такой же конецъ; борьбу Русскаго народа съ Поляками и Шведами за государственную независимость, прекращенную воцареніемъ дома Романовыхъ.

а. *Лжедимитрій I.*

1604 — 1606.

33. Главнымъ источникомъ всеобщаго потрясенія Московскаго государства было странное событіе, доселѣ еще невполнѣ разгаданное, случившееся за 7 лѣтъ до восшествія Бориса на престолъ, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, — смерть младшаго брата царскаго, девятилѣтняго Димитрія. По завѣщанію отца, Іоанна Грознаго, получивъ въ удѣлъ городъ Угличъ, царевичъ жилъ тамъ подъ надзоромъ матери и дядей изъ рода Нагихъ, до 1591 года, когда вся Россія узнала о жалостной кончинѣ его. Разнеслась молва, что сынъ дьяка Битяговскаго, управлявшаго хозяйствомъ Углицкаго дворца и Смерть св. Димитрія.

подкупленнаго Борисомъ, Данило съ двоюроднымъ братомъ, Качаловымъ, 15 Мая, среди бѣлаго дня, зарѣзалъ царевича, игравшаго на дворѣ съ своими сверстниками; пономарь соборной церкви, видѣвшій убійство, ударилъ тревогу; народъ сбѣжался, умертвилъ обоихъ Битяговскихъ, Качалова и другихъ подозрѣваемыхъ людей. Хотя слѣдствіе, произведенное по Царскому повелѣнію княземъ Василіемъ Шуйскимъ, нашло, что Димитрій погибъ не отъ рукъ Битяговскаго и Качалова, какъ полагали жители Углича, а въ припадкѣ падучей болѣзни самъ накололся на ножъ, и вдовствующая царица, за небреженіе сына, была пострижена, дяди же царевича заключены въ темницы, а жители Углича за мятежъ сосланы въ Сибирскія пустыни, гдѣ они въ послѣдствіи населили Пелымъ; но дѣло тѣмъ не кончилось. Странность случая, дотолѣ безпримѣрнаго, притомъ не совсѣмъ яснаго, повела къ догадкамъ; волненіе Углича, растерзавшаго одного изъ царедворцевъ, и нѣсколько другихъ, подозрительныхъ людей, давало новый поводъ къ сомнѣнію; показаніе же дяди царевичева Михаила Нагаго, который при допросѣ упорно свидѣтельствовалъ, что убійцами Димитрія были Битяговскій и Качаловъ, убѣдило многихъ, что царевичъ не самъ былъ виною своей смерти. Это убѣжденіе естественно родило вопросъ, для чего же злодѣи омыли руки въ крови царственнаго отрока? Восшествіе

Бориса на престолъ служило отвѣтомъ на этотъ вопросъ, показавъ, что смерть Димитрія только для него была необходима.

Догадки о преступномъ участіи Годунова въ истребленіи послѣдней отрасли древней династіи мало по малу покрыли смерть царевича непроницаемымъ мракомъ, изъ коего легко могли родиться новые толки въ народѣ. Эти толки тѣмъ болѣе плодились, что Борисъ, возвышаясь надъ понятіями современниковъ, разными новостями возбуждалъ противъ себя всеобщій ропотъ, и слѣдовательно приготовлялъ умы къ вѣрованію въ самыя несбыточныя сказки, имѣвшія цѣлію повредить ему: безпримѣрная строгость съ коею онъ преслѣдовалъ пьянство, какъ преступленіе уголовное, вооружала противъ него едвали не всѣ сословія; измѣненіе закона о выходахъ крестьянскихъ, по коему крестьяне господъ мелкопомѣстныхъ могли переходить отъ помѣщика къ помѣщику, а крестьяне казенные, боярскіе, святительскіе, монастырскіе не имѣли этого права, озлобляло и народъ и владѣльцевъ: крестьяне роптали на кабалу, мелкіе помѣщики на ихъ свободу. Не менѣе пищи къ неудовольствію находили бояре и вообще люди родословные въ очевидной привязанности Бориса къ иноземцамъ и въ тайномъ, бдительномъ надзорѣ, даже въ насильственныхъ мѣрахъ къ сохраненію внутренней ти- Нелюбовь къ Борису.

шины, къ обузданію крамолъ, столь обыкновенныхъ при воцареніи новой династіи. Наконецъ естественныя бѣдствія, голодъ и моръ, свирѣпствовавшія нѣсколько лѣтъ сряду съ неслыханною лютостію, не взирая на заботливость Бориса облегчить народное злополучіе, все располагало умы къ волненію, къ толкамъ: народъ готовъ былъ вѣрить всему чудесному, всему нелѣпому, что только могло вредить Годунову [1].

Явленіе Самозванца.

34. При явномъ недоброжелательствѣ къ Борису, при легковѣріи народномъ, не трудно было взволновать умы самою нелѣпою молвою, если только она сообразовалась съ духомъ вѣка. Въ 6 годъ Борисова царствованія, въ Литвѣ, явился человѣкъ ума быстраго, мечтательнаго, души безпредѣльно дерзкой, готовый на всякое отчаянное предпріятіе, именуя себя сыномъ Іоанна Грознаго, Димитріемъ, спасшимся въ Угличѣ отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. Онъ открылся сперва въ Брагинѣ князю Адаму Вишневецкому, у коего былъ слугою; тотъ познакомилъ его съ своимъ братомъ Констан-

[1] Такъ его обвиняли: въ нашествіи Хана Крымскаго на Москву, призваннаго будтобы имъ, чтобы замять дѣло о царевичѣ; въ подмѣнѣ царскаго сына дочерью; въ смерти самого Θеодора и родной сестры Ирины, имъ отравленныхъ; въ ослѣпленіи Казанскаго царя Симеона, въ коемъ онъ видѣлъ мнимаго совмѣстника; въ смерти Датскаго принца Іоанна, жениха его дочери; въ отравленіи самого себя, и проч. Всѣ эти обвиненія очевидно неосновательны.

тиномъ Вишневецкимъ; Константинъ ввелъ его въ домъ тестя своего, знатнаго вельможи Польскаго Юрія Мнишка, воеводы Сендомирскаго, который, впавъ въ неоплатные долги, охотно взялся помогать мнимому Димитрію, въ надеждѣ поправить свои финансы, и представилъ его Королю. Сигизмундъ III не могъ забыть отказа Борисова признать его наслѣдственнымъ Королемъ Шведскимъ, не могъ не замѣтить видовъ Годунова на Ливонію, 1603.
и тѣмъ ласковѣе принялъ Самозванца, что совѣтники королевскіе, Езуиты видѣли въ немъ надежное орудіе къ утвержденію своей власти въ Россіи, о чемъ они усердно въ то время хлопотали. Признанный Королемъ, Лжедимитрій легко могъ набрать значительную дружину частію изъ безпокойной шляхты, частію изъ Запорожскихъ Казаковъ, среди коихъ онъ жилъ нѣсколько времени до появленія въ Литвѣ, и въ 1604 году отправился къ предѣламъ Россіи искать Московскаго престола. Борисъ принялъ всѣ мѣры къ уничтоженію безумнаго предпріятія въ самомъ началѣ: извѣстилъ Короля и Польскихъ вельможъ, что мнимый Димитрій есть бѣглый монахъ Чудова монастыря, Гришка Отрепьевъ, послалъ для улики людей, знавшихъ его до побѣга изъ Москвы, учредилъ бдительную стражу на границѣ и вмѣстѣ съ патріархомъ обнародовалъ манифестъ, коимъ старался разувѣрить подданныхъ, описавъ подробно всю жизнь Само-

званца. Не взирая на мѣры Годунова, Лжедимитрій въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1604 года появился въ предѣлахъ Московскихъ и провозгласилъ Бориса похитителемъ престола [1].

Война его съ Годуновымъ

Съ ничтожными средствами начавъ дерзкую борьбу съ могущественнымъ Борисомъ, Самозванецъ около 4 мѣсяцевъ видѣлъ слабую надежду на успѣхъ. Правда вся почти Сѣверская страна признала его своимъ Государемъ: Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, выслали ему хлѣбъ-соль; вскорѣ весь южный край взволновался, въ самомъ войскѣ Борисовомъ обнаружилось какое то недоумѣніе; но упорная защита Новгорода Сѣверскаго мужественнымъ Басмановымъ остановила распространеніе мятежа; столица и всѣ другіе города Московскіе не измѣняли Государю; бояре и высшія сословія были вѣрны присягѣ; битвы же при Новгородѣ Сѣверскомъ, въ особенности при Добрынычахъ,

[1] Доказательства, что мнимый Димитрій былъ Самозванецъ, суть: 1) смерть царевича въ Угличѣ, гдѣ весь народъ видѣлъ его живымъ, видѣлъ и мертвымъ; 2) свидѣтельство матери Димитрія, отвергшей Самозванца въ рѣшительную минуту; 3) свидѣтельство Басманова и другихъ лицъ, увѣрявшихъ въ томъ историка Бера; 4) разногласіе писателей и нелѣпыя подробности о мнимомъ спасеніи царевича. Общее мнѣніе признаетъ его Отрепьевымъ, основываясь на свидѣтельствѣ Бориса Годунова, который по горячимъ слѣдамъ могъ узнать, кто былъ его соперникъ. Борисъ убѣдился въ томъ донесеніемъ своихъ сановниковъ, посланныхъ въ Польшу для развѣдыванія, и въ особенности дяди Отрепьева, тоже говорившаго и современному историку Петрею.

близъ Сѣвска, едва не сокрушили Самозванца: Запорожскіе Казаки большею частію его оставили; Польская дружина вмѣстѣ съ воеводою Сендомирскимъ возвратилась во свояси; самъ Лжедимитрій, съ трудомъ спасшійся отъ плѣна, едва могъ держаться въ Путивлѣ и думалъ бѣжать въ Польшу. Въ то самое время умеръ Борисъ, и дѣла приняли другой оборотъ. 1605. 13 Апрѣля

Скоропостижная смерть его сильно поколебала умы, какъ явный знакъ небеснаго правосудія. Приписывая ее самоубійству, слѣдствію угрызенія совѣсти, народъ былъ въ недоумѣніи и только ждалъ, чью сторону возметъ войско, осаждавшее Кромы, гдѣ засѣли приверженцы Лжедимитрія, Донскіе Казаки, подъ начальствомъ Атамана Корелы. Войско оставалось еще вѣрнымъ роду Годунова и, подобно Москвѣ, безпрекословно присягнуло сыну Борисову, юному Ѳеодору. Теперь все зависѣло отъ искусства и усердія военачальниковъ: главный изъ нихъ, тотъ, на кого полагалъ всю надежду умирающій Борисъ, кто болѣе всѣхъ вредилъ Самозванцу, и за свое усердіе былъ честимъ при дворѣ предъ всѣми боярами, Петръ Басмановъ, принявъ начальство надъ войскомъ, провозгласилъ Царемъ *Димитрія*. Что побудило его къ такому поступку, доселѣ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ не увѣренность въ правахъ мнимаго Димитрія, тѣмъ менѣе страхъ; но

Ѳеодоръ Борисовичъ. 17 Апрѣля. 7 Мая.

всей вѣроятности, увлекаемый безпредѣльнымъ честолюбіемъ, онъ хотѣлъ отдать престолъ безродному обманщику, въ надеждѣ быть первымъ по Царѣ, чего не могъ бы достигнуть при Ѳеодорѣ, окруженномъ своею роднею. Измѣна Басманова рѣшила борьбу: царская рать, увлеченная примѣромъ его, передалась Самозванцу; Москва послѣдовала примѣру войска; за Москвою всѣ города присягнули *Димитрію*, который отъ Путивля до самой столицы вездѣ былъ встрѣчаемъ съ восторгомъ, какъ сынъ Іоанновъ. Ѳеодоръ Борисовичъ
10 Іюня. погибъ лютою смертію.

Правленіе Лжедимитрія.

35. При всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, требовалось много ума, много силы душевной, чтобы низринуть домъ Годунова и овладѣть Московскою короною. Въ самомъ дѣлѣ Лжедимитрій достигъ своей цѣли, очаровавъ современниковъ сколько именемъ Димитрія, столько личнымъ мужествомъ и рѣдкимъ искусствомъ властвовать надъ всѣмъ окружающимъ. Тотъ же умъ быстрый, ту же волю рѣшительную Самозванецъ обнаружилъ и на престолѣ. Онъ постигъ безмѣрное величіе Россіи, въ сравненіи съ другими христіанскими державами, и какъ глава многихъ царствъ, подвластныхъ Русскому скипетру, не довольствуясь Царскимъ титуломъ, принялъ названіе Императора; учредилъ сенатъ; думалъ дать лучшее устройство государству;

вводилъ регулярное войско; заботился о народномъ образованіи, о смягченіи нравовъ, о сближеніи Россіи съ Европою, въ особенности съ Франціею, едва ли не лучше всѣхъ современниковъ понимая Генриха IV, къ коему питалъ такое уваженіе, что хотѣлъ лично съ нимъ познакомиться; наконецъ хорошо разумѣя истинныя отношенія Россіи къ сосѣднимъ державамъ, ревностно готовился къ походу на Турецкаго Султана, какъ врага христіанской вѣры и тѣмъ болѣе нашего отечества, по враждебному вліянію его на Хана Крымскаго и другихъ владѣтелей Татарскихъ.

Но постигая потребности государства, Лжедимитрій не понималъ собственнаго положенія и вскорѣ утратилъ любовь народную. Онъ возбудилъ противъ себя всеобщую ненависть не мнимыми злодѣяніями, въ коихъ глухо обвиняютъ его наши лѣтописи, именуя тираномъ кровожаднымъ, отступникомъ вѣры, богомерзкимъ человѣкомъ; напротивъ того онъ явилъ рѣдкій примѣръ великодушія, простивъ князя Василія Шуйскаго, уличеннаго въ замыслѣ свергнуть его съ престола, простилъ и многихъ другихъ людей, замышлявшихъ мятежъ, и не только не думалъ измѣнить Грекороссійской вѣрѣ, но даже разсорился съ папою за слабое содѣйствіе Езуитамъ. Самозванецъ озлобилъ всѣ сословія легкомысліемъ: бояре негодовали на него за колкія насмѣшки надъ

ихъ невѣжествомъ и за безпрестанныя похвалы всему иноземному; духовенство было озлоблено отнятіемъ у монастырей помѣстьевъ, назначенныхъ на жалованье войску; народъ не могъ соединить, по тогдашнимъ понятіямъ, съ идеею Царя его воинскихъ потѣхъ, его частію простой, частію разгульной жизни, его презрѣнія грубыхъ, тѣмъ не менѣе освященныхъ вѣками обычаевъ. Общее негодованіе уже обнаруживалось, когда появи-
1606. 2 Мая. лось въ Москвѣ болѣе 2000 Поляковъ съ невѣстою Лжедимитрія, Мариною Мнишекъ: дерзкимъ своеволіемъ, непомѣрною гордостію, оскорбленіемъ святыни, они вывели Москву изъ терпѣнія. Мятежъ вспыхнулъ; народъ, предводимый княземъ Ва-
17 Мая. силіемъ Шуйскимъ, вломился въ кремль; Самозванецъ былъ растерзанъ; многіе Поляки убиты; Марина, отецъ ея, родственники едва избѣгли смерти и заключены въ темницы.

b. *Лжедимитрій II.*

1606 — 1610.

Воцареніе Шуйскаго. 36. По низверженіи Самозванца, Москва провозгласила Царемъ князя Василія Іоанновича Шуйскаго, заслужившаго корону спасеніемъ отечества отъ злодѣя. Новый Царь сдѣлалъ все для утвержденія себя на престолѣ: далъ обѣтъ блюсти законъ; объявилъ себя потомкомъ Александра Нев-

скаго; обнародовалъ многіе акты, свидѣтельствовавшіе самозванство предшественника; перенесъ для той же цѣли изъ Углича въ Москву мощи св. Димитрія; избралъ патріархомъ святителя ревностнаго, непоколебимаго въ православіи, Казанскаго митрополита Ермогена; расположилъ войско по Окѣ и Украйнѣ; вступилъ въ переговоры съ Польскимъ Королемъ для оправданія Москвы въ побіеніи Поляковъ.

Но ни заслуги, ни знаменитость рода, ни государственный умъ Василія не могли водворить тишины въ Россіи, гдѣ все располагало къ мятежу. Умы, встревоженные Самозванцемъ, приготовленные ко всему чудесному и нелѣпому, волновались отъ каждаго неосновательнаго слуха: враги общественнаго порядка пользовались легковѣріемъ черни, подстрекали народъ къ возстанію и находили усердныхъ соумышленниковъ въ людяхъ знатныхъ, кои частію изъ нелюбви, частію изъ зависти къ новому Государю, охотно содѣйствовали успѣхамъ его непріятелей. Таже сказка, коею воспользовался Отрепьевъ къ потрясенію Годунова, колебала престолъ и Шуйскаго; по прежнему разглашали нелѣпую молву о спасеніи мнимаго Димитрія отъ ярости обманутаго народа. Но эта молва ослѣпляла одну чернь; главные крамольники ей не вѣрили и только для личныхъ выгодъ содѣйствовали заблужденію

народа. Отъ того кратковременное царствованіе Василія (не болѣе 4 лѣтъ) представляетъ непрерывный мятежъ государственный, ознаменованный низкою крамолою, измѣнами и вѣроломствомъ сосѣдей.

Волненіе Сѣверы.

Возстаніе въ пользу мнимаго Димитрія, спасшагося будто бы въ Москвѣ, обнаружилось тамъ же, гдѣ встрѣтили и перваго Самозванца съ хлѣбомъ-солью, въ странѣ Сѣверской. Виновникомъ мятежа былъ князь Шаховской, любимецъ Отрепьева, лучше всякаго знавшій о смерти его. Бывъ назначенъ Василіемъ воеводою въ Путивль, онъ разослалъ грамматы по всей южной Россіи о новомъ спасеніи сына Іоаннова. Долго, болѣе года, не было охотника выступить на сцену подъ маскою Димитрія; но между тѣмъ, какъ въ Польшѣ родственники воеводы Сендомирскаго, а въ Россіи единомышленники Шаховскаго искали человѣка, способнаго играть роль Самозванца, грамматы мятежниковъ произвели желаемое дѣйствіе: вся южная Россія закипѣла бунтомъ, распространившимся отъ Путивля до Смоленска, Казани и Астрахани. Прежде всего составилось ополченіе въ городахъ Сѣверскихъ изъ бѣглыхъ крестьянъ, изъ холопей боярскихъ и Казацкой вольницы; честные граждане были увлечены примѣромъ или силою. Начальство надъ Сѣверскимъ войскомъ, во имя Димитрія, при-

нялъ холопъ князя Телятевскаго, Иванъ Болотниковъ: онъ пошелъ къ Москвѣ, разбилъ на голову близъ Кромъ двухъ царскихъ воеводъ и своими успѣхами взволновалъ землю Рязанскую, гдѣ также собралось войско, главнымъ вождемъ коего былъ Прокопій Ляпуновъ; примѣру Рязани послѣдовали города Смоленскіе и частію Тверскіе. Вторая побѣда Болотникова надъ царскими войсками при селѣ Троицкомъ открыла ему путь къ Москвѣ; подъ стѣнами ея, онъ соединился съ Ляпуновымъ и, ставъ лагеремъ въ селѣ Коломенскомъ, объявилъ Шуйскаго сверженнымъ съ престола. Москва однакожъ, увѣренная въ гибели перваго Самозванца, тѣмъ болѣе оказывала усердія къ защитѣ Царя законнаго, что мятежники безъ пощады опустошали ея окрестности. Въ самомъ станѣ Коломенскомъ, возникъ раздоръ: воеводы, избранные городами, не признавали власти Болотникова; притомъ и *Димитрій* все еще не являлся. Василій воспользовался этими обстоятельствами, объявилъ милость за раскаяніе, лютую казнь за упорство, и принявъ съ честію Ляпунова, увидѣвшаго обманъ, образумилъ Рязанцевъ. Болотниковъ, оставшись съ одними Казаками и Сѣверскими бродягами, выбитый изъ Коломенскаго стана юнымъ Скопинымъ-Шуйскимъ, 1606. 2 Декабря.
долго держался въ Калугѣ; вытѣсненный и отсюда засѣлъ въ Тулѣ, гдѣ присоединились къ нему Казаки Донскіе, подъ начальствомъ бродяги Илейки,

выдавшаго себя еще при Отрепьевѣ за царевича Петра, мнимаго сына Θеодора Іоанновича. Съ неимовѣрными усиліями, послѣ трехмѣсячной осады и
1607. 10 Октября.
непрерывнаго ряда битвъ, овладѣвъ Тулою, полонивъ и Болотникова и Лжепетра, Царь разсѣялъ главное скопище мятежниковъ и думалъ безъ труда управиться съ остальными, еще державшимися въ Калугѣ, Козельскѣ и другихъ городахъ южной Россіи. Но бѣдствія только начинались.

Лжедимитрій II.

37. Въ то время, когда Василій стоялъ подъ Тулою, въ Стародубѣ Сѣверскомъ явился наконецъ мнимый Димитрій, по всей вѣроятности орудіе Поляковъ, и едвали не Жидъ: по крайней мѣрѣ такъ признавалъ его достовѣрный современный историкъ Польскій Кобѣржицкій. Сысканный и руководимый любимцемъ Отрепьева, Мѣховецкимъ, онъ безъ труда успѣлъ склонить на свою сторону всѣ города Сѣверскіе, уже приготовленные Болотниковымъ. Главною опорою его однако были Польскіе паны, другъ за другомъ спѣшившіе въ Россію съ сильными дружинами не столько для мнимаго Димитрія, сколько для корысти, князь Рожинскій, Тышкѣвичи, въ особенности отважный Лисовскій. Самозванецъ шелъ къ Москвѣ, по дорогѣ, проложенной Болотниковымъ; всюду встрѣчалъ усердныхъ доброжелателей до самаго Брянска, который остановилъ его и далъ время Василію собрать войско, распущенное по до-

мамъ по взятіи Тулы. Но это войско, ввѣренное брату царскому Дмитрію Шуйскому, было разбито близъ Болхова и съ ужасомъ бѣжало къ Москвѣ. 1608. 14 Апрѣля. Самозванецъ шелъ по пятамъ его, достигъ до столицы и въ 12 верстахъ отъ нея, по Волоколамской дорогѣ, укрѣпился въ селѣ Тушинѣ, ожидая добровольной сдачи Москвы.

Семнадцать мѣсяцевъ стоялъ Воръ Тушинскій подъ Москвою. Силы его съ каждымъ днемъ увеличивались. Весь Запорожскій кошъ пришелъ къ нему на помощь. Казаки, по выраженію современниковъ, какъ муравьи разсѣялись по Русской землѣ; пришли и новыя дружины изъ Польши, подъ начальствомъ знаменитыхъ въ то время удальцовъ, изъ коихъ прославился храбростью и разореньемъ Русской земли староста Усвятскій, Янъ Сапѣга; болѣе же всего содѣйствовало успѣху *царика* соединеніе его съ Мариною, которая, получивъ свободу возвратиться въ отечество, явилась въ Тушино и отдалась Самозванцу, вопреки обѣщанію не признавать его своимъ мужемъ. Безсовѣстный поступокъ ея, убѣдивъ многихъ въ истинѣ молвы о спасеніи Димитрія, поколебалъ и Москву: легковѣрные стали толпами переходить къ царику. Мятежъ готовъ былъ вспыхнуть въ столицѣ. Непредвидѣнное обстоятельство спасло Василія отъ рукъ злодѣя.

Осада Троицкой лавры.

38. Ожидая неминуемой покорности Москвы, Самозванецъ отрядилъ Сапѣгу и Лисовскаго къ Троицкой лаврѣ, чтобы овладѣть ея несмѣтными богатствами, и сверхъ всякаго чаянія встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Основанная среди овраговъ и горъ въ половинѣ XIV вѣка св. Сергіемъ Радонежскимъ, разрушенная Эдигеемъ, возобновленная въ началѣ XV вѣка преподобнымъ Никономъ, Троицкая Сергіева лавра въ половинѣ XVI вѣка была обведена каменною оградою, вышиною въ 4 сажени, толщиною въ 3, съ башнями и глубокимъ рвомъ. Іоаннъ Грозный, благоговѣя къ памяти св. Сергія, благословившаго Димитрія Донскаго на борьбу съ Мамаемъ, не щадилъ ничего для его обители, привлекавшей святостію своего основателя ежегодно несмѣтныя толпы молельщиковъ: построилъ въ ней два великолѣпные собора, каменный дворецъ и нѣсколько зданій для монашествующихъ; возвелъ игумена на степень архимандрита, далъ ему несудимую граммату, подчинилъ вѣдѣнію его 11 монастырей, и всѣ отчины монастырскія, разсѣянныя по всей Россіи, освободилъ отъ пошлинъ и оброка. Въ началѣ XVII вѣка въ нихъ было до 100,000 крестьянъ; а въ ризницѣ хранились богатства несмѣтныя въ монетѣ, сосудахъ, каменьяхъ и проч.

Кромѣ надежды на поживу, Поляки хотѣли овладѣть монастыремъ и для того, чтобы лишить Ва-

силія весьма крѣпкой опоры: обитель давала ему деньги, тревожила грамматами умы въ Тушинскомъ станѣ и высылала по дорогамъ вооруженныхъ монаховъ, для истребленія Самозванцевыхъ шаекъ. Осадивъ лавру съ 30,000 войскомъ, Сапѣга и Лисовскій сперва думали взять ее лестью, но безъ успѣха; потомъ надѣялись разгромить твердыни ядрами и около 6 недѣль палили безъ умолка изъ 60 пушекъ: стѣны тряслись, но не падали. Окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелемъ вдесятеро сильнѣйшимъ, томимые голодомъ, холодомъ, ослабленные болѣзнями, но ободряемые мужественными воеводами, княземъ Долгорукимъ и Голохвастовымъ, еще болѣе упованіемъ на св. Сергія, старцы монастырскіе, при содѣйствіи нѣсколькихъ сотъ стрѣльцовъ, съ удивительнымъ мужествомъ болѣе года отражали всѣ приступы храбрѣйшихъ вождей Польскихъ, съ искусствомъ разрушали тайные подкопы, неоднократно дѣлали счастливыя вылазки и отстояли лавру. Знаменитая осада сія много повредила Самозванцу и спасла Москву: ибо лавра на цѣлые 16 мѣсяцевъ приковала къ своимъ стѣнамъ лучшую часть его войска и отдалила отъ столицы самыхъ опасныхъ враговъ, Сапѣгу и Лисовскаго.

1608. 25 Сентября.

1610 12 Января.

39. Но примѣръ Сергіевой лавры не находилъ подражанія въ городахъ: они большею частію безъ битвы сдавались шайкамъ Самозванца, бродившимъ

Князь Скопинъ.

во всѣхъ направленіяхъ отъ столицы. Одинъ Ростовъ, ободряемый митрополитомъ своимъ Филаретомъ, дерзнулъ сопротивляться и былъ разрушенъ; всѣ прочіе города, откуда Москва ожидала помощи, одинъ за другимъ признавали царика, даже отдаленный Псковъ. Подъ знаменемъ Москвы остались только лавра, Переяславль-Рязанскій, Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ и Казань. Столица, со всѣхъ сторонъ окруженная крамолою, бунтомъ, уже колебалась въ вѣрности Василію. Доведенный до крайности, онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству спасти себя, къ помощи иноземной, и чрезъ племянника своего, князя Михаила Васильевича Скопина просилъ войска у Шведскаго Короля Карла IX, предлагавшаго союзъ и вспоможеніе, еще при первомъ явленіи Тушинскаго Вора, коего Шведское правительство считало орудіемъ Сигизмунда, непримиримаго врага Швеціи. Охотно исполняя желаніе Царя, Король послалъ ему на
1609. Февраль. помощь 5,000 воиновъ, съ тѣмъ, чтобы Василій платилъ имъ ежемѣсячно 100,000 ефимковъ, уступилъ Швеціи Кексгольмъ и помогъ Карлу отнять Ливонію у Сигизмунда. Наемное войско прибыло подъ начальствомъ Шведскаго генерала Якова Делагарди, уже знаменитаго подвигами въ Голландіи, въ послѣдствіи еще болѣе славнаго образованіемъ Густава Адольфа. Мужественный Скопинъ нашелъ въ немъ достойнаго себѣ сподвижника, равно юнаго,

столь же храбраго и искуснаго, и прежде всего спѣшилъ возстановить власть царскую въ сѣверныхъ областяхъ отъ Копорья и Бѣлозерска до Москвы, отъ Пскова до Мурома, изгнаніемъ шаекъ Самозванцевыхъ. Подкрѣпляемый наемниками, онъ менѣе чѣмъ въ полгода очистилъ все пространство отъ Новгорода до столицы; выгналъ Поляковъ и Русскихъ крамольниковъ изъ Русы, Орѣшка, Порхова, Торопца, Торжка, Твери, Переяславля, Владиміра, Ярославля, разбилъ Сапѣгу на голову при Колязинѣ монастырѣ, и занявъ крѣпкую позицію въ Александровской Слободѣ, удерживалъ всю сѣверную Россію въ покорности. 1609. 13 Августа.

Встревоженный первыми побѣдами Скопина, Самозванецъ спѣшилъ рѣшительнымъ ударомъ низринуть Шуйскаго съ престола, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, въ Іюнѣ 1609 года двинулъ всю Тушинскую силу, около 60,000 человѣкъ, на Москву. Столица, уже ободренная славою подвиговъ юнаго героя, съ живѣйшимъ усердіемъ ополчилась за Государя и дружнымъ отпоромъ разсѣяла многочисленную рать злодѣя, такъ, что только оплошность царскихъ воеводъ дала ему время снова утвердиться въ Тушинѣ. Царство обмана изчезало; царство закона возстановлялось; волненіе умовъ было еще сильно, но уже явно склонялось въ пользу Василія: съ одной стороны доблестный Ско-

нинъ съ каждымъ днемъ увеличивалъ число доброжелателей къ своему дядѣ; съ другой Поляки, клевреты Самозванца, опустошая города и села, не щадя ни враговъ, ни друзей, возбуждали всеобщую ненависть къ виновнику народныхъ золъ, и только закоснѣлые мятежники упорствовали въ бунтѣ.

Вторженіе Сигизмунда.

40. Въ то самое время, когда все благопріятствовало Василію, и Москва съ нетерпѣніемъ ожидала Скопина, чтобы истребить Тушинскаго Вора, Сигизмундъ III, доселѣ тайно вредившій Государю Московскому покровительствомъ Самозванца, вступилъ явнымъ непріятелемъ его въ Россію. Сеймъ, по желанію Короля, опредѣлилъ войну за убіеніе многихъ Поляковъ, погибшихъ въ Москвѣ съ Отрепьевымъ, и за долговременную, безчестную неволю пословъ республики, Олесницкаго и Гонсѣвскаго. Но это было только предлогомъ: за годъ предъ тѣмъ послы Королевскіе заключили съ Русскими боярами мирный трактатъ, коимъ всѣ неудовольствія обѣихъ сторонъ были прекращены, и Василій, свято исполняя условія договора, устранялъ всякій поводъ къ непріязни. Истинною виною вторженія Сигизмунда была надежда овладѣть Московскимъ престоломъ, внушенная ему немногими крамольниками, личными врагами Василія, которые увѣрили Польскій сенатъ, что при первомъ появленіи Короля въ предѣлахъ Россіи, всѣ

государственные чины встрѣтятъ его съ радостію. Онъ спѣшилъ воспользоваться смятеніями нашего отечества и самъ повелъ войско къ Смоленску, чтобы, взявъ его безъ выстрѣла, итти къ Москвѣ. Вторженіе Сигизмунда довершало бѣдствія Василія; паденіе его было неминуемо. Онъ рѣшился однако на борьбу, и сверхъ чаянія, находилъ въ ней средства утвердить свой престолъ. Первымъ плодомъ войны съ Польшею было удаленіе Самозванца отъ Москвы: доселѣ онъ могъ держаться въ Тушинѣ только оружіемъ Поляковъ; Сигизмундъ, задумавъ самъ искать Московскаго престола, естественно не хотѣлъ болѣе покровительствовать ему и требовалъ, чтобы всѣ Поляки, служившіе Лжедимитрію, явились въ войскѣ королевскомъ. Это повелѣніе взволновало станъ Тушинскій: одни Поляки хотѣли итти къ Королю; другіе, впрочемъ не многіе, остаться при царикѣ. Страшась плѣна, Самозванецъ бѣжалъ въ Калугу и засѣлъ тамъ съ Мариною, уже неопасный для столицы. Тушино опустѣло. Правда избавясь отъ одного врага, Василій долженъ былъ вступить въ борьбу съ другимъ сильнѣйшимъ; но Сигизмундъ не могъ замѣнить Вора Тушинскаго: не имѣя даже мнимаго права на корону Московскую, онъ не только не находилъ въ Россіи многочисленныхъ приверженцевъ, подобно Лжедимитрію, но и вооружалъ противъ себя обѣ главныя партіи, доселѣ раздиравшія отечество, Московскую и Ту-

1609. въ Сентябрѣ

1609. 29 Декабря.

шинскую: онѣ соединились въ одинъ Русскій народъ, коему владычество иноземное было ненавистно. При самомъ вступленіи въ Россію, Сигизмундъ убѣдился, сколь жестоко обманула его надежда на добровольную покорность Москвы: Смоленскъ, первый Русскій городъ, остановилъ его стремленіе; мужественный воевода Шеинъ встрѣтилъ Короля не хлѣбомъ-солью, а градомъ пуль и ядеръ. Между тѣмъ, какъ Поляки занялись осадою Смоленска, Василій, уже безопасный отъ Вора Тушинскаго, нашелъ въ подданныхъ такое
1610 29 Марта. усердіе, что могъ выслать въ поле 80,000 войско, вдвое сильнѣйшее Польскаго, подъ начальствомъ брата своего Дмитрія и Делагарди. Король находился въ затруднительномъ положеніи: онъ не смѣлъ ждать подъ Смоленскомъ воеводъ Василія, которые безъ труда могли разсѣять Поляковъ. Ему оставалось или выступить на встрѣчу Московской рати, чтобы отразить ее, или удалиться восвояси; но въ первомъ случаѣ онъ опасался оставить въ тылу у себя храбраго Шеина; во второмъ боялся мятежа въ королевствѣ, еслибы возвратился со стыдомъ, безъ бою. Такимъ образомъ онъ думалъ уже не о Московскомъ престолѣ, а о сохраненіи своего войска и своей чести, и предлагалъ миръ Царю Василію. Всѣ надежды Шуйскаго рушились смертью Скопина.

Смерть Скопина.

41. Два раза Василій былъ на краю гибели и каждый разъ спасалъ его Скопинъ: въ 1606 году

отъ Болотникова рѣшительною побѣдою подъ стѣнами Москвы; въ 1609 отъ Вора Тушинскаго битвами съ Сапѣгою, Лисовскимъ и другими клевретами его. Заслуживъ любовь всеобщую, безпредѣльную, только онъ одинъ поддерживалъ союзъ между Государемъ нелюбимымъ и народомъ мятежнымъ. Скоропостижная смерть его разорвала этотъ союзъ: Москва, погребая 23 лѣтняго стратига своего, какъ единственнаго защитника, обнаружила непримиримую ненависть къ дому Василія, обвиняемому общимъ говоромъ народа въ смерти героя. Слухъ объ отравѣ Скопина поколебалъ самыхъ вѣрныхъ Царю: княжество Рязанское, взволнованное Прокопіемъ Ляпуновымъ, отложилось отъ Василія; примѣру его послѣдовали и другія области. Этого мало: только Скопинъ могъ ладить съ наемными иноземцами, людьми разныхъ вѣръ и націй; только для него Делагарди сражался за Василія и обуздывалъ свое войско, часто роптавшее за недоплату жалованья. Усердіе Шведскаго генерала тѣмъ болѣе охладѣло, что военачальникомъ назначенъ царскій братъ Дмитрій Шуйскій, воевода неискусный, нелюбимый и притомъ подозрѣваемый въ злодѣйствѣ, опечалившемъ всю Россію. Такимъ образомъ смерть Скопина, отнявъ у Василія искуснаго полководца, лишивъ его и любви народной, и усердія иноземной дружины, приготовила паденіе его дома. Царь могъ выслать сильное войско про-

1610. 23 Апрѣля.

тивъ Сигизмунда; но умы уже волновались; въ самой Москвѣ мятежъ готовъ былъ вспыхнуть; требовалось одного удара, чтобы разсѣять Московскую рать и низринуть Царя. Этотъ ударъ нанесъ ему гетманъ Жолкѣвскій.

Клушинская битва.

Свѣдавъ о движеніи Московскаго войска на помощь Смоленску, Сигизмундъ отрядилъ противъ него коронпаго гетмана Станислава Жолкѣвскаго, коему не могъ дать впрочемъ болѣе 3.000 человѣкъ. Съ горстью людей, смѣлый гетманъ углубился въ Россію, чтобы не только отразить воеводъ царскихъ, но еще овладѣть Москвою, свергнуть Василія съ престола и возвести на оный королевича Владислава, какъ желали того весьма немногіе крамольники. 24 Іюня 1610 года онъ напалъ на пятидесятитысячное войско Московское при селѣ Клушинѣ, близъ Царева Займища. Въ пылу сраженія, Шведы и другіе наемники наши передались непріятелю, вопреки всѣмъ усиліямъ Делагарди удержать ихъ отъ столь безчестнаго поступка. Дмитрій Шуйскій оробѣлъ и бѣжалъ; за нимъ бросилась вся рать его и разсѣялась; дорога къ Москвѣ была открыта. Первымъ слѣдствіемъ сего пораженія было всеобщее возстаніе городовъ и появленіе Самозванца подъ стѣнами Москвы, съ надеждою овладѣть ею до прибытія Поляковъ, вторымъ низверженіе Василія: жители столицы, подстрекаемые Захаріемъ

Ляпуновымъ, братомъ воеводы Рязанскаго, свели Царя съ престола и постригли его въ монахи. Жолкѣвскій спѣшилъ воспользоваться плодами своей неожиданной удачи; предложилъ Москвитянамъ въ Цари Владислава и отправился къ столицѣ. 17 Іюля.

c. *Междуцарствіе.*

1610 — 1613.

42. По сведеніи Василія съ престола, дума боярская, принявъ верховную власть, приглашала всѣ города къ возстанію, къ присылкѣ людей ратныхъ и государственныхъ чиновъ для избавленія Москвы отъ непріятелей и для избранія Государя всею землею. Между тѣмъ въ столицѣ составились четыре партіи: одна, руководимая Ляпуновыми, надѣялась возстановить тишину въ Россіи избраніемъ Царя по единодушному опредѣленію земской думы; другая, главою коей былъ князь Мстиславскій, для спасенія царства, предлагала скипетръ Владиславу; третья, самая слабая, хотѣла Тушинскаго Вора; народъ же, внявъ гласу патріарха Ермогена, желалъ видѣть на престолѣ Михаила Романова. Появленіе Жолкѣвскаго подъ стѣнами Москвы рѣшило вопросъ въ пользу королевича: 17 Августа 1610 года гетманъ заключилъ съ боярами договоръ, коимъ Владиславъ объявленъ Царемъ Россійскимъ, съ властію наслѣдственною, но ограни- Избраніе Владислава.

ченною духовенствомъ въ дѣлахъ вѣры, боярами въ правосудіи и управленіи; Владиславъ не имѣлъ права: 1) строить иновѣрные храмы, отнимать у церквей имѣнія и вступаться въ дѣла святительскія; 2) безъ согласія бояръ, не могъ измѣнять Судебникъ, какъ основаніе гражданскаго правосудія; казнить смертью; лишать имущества; вводить новые налоги; 3) до вступленія на престолъ, обязанъ былъ принять православную вѣру; прекратить связь съ папою, утвердить смертную казнь для всякаго, кто перемѣнитъ Греческій законъ, принять всѣ титла царскія и жениться на Россіянкѣ. Съ такими условіями Москва присягнула королевичу безпрекословно; за Москвою многіе города Рязань, Тверь, Владиміръ, и другіе. Торжественное посольство, 1610. 11 Сентября. главою коего были Ростовскій митрополитъ Филаретъ и бояринъ Князь Василій Голицынъ, отправилось къ Смоленску съ предложеніемъ престола всей Русской земли сыну Сигизмундову; между тѣмъ Поляки, вопреки договору, вступили въ Москву и заняли кремль. Сверженный Царь вскорѣ отправленъ въ Польшу плѣнникомъ; тамъ онъ и умеръ.

Политика Сигизмунда. Сигизмундъ, не довольствуясь видѣть вѣнецъ Мономаховъ на главѣ своего сына, хотѣлъ самъ царствовать въ Россіи; соглашался на предложеніе Московскихъ пословъ, но подъ разными предлогами

не отпускалъ Владислава; требовалъ прежде всего сдачи Смоленска, отъ своего имени давалъ повелѣнія боярской думѣ, награждалъ царскою казною своихъ доброжелателей, жаловалъ чины и помѣстья. Дума, составленная изъ людей недальновидныхъ, изъ бояръ Мстиславскаго, Куракина, И. Н. Романова, Шереметева, Нагова, Лыкова, Трубецкаго, окруженная сверхъ того Польскими войсками, исполняла волю Короля, называла его въ своихъ грамматахъ *самодержцемъ* всея Руси и неоднократно предписывала Шеину сдать Смоленскъ. Шеинъ не повиновался, объявивъ, что онъ готовъ присягнуть Владиславу, а Королю Смоленска не отдастъ. Въ томъ же смыслѣ вели переговоры и послы Московскіе, требуя немедленнаго прибытія королевича въ Москву, на основаніи заключеннаго съ Жолкѣвскимъ договора. Сигизмундъ медлилъ; напрасно, самъ гетманъ, покинувъ столицу, спѣшилъ образумить Короля, представлялъ ему очевидную невозможность властвовать въ Россіи, грозилъ въ случаѣ упорства всеобщею войною: всѣ убѣжденія его были тщетны. Король хотѣлъ непремѣнно овладѣть Смоленскомъ, считая отступленіе безславіемъ и надѣясь на легкое завоеваніе государства Московскаго. Проникнувъ его замыслы, безъ надежды на успѣхъ своего посольства, Голицынъ и Филаретъ дали знать патріарху о грозящей опасности. Шеинъ съ своей стороны о томъ же извѣстилъ всю Россію.

Патріархъ Ермогенъ.

43. Ермогенъ, по низложеніи Шуйскаго, предлагавшій возвести на престолъ Михаила Романова, долго не соглашался признать королевича Царемъ, изъ опасенія за православіе. Умный Жолкѣвскій успокоилъ его совѣсть, заслужилъ его благоволеніе и убѣдилъ согласиться на избраніе Владислава, давъ слово, что онъ приметъ законъ Грекороссійскій. Вѣсти отъ пословъ Московскихъ обнаружили замыслы Сигизмундовы; тутъ осьмидесятилѣтній старецъ, строгій блюститель вѣры и законовъ, непоколебимый столпъ православія, возвысилъ краснорѣчивый голосъ въ защиту церкви, отечественныхъ уставовъ, государственной независимости, разрѣшилъ Москву отъ присяги Владиславу, разослалъ грамматы по всѣмъ городамъ съ призывомъ къ спасенію вѣры и благословилъ Шеина на упорную защиту. Тщетны были убѣжденія боярской думы, совѣтовавшей ему успокоить умы и покориться волѣ Сигизмунда; тщетны были и угрозы Поляковъ: онъ проклялъ измѣнниковъ и звалъ вѣрныхъ подъ знамена церкви и отечества. Воззванія Ермогена потрясли всю Россію; города вооружались съ безпримѣрнымъ единодушіемъ, сносились одинъ съ другимъ, пересылая грамматы патріарха; не хотѣли признавать ни Сигизмунда, ни Владислава; думали только о спасеніи царства отъ ига иноземнаго и клялись въ непримиримой ненависти къ чужеплеменнымъ притѣснителямъ отечества.

1610. въ Декабрѣ.

Ермогенъ былъ душею народнаго возстанія; Прокопій Ляпуновъ руководителемъ. Въ одно время читали его убѣдительныя грамматы вмѣстѣ съ патріаршими отъ Рязани до Вологды, отъ Великаго Новгорода до Нижняго. Онъ указывалъ цѣль и средства къ тому, чего требовалъ Ермогенъ; назначалъ, когда полки должны выступить, гдѣ соединиться и къ какому сроку обложить Москву, чтобы вырвать ее изъ рукъ Поляковъ. Воззванія Ляпунова довершили всеобщее волненіе: всѣ сословія ополчились единодушно; дружины 25 городовъ двинулись къ Москвѣ, почти въ одно время, въ началѣ весны 1611 года: самъ Ляпуновъ выступилъ изъ Рязани съ полками Рязанскими и Сѣверскими; князь Дм. Трубецкой изъ Калуги; атаманъ Заруцкій изъ Тулы; князь Рѣпнинъ изъ Нижняго; князь Масальскій изъ Мурома; князь Пронскій изъ Романова; Мансуровъ изъ Галича; Нащокинъ изъ Вологды: князь Волконскій изъ Костромы; Волынскій изъ Ярославля; Измайловъ изъ Владиміра; атаманъ Просовѣцкій изъ Суздаля; Вельяминовъ изъ Новгорода. Прокопій Ляпуновъ.

Свѣдавъ о возстаніи городовъ, Москва уже не таила своей злобы къ Полякамъ и нетерпѣливо ожидала перваго знака, чтобы истребить своихъ злодѣевъ. Появленіе передовой дружины Ляпунова, подъ начальствомъ князя. Пожарскаго, взволновало Разрушеніе Москвы.

столицу: народъ бросился на кремль, гдѣ засѣли Поляки въ числѣ 5.000 человѣкъ, съ 2000 Нѣмцевъ, подъ главнымъ начальствомъ Гонсѣвскаго. Враги, чтобы отвлечь озлобленныхъ Москвитянъ, 1611. 19 Марта. зажгли столицу; пожаръ быстро разлился по всему городу и вскорѣ обратилъ его въ пепелъ. Гонимые болѣе огнемъ, чѣмъ оружіемъ, жители не могли ни овладѣть твердынями кремля, ни спасти своихъ домовъ, объятыхъ пламенемъ, и разсѣялись по всѣмъ дорогамъ. Пожарскій, тяжело раненный, отступилъ; Гонсѣвскій же, подкрѣпленный полковникомъ Струсемъ, пробившимся сквозь Русскіе полки среди пылающихъ развалинъ, удержалъ за собою кремль и заключилъ патріарха въ темницу.

Смерть Ляпунова.

Дружины городовыя, по распоряженію Ляпунова, подступили къ Москвѣ въ одно время и увидѣли только пепелище, среди коего стоялъ неприступный кремль и каменныя башни китая-города, занятыя Поляками. Ляпуновъ и сподвижники его вытѣснили враговъ изъ китая, но не могли овладѣть кремлемъ. Осада длилась; вожди дѣйствовали безъ общаго плана, завидовали и не помогали другъ другу. Тщетно выборные изъ войска, принявъ на себя званіе земской думы, старались устранить зло, вручивъ верховную власть тремъ воеводамъ, Ляпунову, Трубецкому и Заруцкому, съ правомъ собирать годударственныя подати для земскаго дѣла,

раздавать помѣстья, награждать и наказывать: осаждающіе раздѣлились на три партіи, одна другой непріязненныя; вѣрные отечеству пристали къ Ляпунову; всѣ бродяги, служившіе нѣкогда Вору Тушинскому, застрѣленному на охотѣ близъ Калуги, къ боярину его Трубецкому, хотѣвшему быть единственнымъ, главнымъ военачальникомъ; Казаки къ Заруцкому, который таилъ замыслъ овладѣть Москвою для Марины, чтобы вмѣстѣ съ нею царствовать именемъ сына ея. Гонсѣвскій умѣлъ пользоваться распрями Русскихъ вождей, искусно сѣялъ между ними раздоры, сносился съ Заруцкимъ, и успѣлъ наконецъ погубить главнаго поборника государственной независимости: Ляпуновъ палъ жертвою злодѣйскаго кова. Гонсѣвскій составилъ отъ имени его подложную граммату о мнимомъ намѣреніи истребить всѣхъ Казаковъ и подослалъ ее въ Русскій станъ; Казаки, подстрекаемые Заруцкимъ, взволновались и умертвили Ляпунова.

Смерть Ляпунова рушила составъ народнаго ополченія; дружины его, служившія вѣрѣ и отечеству, потерявъ вождя, разсѣялись по своимъ городамъ; Трубецкой и Заруцкій остались подъ Москвою, но только для того, чтобы присягнуть новому Самозванцу, бѣглому діакону Исидору, принявшему имя Димитрія во Псковѣ; Казань и Вятскіе города провозгласили Царемъ сына Марины; Бѣдствія Россіи.

1611. 3 Іюня. Новгородъ избралъ Шведскаго королевича Филиппа и отдался генералу Делагарди; Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ; доблестный Шеинъ отведенъ плѣнникомъ въ Варшаву, въ слѣдъ за Голицынымъ и Филаретомъ; послѣдняя надежда истинныхъ сыновъ отечества, Ермогенъ погибъ въ душной темницѣ. 1612 17 Марта. Хоткѣвичъ, смѣнивъ Гонсѣвскаго, занялъ кремль свѣжимъ войскомъ и только ждалъ Сигизмунда, чтобы сдать ему Москву; между тѣмъ вмѣстѣ съ Сапѣгою и Струсемъ громилъ области Тверскую, Владимірскую, Ярославскую, встрѣчая единственно нестройныя толпы крестьянъ и шайки шишей или партизановъ. Россія была въ какомъ то ужасномъ оцѣпененіи. Одна Троицкая лавра, неусыпно бодрствуя за Москву, скликала вновь защитниковъ св. вѣры и не находила: неудача перваго возстанія охладила усердіе городовъ; они читали грамматы лавры съ умиленіемъ и отвѣчали ея призывамъ скорбнымъ молчаніемъ. Но бѣдствія Россіи достигли наконецъ предѣла.

Мининъ и Пожарскій.

44. Въ то время, когда Россія была беззащитною жертвою иноземцевъ или злодѣевъ, когда все въ ней падало, рушилось, разрывалось, среди всеобщаго оцѣпененія умовъ, въ Нижнемъ Новгородѣ мужъ рода не знатнаго, смысла мудраго, души великой, Козьма Мининъ сказалъ согражданамъ, что отечество гибнетъ, что Москва вскорѣ будетъ

въ рукахъ Сигизмунда, что пришло время стать за Вѣру и Россію. «Ополчимся старъ и младъ, «говорилъ Мининъ, наймемъ людей ратныхъ, про-«дадимъ свои домы, заложимъ женъ, дѣтей, и «выкупимъ отечество.» Нижегородцы искони славились преданностію закону и усердно стекались на зовъ Минина; съ радостію приносили на городскую площадь все, что было имъ драгоцѣнно, для найма ратныхъ людей, и сами вооружались. Вскорѣ составилось сильное ополченіе. Мининъ избралъ военачальникомъ Нижегородской рати славнѣйшаго изъ сподвижниковъ Ляпунова, князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, ознаменованнаго ранами въ битвахъ съ Поляками среди пылающей Москвы; но самъ былъ при немъ безотлучно, руководилъ дѣйствіями вождя, участвовалъ во всѣхъ его предначертаніяхъ, распоряжалъ общественною казною и, какъ геній-хранитель, одушевлялъ полки безкорыстною любовію къ отечеству. Для вѣрнѣйшаго успѣха, при самомъ началѣ возстанія, Мининъ принялъ титулъ *Выборнаго человѣка всего Московскаго государства;* Нижегородцы были представителями Россіи; союзниковъ ихъ общее мнѣніе признавало друзьями отечества; противниковъ врагами. Составъ Нижегородскаго ополченія отличался и цѣлію и основаніями отъ войскъ, собранныхъ Ляпуновымъ: воевода Рязанскій созывалъ дружины безъ разбора Русскія, Казацкія, Польскія, и хотѣлъ,

очистивъ Москву отъ Поляковъ, провозгласить Царемъ Шведскаго принца, полагая, что только иноземецъ державнаго племени могъ властвовать въ Россіи, и что всякой другой будетъ снова жертвою зависти и крамолы, подобно Годунову и Шуйскому. Мининъ напротивъ того рѣшился возвести на престолъ, кого *Богъ дастъ*, кого изберетъ вся Русская земля, и для этой цѣли скликалъ подъ знамена Пожарскаго однихъ истинныхъ сыновъ отечества, отвергая всякую помощь иноземную [1].

Походъ Пожарскаго.

Ровно черезъ годъ послѣ возстанія Ляпунова въ Рязани, поднялись Нижегородцы на святое дѣло, на спасеніе отечества, подъ знаменемъ Пожарскаго, по мысли Козьмы Минина. Дружины городовъ низовыхъ, украйныхъ и поморскихъ спѣшили съ ними соединиться. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ Ярославль. Войска горѣли нетерпѣливымъ желаніемъ очистить Русскую землю: князь удер-

1 Подробности о Мининѣ неизвѣстны; знаемъ только, что онъ торговалъ мясомъ, или, какъ говорятъ лѣтописи, былъ *художествомъ госдарь*, и завѣдывалъ Нижегородскимъ посадомъ въ званіи старосты. О Пожарскомъ сохранилось болѣе свѣдѣній: онъ родился 1578 г; въ 1598 въ числѣ стряпчихъ подписалъ избирательную граммату о возведеніи Бориса Годунова на престолъ; въ 1608 разбилъ на голову Тушинскихъ злодѣевъ недалеко отъ Коломны; въ 1609 разсѣялъ скопище разбойниковъ атамана Салькова; въ 1610 при всеобщемъ волненіи, удержалъ Зарайскъ въ вѣрности Василію; въ 1611 бился подъ Москвою и раненый отвезенъ въ Троицкую Лавру, оттуда въ свою отчину Пурецкую волость, гдѣ явился къ нему Мининъ. Онъ имѣлъ званіе стольника и пожалованъ прямо въ бояре при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

живалъ ихъ рвеніе и около полугода простоялъ въ Ярославлѣ. Виною этой медленности, непонятной для современниковъ, были многія важныя обстоятельства: надлежало образумить князя Трубецкаго, присягнувшаго подъ столицею Псковскому Лжедимитрію, чтобы избѣжать ссоры съ его войсками; надобно было очистить все пространство между Москвою и Новгородомъ отъ шаекъ Хоткѣвича, Лисовскаго и Струся, завладѣвшихъ даже многолюдными городами, чтобы не лишить себя содѣйствія сѣверовосточнаго края; въ особенности было необходимо переговорить съ Новгородскими послами, относительно избранія Царемъ Шведскаго королевича. Устроивъ всѣ дѣла въ Ярославлѣ, убѣдивъ Трубецкаго презрѣть Самозванца, изгнавъ Поляковъ изъ сѣверовосточныхъ городовъ, отклонивъ Новгородцевъ отъ Шведскаго королевича, Пожарскій въ Августѣ мѣсяцѣ 1612 года двинулся къ Москвѣ, въ самое рѣшительное время, когда Сигизмундъ шелъ уже къ предѣламъ Россіи, чтобы короновать Владислава.

20 Августа 1612 Нижегородская рать явилась подъ Москвою и на другой день вступила въ жестокую битву съ гетманомъ Хоткѣвичемъ, который, незадолго предъ тѣмъ выступивъ изъ столицы для собранія, по обыкновенію, съѣстныхъ припасовъ, возвращался съ цѣлымъ обозомъ и хотѣлъ про- Изгнаніе Поляковъ.

браться въ кремль. Пожарскій бился съ нимъ трое сутокъ, не слѣзая съ коней, въ четвертые одолѣлъ: гетманъ, пораженный на голову, бѣжалъ въ Литву. Но храбрый сподвижникъ его Струсь не хотѣлъ сдать кремль и оборонялся до послѣдней крайности; Поляки ѣли человѣчье мясо и ждали Сигизмунда, который, свѣдавъ о пораженіи Хоткѣвича, ускорилъ походомъ. Время было дорого: при Королѣ находился и Владиславъ; одно имя его могло уничтожить всѣ усилія Русскихъ, тѣмъ болѣе, что полки Трубецкаго, скопища бродягъ, обнаруживали явную непріязнь къ Нижегородцамъ. Самъ Трубецкой, гордясь званіемъ *боярина*, которое далъ ему Воръ Тушинскій, не хотѣлъ дѣйствовать за одно съ *стольникомъ* Пожарскимъ. За Россію бодрствовалъ Козьма Мининъ: при содѣйствіи келаря Троицкой лавры Авраамія Палицына, онъ примирилъ военачальниковъ; въ часъ рѣшительнаго приступа, Казаки Трубецкаго поддержали Нижегородцевъ; 22 Октября 1612 года Струсь положилъ оружіе и сдалъ кремль. Въ то самое время Сигизмундъ былъ уже подъ Вязьмою; не смѣя итти далѣе, онъ вступилъ въ переговоры съ Московскими воеводами; всѣ предложенія его были отвергнуты; онъ хотѣлъ овладѣть по крайней мѣрѣ Вязьмою, и былъ отбитъ; думалъ взять Волоколамскъ, и тутъ не было успѣха. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, жестокая стужа и побѣды Русскихъ

воеводъ принудили его возвратиться во свояси. Къ концу 1612 года Москва и вся средняя Россія торжествовала свое спасеніе.

IV. ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА РОМАНОВА НА ЦАРСТВО.

45. Исхитивъ Москву изъ рукъ Сигизмунда, Пожарскій разорвалъ послѣднія узы, связывавшія судьбу Россіи съ именемъ Владислава. Уже около двухъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Ляпуновъ вооружилъ всѣ сословія на Поляковъ, народъ не хотѣлъ слышать о королевичѣ; но не рѣшался приступить къ избранію Царя, доколѣ столица была въ неволѣ. Свобода ея казалась необходимымъ условіемъ государственной независимости: только въ Москвѣ Русскіе привыкли видѣть своихъ Царей; тамъ они вѣнчались и державствовали, сосредоточивая въ своемъ лицѣ всѣ источники гражданской жизни и дѣятельности; тамъ покоились и бренные остатки ихъ. Безъ Москвы, при всей злобѣ къ Сигизмунду, при всѣхъ бѣдствіяхъ *безгосподарнаго*, ненавистнаго времени, Русскіе не могли отнять скипетръ у Владислава и вручить его иному лицу. Наконецъ она была свободна. Вожди народнаго ополченія извѣстили все государство о спасеніи града первопрестольнаго и призывали лучшихъ, разумныхъ людей

Избраніе Михаила.

для избранія Государя всею землею. Выборные большей части городовъ свѣтскіе и духовные, не замедлили явиться и составили земскій совѣтъ. Но вопросъ, кому вручить царство, привелъ всѣхъ въ недоумѣніе. Общій голосъ требовалъ Царя православнаго, Русской крови, который могъ бы примирить всѣ партіи и спасти отечество отъ притязанія иноземцевъ: кто же, бояре ли знаменитые заслугами, люди ли родословные, потомки Рюрика, родственники ли послѣднихъ двухъ Царей, имѣли болѣе права на престолъ, земскій совѣтъ долго не могъ рѣшить. Избиратели были несогласны въ основныхъ понятіяхъ о правѣ, и крамолы уже раздѣляли ихъ на партіи. Къ счастію, Ермогенъ и по смерти хранилъ Россію. Всѣ знали, кого желалъ благословить на царство великій мученикъ за вѣру и отечество; мысль его озарила всѣ умы яркимъ свѣтомъ: земскій совѣтъ, внимая замогильному гласу его, какъ гласу Неба, рѣшился признать Государемъ того, кто уже самымъ рожденіемъ былъ исключенъ изъ круга подданныхъ, и 21 Февраля 1613 года единодушный выборъ палъ на Михаила Романова, *благоцвѣтущую отрасль благороднаго корени.* Въ тотъ же день вся Москва ему присягнула. За Москвою признала его Государемъ вся Россія съ тѣмъ же единодушіемъ, прежде, чѣмъ послы земскаго совѣта успѣли прибыть въ Костромскую Ипатьевскую обитель, гдѣ находился

Михаилъ съ матерью своею старицею Марѳою, не вѣдая и не помышляя о великомъ назначеніи своемъ [1].

Воцареніе Михаила.

Михаилъ до 16 года своей жизни, до самой той минуты, когда вся Россія признала его своимъ Государемъ, былъ чуждъ не только дѣлъ правленія, но и самаго свѣта: пяти лѣтъ разлученный съ отцемъ, онъ провелъ отроческіе годы, большею частію въ кельи монастырской, при горестной матери, неволею постриженной въ монахини, и вышелъ на свѣтъ, только для того, чтобы видѣть всѣ бѣдствія разрушенной Москвы, томиться въ тяжкомъ плѣну и едва не погибнуть подъ ножами злодѣевъ [2]. Не думавъ никогда о престолѣ, онъ съ трепетомъ слушалъ пословъ земскаго совѣта, предлагавшихъ ему царство, и рѣшительно отказался отъ короны. Его ужасала мысль, что Рус-

1 Михаилъ Ѳеодоровичъ, сынъ боярина Ѳедора Никитича (въ монашествѣ Филарета), роднаго племянника Анастасіи Романовны, первой супруги Іоанна Грознаго, матери послѣдняго Царя Рюрикова рода, Ѳеодора Іоанновича, родился въ правленіе дяди, Царя Ѳеодора, 12 Іюля 1596 г. и былъ единственною отраслію древняго царскаго дома по женской линіи.

2 Отецъ Михаиловъ, бояринъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, по навѣтамъ злыхъ людей, въ Іюнѣ 1601 года сосланъ Царемъ Борисомъ въ Сійскую Антоніеву обитель и тамъ постриженъ съ именемъ Филарета; мать его Ксенія Ивановна, урожденная Шестова, также постриженная подъ именемъ Марѳы, заключена въ Заонежскій погостъ; 5 лѣтній Михаилъ съ теткою кн. Марѳою Никитичною Черкасскою отправленъ на Бѣлоозеро. Въ Мартѣ 1602 Борисъ, убѣжденный въ невинности Романовыхъ, облегчилъ ихъ участь: Филаретъ посвященъ въ архимандриты; Михаилъ же отданъ матери, которая удалилась въ свою отчину Клинъ, а въ 1606 году въ Ипатьевскій мона-

скіе избрали и свергли уже четырехъ Царей, что отецъ его, плѣнникъ Сигизмундовъ, будетъ жертвою мести, что государство, разоренное, истерзанное, погибнетъ среди новыхъ мятежей, коихъ не въ силахъ укротить слабая рука неопытнаго правителя. Онъ видѣлъ предъ собою бездну, куда влекли его противъ воли, какъ жертву невинную. Съ трудомъ убѣдили его послы вступить въ храмъ св. Троицы, для выслушанія соборнаго посланія; тщетно молили его спасти отечество: Михаилъ былъ непреклоненъ. Духовенство и бояре прибѣгли къ послѣднему средству, взяли св. иконы, пали предъ нимъ на колѣни со всѣмъ народомъ и объявили, что избранный самимъ Богомъ, онъ не имѣетъ права снять воли Божіей, что отказъ его погубитъ государство, что онъ и мать его будутъ отвѣчать предъ судомъ Всевышняго за гибель отечества, за паденіе православной вѣры. Михаилъ не могъ долѣе противиться и 3 Марта 1613 года изрекъ торжественно: «если того хощетъ Богъ, да будетъ тако!»

Самодерж. Михаила.

46. Избраніе шестнадцатилѣтняго юноши главою государства, обуреваемаго внутренними раздорами,

стырь. Жолкѣвскій, опасаясь правъ Михаила, отдалъ его Гонсѣвскому; онъ находился въ Москвѣ до прибытія Пожарскаго, испытавъ всѣ бѣдствія осажденной столицы. Когда общій голосъ призвалъ его на царство, шайка Поляковъ хотѣла умертвить его: онъ спасенъ незабвеннымъ Сусанинымъ.

терзаемаго со всѣхъ сторонъ хищными сосѣдями, всегда будетъ украшать страницы Исторіи Русскаго народа, какъ живое, краснорѣчивое выраженіе одной изъ главныхъ его добродѣтелей. Не крамола, не преступные замыслы немногихъ лицъ или сословій, надѣявшихся воспользоваться слабостію юнаго вѣнценосца, чтобы увеличить права свои, возвели Михаила на царство: онъ признанъ общимъ, единодушнымъ голосомъ всего народа, который наконецъ десятилѣтними страданіями убѣдился, что престолъ есть святыня, доступная только тому, кого избрало Провидѣніе, что никакіе таланты, никакія заслуги не спасутъ державы отъ неустройствъ, если верховная власть будетъ вручена лицу не царской крови. Эта мысль выражалась впрочемъ всегда въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ Русскаго народа, и едва ли не живѣе, чѣмъ въ другихъ гражданскихъ обществахъ: самая привязанность къ Самозванцамъ проистекала изъ того же источника; но чудное сцѣпленіе обстоятельствъ уклонило нашихъ предковъ отъ правила, коему столько вѣковъ они были вѣрны. Жестокій урокъ наконецъ образумилъ ихъ: они выпутались изъ сѣтей, такъ хитро разставленныхъ честолюбцами, нашли Царя истиннаго, законнаго, нашли его такъ неожиданно, незапно, такъ усердно вѣрили въ грядущее благоденствіе, что справедливо могли сказать: «Самъ Богъ избралъ Михаила». При такомъ

ходѣ событій не могло быть рѣчи объ ограниченіи правъ новой царственной династіи: ей вручали власть самодержавную въ обширномъ смыслѣ, не предлагая никакихъ условій, желали только, чтобы «Россія сіяла подобно солнцу и на всѣ стороны «ширилась, какъ при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, «чтобы окрестъ ея все было въ подданствѣ и по-«слушаніи, а внутри царствовали миръ, тишина и «православіе.» Съ своей стороны всѣ сословія дали клятву: 1) служить Михаилу и потомству его безо всякой хитрости; 2) не искать другаго Государя; 3) биться съ врагами и измѣнниками его, не щадя головъ своихъ; 4) исполнять всѣ велѣнія его безпрекословно; оберегать царское здравіе, какъ зѣницу ока.

Конецъ волненію.

47. Русскіе не измѣнили своей клятвѣ: поддержали юнаго Царя, спасли себя и царство, и обрѣли подъ скипетромъ Михаила миръ и тишину, какъ пловцы послѣ яростной бури. 21 Февраля 1613 года было предѣломъ государственнаго перелома, неминуемаго бѣдствія при переходѣ верховной власти отъ древней династіи къ новой. Россія, избавясь отъ него, какъ отъ тяжкаго недуга, вскорѣ уврачевала свои раны и явилась въ томъ же видѣ, въ какомъ оставила ее древняя династія, не измѣнивъ въ главныхъ основаніяхъ своего гражданскаго устройства. Новой династіи дана

была власть наслѣдственная, самодержавная; всѣ формы государственнаго организма остались прежнія. Тѣмъ не менѣе слѣдствія внутренней и внѣшней борьбы были ощутительны. Многіе города лежали въ развалинахъ; села опустѣли; государственные доходы пресѣклись; цѣлыя области остались безъ воеводъ и другихъ сановниковъ; земское управленіе ослабло; повсюду обнаруживались шайки грабителей; вездѣ и во всемъ царствовалъ безпорядокъ. Но главнѣйшимъ плодомъ была взаимная вражда Россіи и Польши: мы не могли простить Полякамъ вѣроломнаго вмѣшательства въ наши неустройства, грабежей и кровопролитія; они злобились на насъ за неудачу въ своихъ замыслахъ, за гибель своихъ единоземцевъ.

ГЛАВА VII.

ЦАРСТВОВАНІЕ ДОМА РОМАНОВЫХЪ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

—

I. МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ.

1613 — 1645.

Состояніе Россіи.

48. При вступленіи Михаила на престолъ, состояніе Россіи было ужасно: города пограничные, служившіе ей оплотомъ, находились въ рукахъ иноземцевъ или злодѣевъ; въ Кексгольмѣ, Орѣшкѣ, Копорьѣ, въ самомъ Новгородѣ господствовали Шведы; въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Путивлѣ, Черниговѣ Поляки; Псковскіе пригороды были добычею Лисовскаго; Рязань, Кошира, Тула съ трудомъ отбивались отъ Татаръ Крымскихъ и Ногайскихъ; въ Астрахани злодѣйствовалъ Заруцкій; въ Казани гнѣздилась крамола. Внутри государства, близъ городовъ и монастырей еще не разоренныхъ, обѣщавшихъ поживу грабителямъ, въ виду самой столицы, бродили шайки Казаковъ Донскихъ и За-

порожскихъ, цѣлые отряды Поляковъ и Татаръ. Вся земля была опустошена; люди ратные умирали съ голода; сборъ земскихъ повинностей прекратился; въ казнѣ не было ни копѣйки. Царскія сокровища, драгоцѣнныя короны, скипетры, каменья, сосуды, все было расхищено и отвезено въ Польшу. Престолъ юнаго Государя окружали царедворцы разныхъ партій, и клевреты Годунова, и слуги Отрепьева, и защитники Шуйскаго, и доброжелатели Владислава, самые сообщники Вора Тушинскаго, люди противоположныхъ понятій, но равно честолюбивые, непреклонные тамъ, гдѣ дѣло шло о мѣстничествѣ. Сословія низшія, озлобленныя десятилѣтними бѣдствіями, уже привыкали къ безначалію и не безъ труда признавали власть закона.

Достоинства Михаила.

49. Съ упованіемъ на одного Бога, Михаилъ принялъ вѣнецъ царскій, и къ удивленію потомства, совершилъ свой трудный подвигъ съ рѣдкимъ успѣхомъ. Въ шестой годъ его правленія, Россія наслаждалась уже миромъ, и только потеря Смоленска, съ утратою городовъ при Финскомъ заливѣ, напоминала ей минувшія бѣдствія. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ сословія, утомленныя безначаліемъ, всѣми силами поддерживали юнаго Государя, не щадя за него ни жизни, ни имущества, что неоспоримое право на престолъ было крѣпчайшею опорою его, и что опытные бояре руководили

имъ своими совѣтами; тѣмъ не менѣе Михаилу принадлежитъ слава благоразумнаго правителя, соединявшаго въ себѣ всѣ необходимыя качества для успокоенія государства. Величайшее искусство, коего не имѣли ни Годуновъ, ни Шуйскій, состояло въ томъ, чтобы не охладить къ себѣ любви подданныхъ; умы же въ то время такъ были раздражительны, такъ легко принимали всякаго рода впечатлѣнія, что съ одной стороны каждый невѣрный шагъ велъ въ бездну, съ другой каждая мудрая мѣра скрѣпляла союзъ Государя съ подданными. Чистый въ совѣсти, непричастный ни одной партіи, Михаилъ покрылъ забвеніемъ всѣ прежніе грѣхи своихъ царедворцевъ: не хотѣлъ знать, кто былъ приверженцемъ Годунова, Отрепьева, Шуйскаго, Вора Тушинскаго или Владислава, не возвышалъ никого, самыхъ сродниковъ своихъ, на степень царскихъ любимцевъ, каждому давая дѣло по способностямъ; щадилъ права людей родословныхъ, разбиралъ ихъ споры въ случаѣ мѣстничества, оправдывалъ правыхъ, строго наказывалъ виновныхъ. Предъ судомъ его были всѣ равны: самъ Пожарскій, чрезъ годъ по изгнаніи Поляковъ изъ Москвы, былъ выданъ головою за неправое мѣстничество. Судъ нелицепріятный, кротость безъ слабости, твердость безъ жестокости, пріобрѣли Михаилу всеобщую любовь высшихъ сословій; низшимъ угодить было не трудно: народъ благо-

словлялъ небо, даровавшее отечеству Царя православнаго, царской крови, спасителя вѣры, правъ, нравовъ и обычаевъ: болѣе ничего не требовали.

Но въ первыя шесть лѣтъ правленія Михаилова, Россія должна была употребить неимовѣрныя усилія, чтобы избавиться отъ враговъ, тѣснившихъ ее со всѣхъ сторонъ извнѣ, терзавшихъ внутри. Въ одно и то же время она вела войну съ Заруцкимъ, съ Сигизмундомъ, съ Густавомъ Адольфомъ, съ Татарами Крымскими и Ногайскими, съ отрядами Казаковъ и Поляковъ, гнѣздившихся въ городахъ и селахъ. Правительство обнаруживало дѣятельность удивительную; усердіе было всеобщее; враги нерѣдко одолѣвали наши войска, били воеводъ и являлись подъ самою Москвою; но нигдѣ не встрѣчали измѣнниковъ: всѣ сословія стояли грудью за Царя православнаго; непріятели исчезли одинъ за другимъ и оставили насъ въ покоѣ.

50. Безразсудною политикою лишивъ сына Московской короны, легкомысленный Сигизмундъ еще надѣялся поправить свою ошибку и возвратить то, что было уже невозвратимо. Около 4 лѣтъ онъ не приступалъ однакожъ къ рѣшительной борьбѣ съ Михаиломъ и далъ ему время управиться съ Заруцкимъ, примириться съ Швеціею, обуздать внут- Война съ Польшею.

ренныхъ мятежниковъ. Сигизмундъ былъ не въ силахъ вредить намъ: въ Польшѣ царствовало всеобщее волненіе; на сеймахъ упрекали Короля въ безполезныхъ тратахъ; войска, участвовавшія въ Московскомъ походѣ, требовали недоплаченнаго жалованья; шляхта не хотѣла итти въ Россію, доколѣ не получитъ денегъ впередъ, а у Короля не было ни гроша. Составились три сильныя конфедераціи, кои, захвативъ королевскія помѣстья, лишили Сигизмунда всѣхъ средствъ къ продолженію войны съ Россіею. Онъ прибѣгнулъ къ интригамъ: предлагалъ вступить въ мирные переговоры и рѣшить дѣло—судомъ Цесаря Матѳія, склонивъ его между тѣмъ на свою сторону. Бояре и высшіе сановники Михаиловы, съ коими Польскіе вельможи вели переговоры о мирѣ, отвѣчали имъ съ благородною гордостью: «нечего намъ съ Государемъ вашимъ судиться предъ Цесаремъ;» исчислили всѣ неправды Короля, безсовѣстную осаду Смоленска, вѣроломное занятіе Москвы, плѣнъ Царя Василія, разрушеніе столицы, неволю пословъ, Голицына и Филарета, смертъ патріарха Ермогена, разореніе всей Россіи, поруганіе св. храмовъ; объявили, что самъ Король уничтожилъ договоръ Жолкѣвскаго, что Владиславу не царствовать въ Россіи, и что всѣ чины государственные поклялись умереть за Михаила Ѳеодоровича. Нѣсколько разъ съѣзжались уполномоченные съ обѣихъ сторонъ и не могли согласиться:

мы требовали, чтобы Король возвратилъ Смоленскъ, вывелъ свои войска изъ Россіи, заплатилъ милліонъ рублей за убытки и призналъ Царемъ Михаила; Поляки и посредники цесарскіе предлагали одно средство къ миру, возведеніе Владислава на престолъ Московскій. Между тѣмъ частныя непріязненныя дѣйствія не прекращались: пользуясь очевиднымъ безсиліемъ Сигизмунда, правительство наше спѣшило очистить отъ Поляковъ всѣ города, коими они овладѣли во имя Владислава: Дорогобужъ, Вязьма, Бѣлая были взяты царскими войсками безъ труда; Смоленскъ не сдавался: тамъ находился многочисленный отрядъ Польскій. Послѣ тщетныхъ усилій взять крѣпость приступомъ, царскіе воеводы рѣшились обложить ее со всѣхъ сторонъ, чтобы голодомъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ. Эта мѣра могла имѣть успѣхъ, но дѣятельный гетманъ Хоткѣвичъ подоспѣлъ во время съ подвозомъ съѣстныхъ припасовъ, искусною хитростію обманулъ Русскихъ и подкрѣпилъ осажденныхъ. Спустя нѣсколько времени, Гонсѣвскій разбилъ царскихъ воеводъ на голову и принудилъ снять осаду. Мы дѣйствовали слабо подъ Смоленскомъ, бывъ принуждены обратить свои силы на другіе опаснѣйшіе пункты.

51. Болѣе всего тревожило Михаила и его совѣтниковъ скопище злодѣевъ, главою коего былъ Плѣнъ Марины.

атаманъ Заруцкій. Свѣдавъ о возстаніи Нижегородцевъ и о походѣ Пожарскаго къ Москвѣ, Заруцкій удалился съ Мариною на берега Дона, въ надеждѣ найти усердныхъ ей защитниковъ въ землѣ Донскихъ Казаковъ. Правительство съ величайшею дѣятельностію спѣшило уничтожить его замыслы, послало на Донъ богатые дары, чтобы удержать Казаковъ въ повиновеніи законному Государю, и отправило нѣсколько отрядовъ для преслѣдованія Заруцкаго. Разбитый царскими войсками близъ Воронежа, онъ бросился къ Волгѣ, овладѣлъ Астраханью, провозгласилъ Марину Царицею и просилъ помощи у Шаха Персидскаго. Князь Одоевскій вытѣснилъ его изъ Астрахани, загналъ въ море и въ Іюнѣ 1614 года схвативъ на Яикѣ, представилъ съ Мариною въ Москву. Заруцкій былъ посаженъ на колъ; Марина кончила жизнь въ темницѣ; сынъ ея повѣшенъ.

Казнь Заруцкаго усмирила безпокойный Донъ; плѣнъ Марины пресѣкъ всѣ новыя попытки Самозванцевъ; но еще многаго стоило труда подавить издыхающее безначаліе: весь сѣверовосточный край былъ добычею злодѣевъ. Казаки Донскіе и Запорожскіе, Черкасы, холопи боярскіе гнѣздились въ городахъ и селахъ; грабили беззащитныхъ жителей и въ концѣ 1614 года соединились въ грозное скопище, избравъ атаманомъ Баловню. Все простран-

ство отъ Твери до Вятки и Вологды, отъ Бѣлозерска до Углича и Нижняго было опустошено. Тщетно Государь старался смирить ихъ мѣрами кротости, обѣщая забвеніе всего прошедшаго и царскую милость; тщетно духовенство старалось обуздать ихъ вѣрою: они упорствовали въ мятежѣ. Выслано сильное войско; бояринъ Лыковъ преслѣдовалъ грабителей неутомимо отъ Вологды до Москвы, разбилъ ихъ на голову въ виду столицы и загналъ въ Украйну.

52. Въ то время, когда Одоевскій усмирялъ юговосточный край, а Лыковъ сѣверовостокъ, князь Пожарскій напрягалъ всѣ силы, употреблялъ все искусство, чтобы избавить Россію отъ страшнаго скопища людей разныхъ вѣръ и націй, преимущественно Польскихъ удальцовъ, злодѣйствовавшихъ подъ начальствомъ полковника Лисовскаго. Бѣглецъ, осужденный въ своемъ отечествѣ на смертную казнь, сей отважный Литвинъ явился въ Россію еще при Ворѣ Тушинскомъ, дѣйствовалъ въ его пользу, но не дѣлился съ нимъ добычею, и смѣлостію въ битвахъ, разореніемъ городовъ пріобрѣлъ въ Польшѣ такую славу, что шляхта считала себѣ за честь служить въ отрядѣ *Лисовчиковъ*. Дружина его состояла изъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ; брала приступомъ города многолюдные, не щадила ни пола, ни возраста, ни святыни. По из- Смерть Лисовскаго.

бранія Владислава на Русскій престолъ, онъ удалился въ Псковскую область, гнѣздился тамъ болѣе четырехъ лѣтъ, неоднократно приступалъ къ твердынямъ Пскова и держалъ Псковитянъ въ безпрерывномъ страхѣ. Въ 1614 году Сигизмундъ вызвалъ его къ новому опустошенію Россіи, самъ не имѣя средствъ вредить ей. Лисовскій явился въ южныхъ областяхъ и билъ воеводъ одного за другимъ. Правительство Михаила, постигая всю опасность, отрядило противъ него славнѣйшаго изъ воеводъ, князя Пожарскаго. Пораженный подъ Орломъ, Лисовскій съ неимовѣрною быстротою переходилъ отъ города къ городу съ огнемъ и мечемъ опустошенія, разоривъ Бѣлевъ, Перемышль и др. Болѣзнь Пожарскаго развязала ему руки: онъ бросился прямо къ сѣверу, разбилъ при Ржевѣ Шереметева, оттуда обратился къ востоку, тревожилъ Угличъ и Кашинъ, Ярославль и Кострому, Владиміръ и Муромъ; отъ Мурома кинулся въ область Рязанскую. Михаилъ высылалъ рать за ратью для преслѣдованія злодѣя; воеводы не могли его догнать, часто теряли слѣды его, и Москва неоднократно вооружалась, ожидая незапнаго нападенія. Наконецъ Русскія войска настигли его при Алексинѣ и со всѣхъ сторонъ окружили: послѣ жестокой сѣчи, Лисовскій пробился и ушелъ въ Комарицкую волость, замышляя новый
1616. походъ во внутренность Россіи. Незапная смерть избавила ее отъ врага лютаго.

53. Избраніемъ Михаила лишенный надежды видѣть брата своего на Русскомъ престолѣ, Густавъ Адольфъ пересталъ думать о соединеніи Московской короны съ Шведскою, и рѣшился лучше присвоить одну Новгородскую область, подъ предлогомъ вознагражденія за понесенные Швеціею убытки. Царь выслалъ войско подъ начальствомъ князя Трубецкаго для изгнанія Шведовъ изъ предѣловъ Россіи: Делагарди не допустилъ его до Новгорода и въ 30 верстахъ, при Бронницахъ, разбилъ на голову. Въ то же время самъ Король осадилъ Псковъ. Ободряемые мужественнымъ воеводою Морозовымъ, Псковитяне съ блестящимъ успѣхомъ отражали всѣ приступы Короля, убивъ на вылазкѣ храбраго фельдмаршала его Горна. Упорная оборона Пскова, при дѣятельномъ посредничествѣ Англійскаго агента Джона Мерика, побудила Густава снять осаду и склониться на мирныя предложенія; онъ удалился съ братомъ своимъ въ Швецію, уполномочивъ Делагарди вступить въ переговоры съ Русскими сановниками. Вскорѣ заключенъ миръ въ деревнѣ Столбовѣ. Россія уступила Швеціи Иваньгородъ, Ямбургъ, Копорье, Орѣшекъ и всю Ингрію, заплативъ сверхъ того 20,000 руб. (240,000 нынѣшнихъ); Король возвратилъ всѣ прочіе города, занятые Шведами (Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Ладогу, Гдовъ); братъ его Филиппъ отказался отъ всякихъ притязаній на Московскую корону. Не

Миръ съ Швеціею.

1614.

1617.

взирая на значительныя пожертвованія, на потерю приморскихъ городовъ, столь необходимыхъ намъ для сношенія съ Европою, Михаилъ торжествовалъ Столбовскій миръ какъ побѣду, и въ знакъ благодарности къ усердію Мерика, бывшаго дѣятельнымъ посредникомъ при заключеніи договора, дозволилъ Англичанамъ свободную, безпошлинную торговлю во всемъ государствѣ: ему нужно было сосредоточить всѣ свои силы для отпора непримиримому врагу Россіи, Сигизмунду.

Миръ съ Польшею.

54. Еще прежде заключенія Столбовскаго мира, Варшавскій сеймъ, по неотступной просьбѣ Сигизмунда, опредѣлилъ послать войско въ Россію, для возведенія Владислава на престолъ Московскій силою оружія. Главное начальство надъ коронными войсками принялъ самъ Королевичъ, въ надеждѣ своимъ присутствіемъ поколебать вѣрность Россіянъ къ законному Государю. Гетманъ Хоткѣвичъ распоряжалъ военными дѣйствіями, впрочемъ подъ руководствомъ особенныхъ коммиссаровъ, назначенныхъ недовѣрчивымъ сеймомъ. Вступивъ въ предѣлы Россіи, Владиславъ безъ труда овладѣлъ Дорогобужемъ и Вязьмою, гдѣ воеводы считали оборону невозможною. Но Можайскъ, защищаемый храбрымъ бояриномъ Лыковымъ, остановилъ быстрое стремленіе непріятелей, принудилъ ихъ цѣлую зиму провести въ Вязьмѣ, испытать голодъ, холодъ, всѣ

Лѣтомъ 1617.

невыгоды войны среди народа ожесточеннаго; окрестные города не думали измѣнять Михаилу. Ропотъ въ войскѣ, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и неоднократныя повелѣнія сейма кончить войну переговорами, побудили Владислава предложить миръ. Русское правительство между тѣмъ приняло всѣ мѣры къ защитѣ Москвы, куда съ усердіемъ спѣшили городовыя дружины со всѣхъ сторонъ, и не хотѣло слышать о мирѣ, доколѣ непріятель не выступитъ изъ Русскихъ предѣловъ.

Не взявъ Можайска, Поляки хотѣли овладѣть по крайней мѣрѣ городкомъ Борисовымъ, близъ Можайска, чтобы открыть путь къ Москвѣ, но и тамъ не было успѣха. Эти неудачи, при непрестанныхъ спорахъ королевскихъ коммиссаровъ съ Хоткѣвичемъ, при неплатежѣ жалованья, такъ озлобили своевольную шляхту, что она толпами удалялась изъ Можайскаго стана и спѣшила восвояси. При Владиславѣ осталось не болѣе 1,000 человѣкъ регулярнаго войска съ нѣсколькими сотнями Лисовчиковъ. Онъ не зналъ, на что рѣшиться и уже думалъ отступить съ безславіемъ, безъ всякаго успѣха, какъ неожиданно прибылъ къ нему Запорожскій гетманъ Сагайдачный, коего склонилъ Сигизмундъ золотомъ поспѣшить на помощь сыну. Гетманъ привелъ въ станъ Королевича 20,000 Казаковъ испытаннаго мужества. Ободренный Вла-

диславъ, оставивъ Можайскъ, двинулся прямо къ столицѣ и изъ Тушинскаго лагеря отправилъ къ Михаиловымъ боярамъ граммату, коею требовалъ немедленнаго повиновенія, грозя въ случаѣ непослушанія местію. Бояре возвратили ее безъ отвѣта. Королевичъ рѣшился взять Москву штурмомъ: приступъ былъ неудаченъ. Окольничій Годуновъ, защищавшій Арбатскіе ворота, на кои направлены были силы непріятельскія, отбилъ враговъ съ полнымъ успѣхомъ. Владиславъ желалъ мира. Переговоры открылись на рѣкѣ Прѣснѣ, въ виду столицы. Царскій уполномоченный, бояринъ Шереметевъ объявилъ королевскимъ коммиссарамъ, что не будетъ рѣчи о мирѣ, если они станутъ называть Владислава Царемъ, и какъ скоро Польскіе уполномоченные начали доказывать права его на престолъ Московскій, онъ исчислилъ всѣ неправды Короля и удалился. Переговоры пресѣклись. Владиславъ возобновилъ ихъ: соглашался отказаться отъ царскаго титула; но требовалъ, чтобы всѣ чины Московскаго государства отправили торжественное посольство въ Варшаву, просить у него прощенія въ бунтѣ, и чтобы уступили ему Псковъ, Смоленскъ и города Сѣверскіе. Бояре отвергли это предложеніе съ негодованіемъ. Королевичъ отступилъ къ Троицкой лаврѣ, гдѣ намѣренъ былъ зимовать, чтобы весною возобновить войну и разорить въ конецъ все Московское государство. Но войско его не хотѣло слу-

жить безъ жалованья, а коммиссары, исполняя повелѣнія сейма, настаивали о мирѣ. Русское правительство съ свой стороны желало избавить Россію отъ лютыхъ Лисовчиковъ и Запорожцевъ. Послѣ продолжительныхъ преній, наконецъ заключено было перемиріе на 14 лѣтъ въ селѣ Деулинѣ (въ 7 верстахъ отъ Троицкаго монастыря). Положено было: всѣ непріязненныя дѣйствія прекратить; Владиславу отказаться отъ титула Царскаго, Михаилу отъ Ливонскаго, Черниговскаго и Смоленскаго; Россія уступила Польшѣ области Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую; плѣнниковъ, въ томъ числѣ Филарета и Шеина, освободили. Владиславъ выступилъ изъ Россіи и оставилъ ее въ покоѣ.

1 Декабря 1618.

Миръ, прекратившій двѣ главныя войны, Польскую и Шведскую, былъ купленъ дорогою цѣною: Россія утратила всѣ свои области Прибальтійскія и отказалась отъ права на Ливонію, для пріобрѣтенія коей предшественники Михаила употребляли всѣ усилія; утратила и Смоленскъ, бывшій, по своимъ твердынямъ и по своему положенію, надежнымъ оплотомъ противъ непріязненной Польши. Но сіи утраты далеко уступали тѣмъ выгодамъ, кои доставили оба договора Столбовскій и Деулинскій: государство пріобрѣло независимость, расчитавшись съ Польшею и Швеціею. Кромѣ того, тяжкая борьба съ иноземцами за вѣру, за народную

самостоятельность, скрѣпила неразрывными узами союзъ Михаила съ подданными, не дала времени крамольникамъ затѣять новые мятежи и, украсивъ страницы Русской Исторіи новыми дѣлами храбрости, преданности къ престолу, возвысила, облагородила духъ народа: ибо здѣсь дѣло шло не о завоеваніи чуждыхъ странъ, а о спасеніи народной чести, Царя и вѣры. Какая борьба могла быть возвышеннѣе?

Дѣла внутреннія.

55. Совершивъ подвигъ великій, успокоивъ государство извнѣ, доставивъ народу тишину вожделѣнную, Михаилъ, немедленно по замиреніи съ Польшею, приступилъ къ другому дѣлу не менѣе трудному, къ внутреннему устройству. Долговременныя войны оставили глубокіе слѣды: цѣлыя области запустѣли; рѣдкій городъ не пострадалъ отъ грабителей; помѣстья обезлюдѣли, или среди смутъ перешли отъ законныхъ владѣтелей въ чужія руки; цѣлые посады городскіе записались за боярами, чтобы избавиться отъ платежа городскихъ повинностей. Правительство требовало денегъ; подданные просили льготы; главный источникъ государственныхъ доходовъ, сборъ поземельный, при всеобщемъ неустройствѣ, такъ былъ скуденъ, что Государь для содержанія войска неоднократно долженъ былъ прибѣгать къ добровольнымъ приношеніямъ и къ чрезвычайнымъ налогамъ на монастыри и людей

торговыхъ. Безпорядки всякаго рода такъ были многообразны, что требовалось нѣсколько десятилѣтій для возстановленія закона. Къ счастію Россіи, юный Царь имѣлъ теперь опытнаго руководителя въ отцѣ своемъ Филаретѣ. Немедленно по возвращеніи изъ плѣна, возведенный въ санъ патріарха, Филаретъ былъ не только совѣтникомъ, но и соправителемъ своего сына. Имя его являлось во всѣхъ грамматахъ на ряду съ царскимъ; онъ участвовалъ во всѣхъ государственныхъ распоряженіяхъ и нерѣдко давалъ указы отъ своего лица, даже по такимъ дѣламъ, кои выходили изъ круга дѣйствій прежнихъ первосвятителей; въ своихъ же многочисленныхъ помѣстьяхъ онъ управлялъ безотчетно, собственною властію назначая подати, опредѣляя наказанія, и безъ доклада Государю вершилъ всѣ дѣла, исключая уголовныя. Послы иноземные, въ слѣдъ за царскою аудіенціею, непремѣнно представлялись патріарху, чего прежде никогда не бывало.

Филаретъ въ самомъ началѣ своего первосвятительства представилъ Государю всѣ внутреннія неустройства и для устраненія ихъ предложилъ мѣру простую, но весьма важную по слѣдствіямъ: произвести всеобщую перепись государству. Земскій совѣтъ, одобривъ предложеніе патріарха, назначилъ изъ высшихъ сановниковъ *писцовъ* и *дозорщиковъ:* первыхъ послали въ города и области неразоренныя;

вторыхъ въ мѣста, пострадавшія отъ непріятелей. Тѣ и другіе должны были составить подробныя вѣдомости о пространствѣ земель, принадлежавшихъ городамъ, монастырямъ, казнѣ и частнымъ лицамъ, со всѣми угодьями, о количествѣ собираемыхъ съ нихъ доходовъ, хлѣбомъ, сѣномъ и разными произведеніями, о числѣ дворовъ и обывателей. Нѣсколько лѣтъ составлялись эти вѣдомости, такъ называемыя *писцовыя книги*. Слѣдствія были весьма важны: съ одной стороны правительство, зная съ кого требовать и чего требовать, увеличило свои доходы и военныя силы; съ другой стороны каждый помѣщикъ имѣлъ опредѣленный рубежъ, далѣе коего не простиралъ своего притязанія: отъ того большая часть споровъ, тяжбъ пресѣклась сама собою. Неминуемымъ слѣдствіемъ повсемѣстнаго введенія писцовыхъ книгъ было окончательное укрѣпленіе крестьянъ за землею. По указамъ прежнихъ Царей, крестьяне могли подъ разными предлогами, въ извѣстныхъ случаяхъ, переходить отъ помѣщика къ помѣщику: теперь они были приписаны къ землѣ въ полномъ смыслѣ, и почти каждый помѣщикъ получилъ отъ Государя жалованную граммату, въ коей именно было означено, какія кому принадлежатъ земли и деревни.

2-я война съ Польшею.

56. Водворяя порядокъ внутри, Государь въ то же время старался возстановить прежнія отношенія

Россіи къ дружественнымъ державамъ. Русскіе послы одинъ за другимъ отправлялись въ Англію, Данію, Нидерланды, къ Императору Римскому, къ Султану Турецкому, къ Шаху Персидскому. Послы иноземные безпрерывно являлись въ Москвѣ съ мирными увѣреніями. Цѣлію этихъ сношеній были преимущественно взаимныя выгоды торговыя. Михаилъ не искалъ ни плодовъ Европейской образованности, ни новыхъ средствъ къ устройству внутреннему: во всѣхъ дѣлахъ, онъ неуклонно слѣдовалъ правилу привести государство въ то положеніе, въ коемъ оставилъ его послѣдній Государь древней династіи, Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. При такой политикѣ новая война съ Польшею была неизбѣжна: безопасность государства требовала возвращенія Смоленска и другихъ городовъ, присвоенныхъ Сигизмундомъ во время бѣдствій отечества.

Уже въ 3 годъ по замиреніи съ Польшею, Государь объявилъ земскому совѣту, что Король нарушаетъ мирное постановленіе, что Владиславъ, вопреки трактату, удерживаетъ титулъ Царя и Великаго Князя Московскаго, что пограничные Литовскіе сановники освоиваютъ Русскія владѣнія, что въ грамматахъ къ двору Московскому Польскіе паны пишутъ укоризны, что Турецкій Султанъ Османъ, Шведскій Король Густавъ Адольфъ и Ханъ Крымскій убѣдительно просятъ вооружиться

на общаго врага и уже начали военныя дѣйствія. Если теперь, говорилъ Государь совѣту, при такомъ утѣсненіи, Сигизмундъ не хочетъ дружбы съ Россіею, чего же ожидать въ послѣдствіи, когда онъ примирится съ Турціею и Швеціею? и не потеряемъ ли мы дружбы союзниковъ, если отвергнемъ ихъ предложенія? Всѣ чины земскаго совѣта отвѣчали Государю единодушно, что они рады биться съ Королемъ Польскимъ, не щадя головъ своихъ.

Въ самомъ дѣлѣ нельзя было ожидать удобнѣйшаго времени къ вознагражденію всѣхъ потерь, нанесенныхъ Россіи Польшею. Сигизмундъ, вмѣшавшись въ дѣла Молдавіи и войну Семиградскаго Князя Бетлема Габора съ Фердинандомъ II, навлекъ на себя мщеніе Турецкаго Султана. Знаменитый Жолкѣвскій былъ разбитъ на голову подъ Цѣцорою и вмѣстѣ съ войскомъ потерялъ жизнь въ сей несчастной битвѣ; чрезъ годъ Султанъ двинулъ всѣми силами имперіи и великій визирь Гуссейнъ, съ 300,000 Турокъ и Татаръ, подступилъ къ Хотину, чтобы овладѣвъ имъ, разгромить Польшу во всѣхъ направленіяхъ. Гетманъ Хоткѣвичъ, еще могшій замѣнить Жолкѣвскаго, умеръ въ Хотинѣ. Между тѣмъ Густавъ Адольфъ овладѣлъ Ригою, Митавою, и завоевалъ всю Ливонію. Намъ стоило только выслать войско, чтобы отнять Смоленскъ. Михаилъ, руководимый правилами чести, не хотѣлъ начать

войны безъ предварительнаго объясненія съ Королемъ, и чрезъ посольство требовалъ удовлетворенія въ обидахъ. Благопріятное время было упущено: между тѣмъ, какъ дворъ Московскій переписывался съ Варшавскимъ, Королевичъ Владиславъ, поддерживаемый гетманомъ Запорожскимъ Сагайдачнымъ, отстоялъ Хотинъ, принудилъ Турокъ отступить и склонилъ Султана къ миру, безъ всякой для Польши потери; Густавъ Адольфъ, съ своей стороны довольный успѣхомъ, завоеваніемъ Риги, заключилъ съ Сигизмундомъ перемиріе, при посредничествѣ Франціи. Мы же, послѣ тщетныхъ переговоровъ, остались при прежнихъ неудовольствіяхъ. Король на всѣ представленія нашего двора отвѣчалъ новыми обидами.

Походъ Шеина

Оскорбляемый явною непріязнію Поляковъ, Михаилъ не хотѣлъ ждать окончанія перемирія и спѣшилъ воспользоваться междуцарствіемъ, наставшимъ въ Польшѣ по смерти Сигизмунда. Готовясь къ войнѣ упорной и продолжительной, Русское правительство заблаговременно приняло всѣ мѣры къ успѣху: собрало многочисленное войско; наняло въ Англіи, Голландіи, Швеціи дружины иноземныя; вызвало изъ за границы искусныхъ генераловъ, инженеровъ; закупило множество ружей, пушекъ, пороха; назначило главнымъ полководцемъ воеводу, знаменитаго доблестію, боярина Шеина. Цѣлью

похода былъ Смоленскъ. Шеинъ обложилъ его со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ войскомъ; между тѣмъ сильные отряды опустошали Литовскія владѣнія отъ Батурина до Полоцка. Поляки были изгнаны изъ всѣхъ Русскихъ городовъ между Днѣпромъ и Вязьмою. Осада Смоленска продолжалась 10 мѣсяцевъ; Голландскія пушки разбивали стѣны; подкопы разрушали ихъ; осажденные, томимые голодомъ, готовы были сдаться; но самъ Владиславъ подоспѣлъ на помощъ, и дѣла приняли другой оборотъ.

Съ войскомъ, вчетверо слабѣйшимъ Русскаго, Король отбилъ Шеина отъ Смоленска и принудилъ заключиться въ окопахъ, гдѣ Русскіе неоднократно должны были выдерживать стремительныя атаки королевскія. Вскорѣ изъ наступательнаго положенія они перешли въ оборонительное; Владиславъ, какъ опытный полководецъ, занялъ въ тылу ихъ Дорогобужъ, гдѣ была складка съѣстныхъ припасовъ; нѣсколько разъ Шеинъ пытался выйти изъ окоповъ, чтобы смѣлымъ ударомъ рѣшить борьбу, но тщетно: войско упало духомъ. Второстепенные воеводы слабо содѣйствовали главному полководцу; генералы и полковники иностранные ссорились и рѣзались другъ съ другомъ; въ Русскомъ лагерѣ открылись повальныя болѣзни; цѣлые полки бѣжали въ свои области, опустошаемыя Татарами Крымскими, напавшими на нашу Украйну по старанію

Владислава. Болѣзни и побѣги такъ ослабили войско, что Шеинъ изъ одной Москвы ожидалъ спасенія. Михаилъ выслалъ на помощь ему князей Черкасскаго и Пожарскаго; но они рѣшились итти не далѣе Можайска. Шеинъ принужденъ былъ заключить капитуляцію: оставилъ Королю весь свой лагерь, гдѣ было 123 орудія, и вывелъ одно войско, покрывъ безславіемъ свое знаменитое имя. По возвращеніи въ Москву, онъ былъ казненъ, какъ измѣнникъ.

При всѣхъ успѣхахъ, Владиславъ желалъ однако мира; войско его роптало, по обыкновенію, за невыдачу жалованья; Турки, съ коими онъ велъ войну, тревожили его королевство; перемиріе съ Швеціею приближалось къ окончанію. Михаилъ съ своей стороны еще болѣе желалъ прекратить столь бѣдственную войну: кромѣ того, что послѣ пораженія Шеина, трудно было собраться съ новыми силами, онъ въ тоже время оплакивалъ потерю отца, патріарха Филарета, умершаго во время Смоленскаго похода, и заботился о возстановленіи Москвы, опустошенной пожаромъ. Безъ дальнихъ споровъ, заключили вѣчный миръ близъ Вязьмы на рѣчкѣ 1634.
Поляновкѣ, на основаніи договора Деулинскаго.

57. Одною изъ главныхъ причинъ неудачи Смоленскаго похода было вторженіе Крымскихъ Та- Дѣла съ Крымомъ.

таръ въ южныя области наши въ то самое время, когда Шеинъ боролся съ Владиславомъ: ратные люди, свѣдавъ о разореніи своихъ городовъ, толпами бѣжали изъ подъ Смоленска, для спасенія семействъ, и тѣмъ ослабили Шеина. Думая обуздать Крымцевъ, Михаилъ ежегодно посылалъ имъ *поминки* или дары и въ особенности дорожилъ дружбою Турецкаго Султана, посредствомъ коего могъ удерживать хищниковъ отъ впаденій въ Россію. Но какъ эта политика не всегда имѣла успѣхъ, и Ханъ, взявъ отъ насъ золото, нерѣдко въ слѣдъ за гонцами приходилъ съ сильнымъ войскомъ опустошать Елецъ, Ливны, Бѣлевъ и другіе города Украйны, то Русское правительство прибѣгло къ другимъ мѣрамъ для защиты государства, именно къ тѣмъ самымъ, коими Годуновъ держалъ въ страхѣ южныхъ сосѣдей Россіи. Михаилъ велѣлъ оградить Украйну рядомъ оборонительныхъ линій: одну провелъ отъ верховьевъ Хопра чрезъ Цну по Соснѣ до Оки; другую отъ Воронежа мимо Бѣлгорода до Ворсклы; на этихъ мѣстахъ были построены временные остроги и постоянные городки, между прочимъ Тамбовъ, Козловъ, Нижній Ломовъ, Верхній Ломовъ, Осколъ и другіе. Съ тѣхъ поръ Татары, по крайней мѣрѣ, не тревожили самой Москвы.

Отважное дѣло Донскихъ Казаковъ давало Михаилу вѣрнѣйшее средство къ обузданію Крыма.

Соединившись съ 4.000 Запорожцевъ, Донцы подъ начальствомъ атамана Осипа Петрова, нагрянули на Азовъ, взяли его штурмомъ и не хотѣли возвратить Султану; тщетно приходилъ нѣсколько разъ самъ визирь съ многочисленнымъ войскомъ для изгнанія Казаковъ: цѣлые 6 лѣтъ они отбивали всѣ приступы Турокъ, и въ 1641 году предложили Азовъ Михаилу. Государь долго не зналъ, на что рѣшиться: съ одной стороны, владѣя столь важнымъ городомъ, онъ могъ безпрестанно тревожить Крымскаго Хана и отвлекать его отъ Россіи; съ другой стороны надлежало опасаться упорной войны съ Турціею, которая грозила поднять всѣ свои силы. Михаилъ созвалъ въ Москву земскій совѣтъ, для разсужденія, что дѣлать? Общее мнѣніе было принять Азовъ и послать Казакамъ войско на помощь. Люди ратные изъявляли готовность итти на самого Султана. Миролюбивый Михаилъ, испытавъ въ войнахъ съ сосѣдями однѣ неудачи, рѣшился отказаться отъ предложенія Казаковъ и велѣлъ имъ выйти изъ Азова: они повиновались. Султанъ остался по прежнему союзникомъ Государя Московскаго.

58. Не успѣвъ исторгнуть владѣнія предковъ изъ рукъ западныхъ сосѣдей, Михаилъ расширилъ предѣлы своего государства далеко на востокъ: большая часть Сибири покорена въ его царствованіе. Борисъ Годуновъ утвердилъ Русское господ- Покореніе Сибири.

ство на берегахъ Туры, Тоболя, Иртыша и Оби, обложивъ данью Туралинцевъ, Вогуличей, Самоѣдовъ, Остяковъ Березовскихъ и Парымскихъ, завоевавъ степи Ишимскую и Барабинскую, построивъ города Пелымъ, Березовъ, Верхотурье, Тобольскъ, Сургутъ, Нарымъ, Томскъ и другіе. Населенные Казаками, плѣнниками, ссылочными, отчасти Казанскими Татарами и Русскими семействами, эти города держали въ страхѣ мелкія орды и доставляли въ Москву огромное количество мягкой рухляди. Молва о богатствахъ Сибири привлекала туда людей предпріимчивыхъ, подъ именемъ промышленниковъ: они приходили цѣлыми толпами, соединялись съ Сибирскими Казаками и, преслѣдуя звѣрей, достигали до самыхъ береговъ Енисея. Поколѣнія Татаръ и Остяковъ, встрѣчавшіяся имъ на пути, должны были признавать себя данниками Московскаго Государя.

Смуты Самозванцевъ остановили стремленіе промышленниковъ: при всеобщемъ неустройствѣ, Сибирскіе Казаки, не получая изъ Россіи ни хлѣба, ни оружія, оставляли города, или съ трудомъ отбивались отъ хищныхъ Киргизовъ, которые съ неудовольствіемъ смотрѣли на появленіе Русскихъ и старались вытѣснить ихъ; многочисленные приверженцы Кучумова дома ободрились и подстрекали Остяковъ къ изгнанію царскихъ воеводъ;

во многихъ областяхъ вспыхнули мятежи. Михаилъ укротилъ волненіе Сибирскихъ народовъ; укрѣпилъ построенные Борисомъ города, населилъ ихъ Русскими, прислалъ ратныхъ людей и оружіе; основалъ многія слободы; ввелъ порядокъ въ управленіи подвластными народами, раздѣливъ ихъ на волости и назначивъ опредѣленный ясакъ, или сборъ дани мягкою рухлядью, дотолѣ зависѣвшій отъ произвола; во всѣхъ городахъ построилъ церкви и многіе монастыри; вообще старался образовать изъ Сибирскаго края Русскую область и для управленія ею учредилъ особенное вѣдомство въ Москвѣ, подъ именемъ Сибирскаго приказа; для надзора же за благочестіемъ и для обращенія язычниковъ въ христіанскую вѣру установилъ епархію, назначивъ въ Тобольскъ архіепископомъ мужа ревностнаго и про- 1621.
свѣщеннаго, Кипріана, коему потомство обязано достовѣрными свѣдѣніями о первомъ завоеваніи Сибири: Кипріанъ зналъ сподвижниковъ Ермака и составилъ изъ ихъ сказаній любопытную лѣтопись.

Между тѣмъ предпріимчивые промышленники стремились далѣе и далѣе на востокъ, за Енисей; лѣтомъ по теченію рѣкъ, зимою на лыжахъ, они углублялись въ необозримыя пустыни и дремучіе лѣса; ловили звѣрей, боролись съ климатомъ, съ Татарами, Тунгузами и Якутами; одолѣвали мелкія орды туземцевъ мужествомъ, искусствомъ и

огнестрѣльнымъ оружіемъ; брали съ нихъ ясакъ и каждую орду объявляли подвластною Русскому Государю. Многіе изъ вождей ихъ не уступали Кортецу ни въ смѣлости, ни въ корыстолюбіи. По слѣдамъ промышленниковъ шли Казаки и ратные люди; строили города и остроги, или укрѣпленные станы, и утверждали власть Царя Михаила отъ береговъ Оби до Камчатки. Въ первые годы его царствованія довершено было завоеваніе западной Сибири до Енисея покореніемъ Самоѣдовъ и Кузнецкихъ Татаръ; въ слѣдъ за тѣмъ обложены данью Качинцы, Камачинцы и Тубинцы; далѣе Тунгузы и Буряты; потомъ Якуты, наконецъ Юкагиры и Коряки. По мѣрѣ расширенія Русскаго господства, возникали города: Кузнецкъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Братскій Острогъ, Илимскъ, Якутскъ, и др. Въ Ирбитѣ установилась ежегодная ярмарка.

—

II. АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

1645 — 1676.

Состояніе Россіи.

59. Кроткимъ, благоразумнымъ правленіемъ Михаилъ достигъ той цѣли, для коей государственные чины призвали его на царство: прекративъ всѣ споры за Московскую корону, примиривъ партіи, враждовавшія внутри отечества, возстановивъ

власть закона, онъ утвердилъ свою династію такъ, что, казалось, не было перерыва между поколѣніемъ Іоанна Калиты и домомъ Романовыхъ. Главный вопросъ былъ рѣшенъ; но многое оставалось еще неоконченнымъ: продолжительныя войны, истощивъ казну, вынудили правительство ввести разные налоги, обременительные для низшихъ сословій; со всѣхъ произведеній сельскихъ и городскихъ взимались тягостныя пошлины въ разныхъ видахъ; установлены откупа, обогащавшіе не столько казну, сколько людей частныхъ высшаго сословія; вкрались сверхъ того многочисленныя злоупотребленія: люди знатные, пользуясь прежними неустройствами, закрѣпили за собою цѣлыя слободы и посады въ городахъ, избавили ихъ отъ общественныхъ повинностей и дали имъ средства отбить промыслы у другихъ городскихъ обывателей. Значительныя помѣстья перешли, вопреки постановленіямъ прежнихъ Государей, въ вѣдѣніе монастырей и, подобно отчинамъ боярскимъ, пользовались многими выгодами, коихъ не имѣли земли государственныя. При многочисленныхъ изъятіяхъ, при разныхъ льготахъ, дарованныхъ частнымъ лицамъ и обществамъ, не было равенства ни въ платежѣ податей, ни въ судѣ и расправѣ. Купечество роптало явно на гостей иноземныхъ, присвоившихъ исключительное право безпошлинной торговли и захватившихъ въ свои руки всю внутреннюю промышленность. Въ

кругу людей знатныхъ наконецъ обнаруживался духъ вражды по расчетамъ мѣстничества. Однимъ словомъ, хотя прежнія партіи замолкли, духъ мятежа изчезъ и всѣ сословія изъявляли безпредѣльную преданность къ дому Романовыхъ; но, по стеченію обстоятельствъ, внутри государства господствовало общее неудовольствіе. Не менѣе затруднительны были и внѣшнія дѣла. Еще не рѣшенъ былъ окончательно вопросъ о правахъ Швеціи и Польши на Русскія области, отторгнутыя Сигизмундомъ III и Густавомъ Адольфомъ: конечно договорами Столбовскимъ и Поляновскимъ Россія отказалась отъ древнихъ владѣній своихъ по Днѣпру и при Балтійскомъ морѣ, но Швеція и Польша такъ неправильно присвоили ихъ, потерянныя земли такъ были необходимы для безопасности Россіи, что мы не могли забыть своей утраты, и невыгодное положеніе поставляло насъ въ неминуемую непріязнь къ сосѣдямъ. Малороссія наконецъ, родная намъ по вѣрѣ и языку, искони подвластная потомству Рюрика, умоляя защиты Русскаго правительства отъ притѣсненія Поляковъ, грозила вовлечь насъ въ войну тяжкую и въ случаѣ согласія, и въ случаѣ отказа. Преждевременная смерть, похитившая Михаила въ цвѣтущихъ лѣтахъ, не допустила его рѣшить столь важныхъ вопросовъ, съ коими соединялась судьба нашего отечества. Онъ оставилъ ихъ сыну своему Алексѣю.

60. Съ именемъ Царя Алексѣя Михайловича потомство привыкло соединять идею Государя мудраго, дѣятельнаго въ устройствѣ внутреннемъ, счастливаго въ дѣлахъ внѣшнихъ. Такъ судятъ объ немъ, не зная и сотой доли его дѣяній; чѣмъ болѣе открывается современныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ справедливѣе становится приговоръ потомства. Наслѣдовавъ отъ отца своего державу, еще неисцѣлившуюся отъ ранъ, нанесенныхъ ей Самозванцами и вѣроломными сосѣдями, безсильную внутри, слабую извнѣ, носившую въ нѣдрахъ своихъ сѣмена неустройствъ, взаимнаго боренія сословій, безъ всякаго вѣса въ политической системѣ западныхъ государствъ, даже безъ надежнаго оплота противъ непріязненныхъ сосѣдей, ожидавшихъ только случая вновь ограбить и унизить ее, мудрый Алексѣй оставилъ своимъ преемникамъ государство сильное, благоустроенное, съ явнымъ перевѣсомъ надъ опаснѣйшею соперницею Польшею, со всѣми средствами къ господству надъ Европейскимъ сѣверомъ, уважаемое на западѣ, грозное на востокѣ и югѣ. Заслуги Алексѣя.

61. Великіе таланты Алексѣя Михайловича обнаружились не вдругъ: начало его правленія предвѣщало времена безпечнаго Ѳеодора. Вступивъ на престолъ 16 лѣтъ, юный Царь не занимался дѣлами государственными, все время проводилъ въ путешествіяхъ по окрестнымъ монастырямъ, или въ соколиной охотѣ, любимой имъ до страсти; Начало его правленія.

кормиломъ государства правили бояре; главою ихъ былъ Борисъ Морозовъ. Успѣвъ пріобрѣсть довѣренность Алексѣя, какъ воспитатель его, Морозовъ еще болѣе приблизился къ престолу, сочетавшись бракомъ съ младшею сестрою Царицы Маріи Ильиничны, первой супруги Государя, изъ роду Милославскихъ, и хотѣлъ быть вторымъ Годуновымъ; но могъ равняться съ нимъ развѣ однимъ честолюбіемъ. Сколько Годуновъ умѣлъ заслужить всеобщую признательность мудрымъ правленіемъ, столько Морозовъ навлекъ на себя всеобщую ненависть ненасытнымъ корыстолюбіемъ. Окруживъ престолъ своими родственниками и клевретами, онъ скрывалъ отъ Государя бѣдствія народныя, не думалъ
1646. облегчать ихъ, даже присоединилъ къ нимъ новыя: ввелъ тягостные налоги, въ особенности на соль; отдалъ въ откупъ многіе необходимые для общежитія предметы. Болѣе всего роптalъ народъ на лихоимство судей и съ негодованіемъ смотрѣлъ на каменныя палаты людей приказныхъ. Естественныя бѣдствія, неурожай, голодъ, падежъ скота, частые пожары привели народъ въ ярость: въ Москвѣ
1648. 26 Мая. вспыхнулъ страшный мятежъ; чернь до того озлобилась, что разтерзавъ двухъ сановниковъ, дерзнула требовать головы Морозова. Государь, для спасенія своего любимца, самъ вышелъ къ народу и ласковою рѣчью укротилъ недовольныхъ. Морозовъ былъ удаленъ; столица успокоилась, но зло распростра-

нилось по всему государству; волненіе Москвы отозвалось во многихъ городахъ; около 4 лѣтъ оно обнаруживалось безпрестанно то въ той, то въ другой сторонѣ, сильнѣе всего въ Новгородѣ и Псковѣ: Новгородцы едва не умертвили своего митрополита Никона, и только твердость сего знаменитаго святителя могла образумить ихъ. Псковъ усмиренъ былъ силою оружія; причемъ пролито много крови. При свѣтломъ умѣ, при добромъ сердцѣ, Алексѣй постигъ истинныя причины народныхъ бѣдствій; не сталъ ввѣряться любимцамъ, во все вникалъ самъ и обратилъ самое заботливое вниманіе на государственное устройство. 1650.

62. Двѣ главныя мысли руководствовали Алексѣемъ въ дѣлахъ внутреннихъ: 1) онъ желалъ искоренить многообразныя злоупотребленія, вкравшіяся со временъ Самозванцевъ; 2) старался ввести во всёмъ порядокъ, согласіе, все основать на законѣ, утвердить добрую нравственность, вліяніе вѣры. Онъ не вводилъ, подобно великому сыну своему, почти ничего новаго; не измѣнялъ формъ управленія, не заботился о народномъ образованіи науками и искусствами, вообще усердно держался прародительскихъ обычаевъ и уставовъ; но каждой отрасли тогдашней гражданской дѣятельности указывалъ мѣсто, давалъ направленіе, назначалъ кругъ дѣйствія. Постоянно слѣдуя системѣ строй- Внутреннее устройство.

наго единства и порядка, онъ не довольствовался, подобно предшественникамъ, отдѣльными узаконеніями; но всѣ явленія государственной жизни озирая во всемъ объемѣ, издавалъ цѣлые уставы, гдѣ главные случаи были предусмотрѣны и опредѣлены закономъ.

Судъ. Прежде всего онъ старался устроить правосудіе, какъ главный источникъ общественнаго порядка. Немедленно послѣ Московскаго мятежа, Государь повелѣлъ собору, составленному изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, разсмотрѣть прежніе законы, дополнить ихъ, исправить и ввести въ общее употребленіе. Воля Монаршая была исполнена князьями Одоевскимъ и Волконскимъ съ двумя дьяками; въ два мѣсяца съ половиною они совершили великій трудъ; съ рѣдкою отчетливостію разсмотрѣли главные случаи гражданскаго суда, привели ихъ въ ясную систему, опредѣлили всѣ роды преступленій и каждому изъ нихъ назначили соразмѣрное, по тогдашнимъ понятіямъ, наказаніе. Выборные изъ всѣхъ сословій, призванные Государемъ для *великаго царственнаго и земскаго дѣла*, слушали составленный Одоевскимъ и Волконскимъ сводъ законовъ, нашли его соотвѣтствующимъ цѣли и одобрили. Этотъ сводъ былъ напечатанъ и введенъ въ
1649. 3 Октября. государствѣ, подъ именемъ *Уложенія.* Основаніемъ его служила великая мысль, которую поняли въ

западной Европѣ не ранѣе XVIII вѣка: Государь объявилъ, что судъ для всѣхъ лицъ и званій долженъ быть *ровенъ*. Въ послѣдствіи, когда опытъ доказалъ необходимость нѣкоторыхъ перемѣнъ въ законодательствѣ, Уложеніе было дополнено такъ называемыми *новоуказными статьями;* важнѣйшею изъ перемѣнъ было смягченіе смертной казни для уголовныхъ преступниковъ. Алексѣй однако не довольствовался однимъ изданіемъ законовъ: онъ хотѣлъ, чтобы ихъ свято исполняли, и принялъ на себя трудную обязанность непосредственнаго блюстителя правосудія: каждый обиженный имѣлъ къ нему свободный доступъ и могъ бить челомъ на неправый судъ. Сохранилось преданіе, что въ Коломенскомъ селѣ, гдѣ болѣе всего любилъ жить Алексѣй, предъ дворцомъ, противъ царской спальни, стоялъ жестяной ящикъ: какъ скоро вставалъ Государь отъ сна и подходилъ къ окну, являлись челобитчики и поклонившись до земли, опускали въ ящикъ жалобы, которыя потомъ были приносимы Государю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обратилъ вниманіе на другой не менѣе важный предметъ. Послѣ всеобщей переписи земель и дворовъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, протекло слишкомъ 30 лѣтъ; многія помѣстья перешли отъ законныхъ владѣльцевъ къ незаконнымъ, люди сильные отняли земли у сла- Налоги.

быхъ; въ самыхъ городахъ вельможи закрѣпили за собою цѣлые посады и слободы; сверхъ того отчины монастырскія и боярскія пользовались многими льготами, въ слѣдствіе дарованныхъ имъ тарханныхъ граммать. Вообще не было соразмѣрности въ повинностяхъ, такъ, что вся тягость налога падала на земли государственныя. Алексѣй постепенно уничтожалъ эти неудобства: составлены вновь писцовыя книги, которыя служили единственнымъ средствомъ къ опредѣленію законнаго права на отчины и помѣстья; земли, неправильно присвоенныя частными людьми и монастырями, возвращены законнымъ владѣльцамъ; посады и слободы, приписанные къ людямъ знатнымъ, для уклоненія отъ повинностей, обращены въ государственные; тарханныя грамматы, дававшія исклю-
1672. чительныя льготы не многимъ людямъ, къ подрыву общаго благосостоянія, большею частію уничтожены.

Торговля. Та же мысль о соразмѣрномъ уравненіи правъ и обязанностей побудила Государя даровать важныя преимущества торговому сословію. Русское купечество постоянно было опорою престола: во время тягостныхъ войнъ, оно не щадило своихъ богатствъ на пользу государственную, и правительство всегда находило въ усердіи городовъ средства къ исполненію своихъ намѣреній. Но обязанное значительными повинностями, торговое со-

словіе было затрудняемо въ своихъ оборотахъ двумя важными неудобствами: исключительными правами иноземцевъ и внутренними таможнями. Иноземные купцы, преимущественно Англійскіе, получивъ при Іоаннѣ Грозномъ многія выгоды предъ Русскими, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича присвоили право безпошлинной торговли внутри государства. Они завели конторы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Архангельскѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ; имѣли дѣятельныхъ агентовъ въ другихъ городахъ, и располагая огромными капиталами, при свойственной имъ смѣтливости и предпріимчивости, захватили въ свои руки весь сбытъ нашей промышленности. Сверхъ того, дѣйствуя, по выраженію современниковъ, скопомъ и заговоромъ, они покупали Русскіе товары самою ничтожною цѣною, свои же продавали безмѣрно дорого. Русскіе купцы находились въ полной отъ нихъ зависимости и не могли съ ними соперничествовать, именно потому, что Англичане торговали безпошлинно; они же, отправляя товаръ изъ города въ городъ, вездѣ, на рѣкахъ, на дорогахъ, на мостахъ, при выѣздѣ, при въѣздѣ, на каждомъ шагу, встрѣчали таможни и заставы, гдѣ должны были платить пошлины за провозъ и складку, за сани, за вѣсъ, за продажу и проч. Таможни, собиравшія пошлины частію для казны, частію для монастырей, частію для помѣщиковъ, были отдаваемы на

откупъ. Легко вообразить, какъ страдала промышленность и какъ бѣдственно было положеніе торговца. Государь, внявъ жалобамъ Русскаго купечества, устранилъ оба неудобства: Англичанамъ
1649. повелѣлъ объявить, что за многія неправды они должны удалиться изъ внутреннихъ городовъ Россіи и торговать только у Архангельска, съ платежемъ пошлинъ, наравнѣ съ другими купцами иностранными, коихъ права и обязанности въ послѣдствіи, въ 1667 году, опредѣлены *торговымъ* уставомъ; внутреннія таможни по деревнямъ, на мо-
1653. стахъ и перевозахъ уничтожены; оставлены только въ городахъ, гдѣ собиралось, исключительно въ пользу казны, при продажѣ товара, по 10 к. съ рубля.

Войско. Заботясь о порядкѣ внутри государства, Алексѣй Михайловичъ столь же ревностно заботился о внѣшней безопасности его; города пограничные были укрѣплены; на южныхъ предѣлахъ основаны крѣпости; воинству дано лучшее устройство: люди, обязанные ратною службою и содержавшіе себя на собственный счетъ, уравнены помѣстьями и отчинами; многимъ назначено постоянное жалованье; призваны изъ за границы опытные офицеры, для обученія нашихъ ратей воинскому искусству по Европейскому образцу; умножены полки драгунскіе и рейтарскіе; усилена артиллерія; увеличено

число стрѣльцовъ; изданъ воинскій уставъ, въ коемъ подробно объяснены всѣ обязанности людей ратныхъ, всѣ роды движеній и пріемовъ [1]; вообще въ образѣ войны мы начали подражать Европейцамъ; но составъ войска оставался прежній: исключая стрѣльцовъ, не было постоянной рати; воины, по окончаніи похода, сложивъ оружіе, обращались къ сельскимъ занятіямъ.

Церковь.

Не менѣе достопамятны мѣры къ лучшему устройству церкви. Не уступая ни одному изъ своихъ предшественниковъ въ ревностномъ благочестіи, Алексѣй желалъ, чтобы св. вѣра была исповѣдаема во всей чистотѣ, чтобы люди духовные служили примѣромъ для мірянъ, и православіе царствовало во всемъ государствѣ. Въ стремленіи къ этой цѣли онъ нашелъ весьма дѣятельнаго сотрудника въ патріархѣ Никонѣ. Сынъ Нижегородскаго крестьянина, по любви къ монашеской жизни, отрекшійся міра и суровыми добродѣтелями достигшій званія игумена одной изъ Бѣлозерскихъ пустынь, Никонъ въ самомъ началѣ царствованія Алексѣева успѣлъ обратить на себя вниманіе Государя умомъ, даромъ слова и молвою своихъ добродѣтелей. Благочестивый Алексѣй съ перваго сви-

1. Напечатанъ въ 1647 году, подъ заглавіемъ *Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*, со многими чертежами. По нѣкоторымъ признакамъ эта книга переведена съ Нѣмецкаго.

данія такъ полюбилъ его, что велѣлъ ему остаться въ Москвѣ съ званіемъ архимандрита Новоспасскаго монастыря, часто бесѣдовалъ съ нимъ и дозволилъ докладывать себѣ о всѣхъ безпомощныхъ, сиротахъ или утѣсненныхъ неправосудіемъ. Вскорѣ онъ былъ посвященъ въ Новгородскіе митрополиты, съ правомъ имѣть надзоръ за гражданскими сановниками; а по смерти патріарха Іосифа, возведенъ
1652. на степень іерарха и былъ осыпанъ царскими милостями, коихъ вполнѣ былъ достоинъ: въ томъ и другомъ званіи, онъ оказалъ пламенное усердіе къ престолу; управляя Новгородскою митрополіею, онъ съ опасностію собственной жизни, укротилъ мятежъ, грозившій важными послѣдствіями; достигнувъ сана патріарха, съ тѣмъ же усердіемъ благоразумными мѣрами остановилъ распространеніе моровой язвы. Но главная заслуга Никона въ томъ, что никто изъ современниковъ не содѣйствовалъ ревностнѣе его мудрому Алексѣю въ постоянномъ стремленіи къ утвержденію порядка, доброй нравственности. Никонъ установилъ въ церквахъ благолѣпіе, ввелъ живописныя иконы, учредилъ согласное, партесное пѣніе, строго наблюдалъ за нравственностію служителей церкви, съ неменьшею строгостію смотрѣлъ и за государственными сановниками, исправлялъ церковныя книги, собиралъ лѣтописи, заботился о переводѣ на Русскій языкъ съ Греческаго полезныхъ сочиненій. Въ награду за столь великія услуги,

Государь даровалъ ему несудимую граммату, или право управлять безотчетно духовнымъ вѣдомствомъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ.

Наконецъ добрая нравственность народа была предметомъ постоянной заботливости Государя. Собственнымъ примѣромъ подавая высокій образецъ жизни семейной и гражданской, Алексѣй требовалъ строго и отъ подданныхъ исполненія гражданскихъ обязанностей. Не довольствуясь многими постановленіями о благочиніи, онъ старался пресѣчь одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ разврата, пьянство; ненавидя его подобно Годунову, онъ принялъ мѣры еще более строгія: рѣшительно запретилъ существовавшее дотолѣ вольное куреніе вина и пива, повелѣвъ въ однихъ городахъ и главныхъ селахъ открыть кружечные дворы отъ казны, съ тѣмъ, чтобы горячіе напитки продавались только въ извѣстные сроки въ умѣренномъ количествѣ. Такимъ образомъ не вводя ни наукъ, ни искусствъ, не учреждая общественныхъ заведеній для успѣховъ промышленности, исправляя только старое, давая лучшее направленіе главнымъ условіямъ гражданственности, Алексѣй Михайловичъ приготовилъ сыну своему, Петру Великому, средства къ совершенію исполинскаго подвига.

Нравы.

1652.

63. Высокая мысль руководила Алексѣемъ въ дѣлахъ внѣшней политики: подобно Димитрію Дон-

Внѣшняя политика

скому, Іоанну III, Іоанну Грозному, онъ понималъ необходимость и возможность возстановить Русскую землю въ древнихъ ея предѣлахъ, сосредоточить ее въ одно цѣлое и кончить вѣковой споръ Россіи съ Польшею за Литовское княжество для блага обѣихъ державъ. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ такъ постоянно и вѣрно, что при немъ ровно за 100 лѣтъ до Екатерины II, Польша добровольно отказалась отъ своей самостоятельности, поручивъ судьбу свою Россійскому Государю, и если Алексѣй не успѣлъ скрѣпить союза обоихъ народовъ, по стеченію разныхъ случайныхъ обстоятельствъ; по крайней мѣрѣ доказалъ, что рано или поздно Польша должна войти въ составъ Россіи. Мысль о соединеніи Русскихъ земель въ одно цѣлое, обнаружилась въ самомъ началѣ его правленія: еще не вступая въ борьбу съ сосѣдями, присвоившими наши земли, съ Польшею и Швеціею, онъ принялъ титулъ *обладателя всѣхъ сѣверныхъ странъ, отчича и дѣдича*, давая тѣмъ знать, что не думаетъ отказаться отъ достоянія своихъ предковъ, и ждалъ только справедливаго повода къ разрыву съ сосѣдями. Этотъ поводъ доставила ему Малороссія, съ судьбою коей тѣсно связаны всѣ его дѣйствія внѣшней политики.

Малороссія. 64. Малороссія, со временъ Витолда, составляя часть Великаго княжества Литовскаго, заключав-

шуюся въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Кіевской, Подольской, Полтавской и Черниговской, въ 1569 году, вмѣстѣ съ другими областями западной Руси, присоединилась къ Польскому королевству. Для всѣхъ Русскихъ областей владычество Поляковъ было тягостно; для Малороссіи нестерпимо. Здѣсь, на берегахъ Днѣпра, Десны, Сулы, все носило свой глубоко врѣзанный отпечатокъ; Кіевъ съ окрестными городами, съ своими храмами, св. угодниками, историческими воспоминаніями, поддерживалъ народность и не давалъ ослабѣть Русскому духу. Поляки не только не могли сродниться съ обитателями Малороссіи; но и навлекли на себя ихъ ненависть, присвоивая земли, угнетая низшія сословія, вводя Жидовъ, Езуитовъ. Тѣже бѣдствія были удѣломъ и другихъ Русскихъ областей, соединившихся съ Польшею; но Бѣлоруссія, Волынь, Галиція, съ безмолвіемъ сносили страданія, не находя средствъ къ сверженію ига. Малороссія не стерпѣла своихъ бѣдствій: она имѣла ревностныхъ защитниковъ своей вѣры, своихъ уставовъ, въ собственныхъ сынахъ, въ Казакахъ.

Казаки Малороссійскіе образовались по примѣру Донскихъ. Первоначальное воинственное братство, служившее основаніемъ ихъ, возникло въ концѣ XV вѣка, въ низовьяхъ Днѣпра, подъ именемъ Черкасъ и Запорожцевъ. Подобно Донскимъ Каза- Запорожье.

камъ, они принимали въ свои коши всѣхъ людей отважныхъ, искавшихъ необузданной воли. Единственною цѣлью ихъ жизни была война съ Татарами Крымскими и Турками. Рѣдкій годъ проходилъ безъ кровавыхъ сѣчъ. Запорожцы обыкновенно садились въ легкіе челны, спускались по Днѣпру къ Лиману и штурмовали Татарскія крѣпости Очаковъ, Бѣлгородъ, Исламъ-Кермень; нерѣдко врывались въ Крымъ; случалось, предпринимали и отважнѣйшіе поиски: появлялись на своихъ чайкахъ въ Черномъ морѣ, не страшась ни бурь, ни Турецкаго флота, грабили окрестности Варны, самаго Стамбула, даже разоряли берега Анатоліи. Нѣсколько разъ Крымскіе Ханы, подкрѣпляемые Турецкими янычарами, старались истребить Запорожцевъ, слабыхъ числомъ, сильныхъ рѣдкою отвагою, и всегда безъ успѣха. Казаки разсыпались по островкамъ Днѣпровскимъ, въ густыхъ камышахъ, встрѣчали враговъ ружейною пальбою, бросались въ рукопашный бой и отбивались. Многіе вожди ихъ еще до конца XVI вѣка вписали свое имя въ скрижали Исторіи дѣлами славы. Таковы были: первый извѣстный предводитель ихъ Евстафій Дашковичъ, товарищъ его Ланцкоронскій, Вишневецкій. Они водили Казаковъ на Крымъ, въ Черное море, въ Молдавію, Венгрію, тревожили иногда Польшу, не щадили и Русской земли. По примѣру Запорожцевъ, образовались казацкія дружины въ

Малороссійскихъ городахъ. Онѣ состояли изъ воинственныхъ людей, соединенныхъ тѣсными узами братства, свободныхъ отъ общественныхъ повинностей и зависѣвшихъ единственно отъ своихъ старшинъ.

Государи Московскіе и Великіе Князья Литовскіе, постигая всю важность казачества, которое могло служить оплотомъ для нихъ противъ хищныхъ Гиреевъ, другъ предъ другомъ старались присвоить надъ ними верховную власть. Съ своей стороны Казаки считали необходимымъ для себя покровительство христіанскаго Государя и долго колебались между Москвою и Литвою. Евстафій Дашковичъ, коему они обязаны первымъ правильнымъ устройствомъ, сохранившимся до конца XVI вѣка, указалъ имъ на Царя Московскаго, какъ на истиннаго покровителя: плѣненный умомъ и славою Іоанна III, онъ искалъ чести служить ему и ударилъ челомъ со всѣмъ Запорожьемъ. Обстоятельства, соединенныя съ отдаленностію Казаковъ отъ тогдашнихъ Московскихъ предѣловъ, не допустили Іоанна утвердить надъ ними господство. Съ такимъ же предложеніемъ обратился къ внуку его, Царю Іоанну Грозному, одинъ изъ преемниковъ Дашковича, князь Дмитрій Вишневецкій, обѣщая исторгнуть изъ власти Поляковъ Кіевъ, Волынь и Подолію. Государь, имѣя въ виду завоеваніе Ливоніи, и желая быть покойнымъ со стороны Ве-

Дашковичъ.

1504.

1557.

ликаго Князя Литовскаго, отвергнулъ уже занятые Вишневецкимъ во имя его Кіевскіе города и принялъ только его одного въ свою службу. Несчастная перемѣна въ характерѣ Іоанна побудила Вишневецкаго удалиться изъ Россіи.

Баторій. Стефанъ Баторій спѣшилъ воспользоваться несогласіемъ Казаковъ съ Москвою. Лучше всѣхъ предшественниковъ постигая выгоды отъ присоединенія ихъ къ королевству, онъ ласкалъ ихъ, давалъ имъ жалованье, сулилъ разныя льготы, въ случаѣ подданства, и достигъ своей цѣли: они согласились признать его своимъ покровителемъ и обязались быть стражами Украйны отъ Татаръ.
1576. Баторій далъ Малороссійскимъ Казакамъ правильное устройство, сообразное съ ихъ правами и обычаями: раздѣлилъ ихъ на 10 полковъ или повѣтовъ (Чигиринскій, Корсунскій, Черкасскій, Уманскій, Ладыженскій, Богуславскій, Кіевскій, Переяславскій, Полтавскій и Миргородскій); каждый полкъ избиралъ своихъ старшихъ, обознаго, судью, писаря, есаула, хорунжаго, полковника, сотника и атамана; имѣлъ свой судъ и расправу, получалъ во время службы жалованье. Главное начальство поручено было гетману, коему Баторій далъ королевское знамя, бунчукъ, булаву и городъ Батуринъ въ столицу. Право избирать гетмана предоставлено Казакамъ, которые сверхъ того были

освобождены отъ податей и земскихъ повинностей. Опредѣленное число ихъ простиралось до 20.000. Такимъ образомъ Казаки составляли въ нѣкоторомъ смыслѣ постоянное земское ополченіе Малороссіи. Оставшіеся на Днѣпровскихъ порогахъ удержали имя Запорожцевъ. Притонъ ихъ назывался Сѣчью и былъ переносимъ, смотря по обстоятельствамъ, съ одного мѣста на другое. Главная Сѣчь находилась на Хортицкомъ островѣ, ниже пороговъ, въ 15 верстахъ. Тамъ жили Казаки холостые, искавшіе опасности, грабежа и необузданной воли.

Угнетеніе Малороссіи.

Признавъ своимъ покровителемъ Польскаго Короля, Казаки не требовали отъ рѣчи посполитой ничего, кромѣ свободы бить невѣрныхъ и неприкосновенности своихъ уставовъ. Сигизмундъ III вздумалъ отнять у нихъ и то и другое. Вмѣсто того, чтобы пользоваться мужествомъ Казаковъ и образовать изъ нихъ оплотъ для Польши отъ вторженій Крымскихъ Татаръ, даже при содѣйствіи ихъ завоевать Тавриду, Сигизмундъ видѣлъ въ нихъ только виновниковъ вражды Польши съ Крымомъ. Въ самомъ дѣлѣ, считая, подобно рыцарямъ среднихъ вѣковъ, войну съ невѣрными главною цѣлью всѣхъ мыслей и желаній, витязи Малороссійскіе стекались въ Запорожье, не давали покоя ни Туркамъ, ни Татарамъ и отважными поисками въ Черномъ морѣ накликали на Польшу месть самого

Султана, коего она страшилась, какъ опаснѣйшаго неприятеля. Но принятыя Королемъ мѣры къ обузданію воинственныхъ дѣтей Малороссіи только раздражали ихъ: Сигизмундъ хотѣлъ лишить ихъ того, чѣмъ болѣе всего они дорожили: воли и вѣры. Притѣсненія начались съ 1589 года, когда сеймъ опредѣлилъ: быть Казакамъ въ вѣдѣніи короннаго гетмана, отъ коего вполнѣ зависѣть и старшинамъ ихъ; безъ позволенія его не ходить на поиски; Малороссійскимъ помѣщикамъ не отпускать крестьянъ къ Запорожцамъ, не продавать имъ, подъ смертною казнію управляющихъ помѣстьями, ни пороху, ни свинцу, ни жизненныхъ припасовъ. Столь насильственныя мѣры взволновали Казаковъ; они спѣшили доказать сейму свою волю: соединились съ Донцами, пустились въ Черное море, выжгли
1590. Трапезунтъ, ограбили Синопе и, возвратясь въ Сѣчь съ добычею, обратили оружіе и на Поляковъ. Кіевскій воевода князь Острожскій съ трудомъ успѣлъ смирить ихъ. Сигизмундъ долженъ былъ убѣдиться, что только благоразумная осторожность могла утвердить зависимость Малороссіи отъ королевства; Король дѣйствовалъ вопреки правиламъ здравой политики: онъ считалъ самымъ лучшимъ средствомъ къ обузданію Казаковъ Унію. По волѣ
1596. его, Станиславъ Жолкѣвскій съ многочисленнымъ Польскимъ войскомъ вступилъ въ Малороссію, требуя, чтобы Казаки обязались присягою въ пови-

повенія коронному гетману и признали папу со всѣми постановленіями Брестскаго собора. Всеобщій ропотъ Малороссіи былъ отвѣтомъ воззванію Униатовъ. Казаки провозгласили своимъ гетманомъ храбраго Наливайку, встрѣтили Жолкѣвскаго близъ Чигирина, разбили его на голову, опустошили Волынь и Бѣлоруссію.

Отселѣ запылала въ Малороссіи война почти безпрерывная между Казаками и Поляками; первые сражались за вѣру праотцевъ, за права, утвержденныя Баторіемъ; вторые напрягали всѣ силы къ распространенію Уніи: началась непримиримая вражда, доходившая до ожесточенія. Сеймъ неоднократно опредѣлялъ искоренить поголовно всѣхъ Казаковъ; они въ свою очередь возненавидѣли своихъ притѣснителей болѣе самыхъ Татаръ и не давали пощады ни старому, ни малому. Успѣхъ борьбы былъ то на той, то на другой сторонѣ: когда палъ Наливайко, взятый въ плѣнъ подъ Лубнами и замученный въ Варшавѣ, Казаки, оставшись безъ вождя, не въ силахъ были изгнать Езуитовъ и Униатовъ, поддерживаемыхъ Польскими войсками. Безпримѣрное гоненіе было удѣломъ Малороссіи: Русскій народъ объявленъ на сеймѣ *бунтливымъ* и осужденъ въ рабство; Русскіе помѣщики утратили свои земли, перешедшія въ руки Польскихъ шляхтичей, если не хотѣли признать

Войны Казацкія.

1597.

Унію; Русскіе храмы были запечатаны, или отданы въ аренду Жидамъ, которые отпирали ихъ для священнодѣйствія не иначе, какъ за извѣстную плату до пяти талеровъ; крестины, свадьбы и похороны также были въ откупу у Жидовъ.

Сагайдачный.

Но Малороссію хранило Запорожье: туда, въ неприступную для Поляковъ Сѣчь, стекались враги Уніи. Избранный ими въ гетманы Петръ Конашевичъ Сагайдачный успѣлъ внушить къ себѣ уваженіе Сигизмунда III сколько грозою своего оружія, столько и важными услугами, оказанными Польшѣ во время Московскаго похода въ 1618 году, и еще болѣе при осадѣ Хотина Турками. Въ первомъ случаѣ Сагайдачный избавилъ сына Сигизмундова отъ стыда безславнаго отступленія изъ предѣловъ Россіи и доставилъ ему всѣ выгоды Деулинскаго договора; во второмъ помогъ Владиславу отстоять Хотинъ, спасти Польшу отъ вторженія 100.000 Турокъ и Татаръ. Пользуясь своими силами, ревностный въ православіи, онъ 4 раза принуждалъ сеймъ издавать постановленія въ пользу Грекороссійскаго духовенства; обуздывалъ Уніатовъ и Езуитовъ; писалъ противъ нихъ весьма умныя сочиненія, еще болѣе дѣйствовалъ: по его старанію, Іерусалимскій патріархъ Θеофанъ посвятилъ въ Кіевскіе православные митрополиты Іова Борецкаго.

По смерти Сагайдачнаго, гоненіе возобновилось съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ во всѣхъ Русскихъ областяхъ, подвластныхъ Сигизмунду; болѣе всего страдала Малороссія. Въ доказательство, съ какимъ насиліемъ Польское правительство обращало православныхъ въ Унію, приведемъ одинъ примѣръ: установленъ былъ такъ называемый *пасочный* сборъ, отданный въ откупъ Жидамъ: только они имѣли право продавать пасхальные хлѣбы къ празднику Свѣтлаго Воскресенья; Уніаты покупали ихъ за обыкновенную цѣну, Неуніаты платили пошлину. Первые отличались отъ послѣднихъ лоскуткомъ бумаги съ надписью *Уніатъ*. Если же при освященіи хлѣбовъ, откупщикъ находилъ испеченные прихожанами, онъ взыскивалъ съ нихъ въ пеню тройную цѣну. Сверхъ того, требовалось непремѣнно, чтобы каждое семейство покупало столько хлѣбовъ, сколько было въ немъ душъ, не исключая и младенцевъ. 1622.

Такія мѣры снова вывели Казаковъ изъ терпѣнія: они избрали вождемъ Тараса Трясилу и близъ Переяславля поразили на голову шедшаго для усмиренія ихъ короннаго гетмана Конецпольскаго. Вся Малороссія возстала; Польскіе помѣщики большею частію изгнаны, нѣсколько тысячъ Жидовъ изрублено. Но время ея спасенія было еще далеко. Сигизмундъ выслалъ сильное войско. Николай Потоц- Тарасъ. 1628.

кій успѣлъ окружить Казаковъ, предводимыхъ Павлюкомъ, и обѣщалъ имъ пощаду въ случаѣ покорности. Павлюкъ положилъ оружіе; его схватили, отвезли въ Варшаву, какъ плѣнника, и тамъ со всѣми старшинами предали мучительной казни: съ Павлюка, съ живаго, содрали кожу. Вслѣдъ за тѣмъ сеймъ постановилъ, что Казаки равны крестьянамъ, и назначилъ для управленія ими коммиссара съ неограниченною властію живота и смерти. Малороссы еще разъ пытались свергнуть иго: провозгласили гетманомъ Остраницу и разбили вѣроломнаго Потоцкаго. Торжество ихъ было недолговременно: мужественный Остраница былъ схваченъ, подобно Павлюку, обманомъ и испыталъ ту же участь: онъ былъ колесованъ; сподвижники его погибли не менѣе мучительною смертью. Съ нимъ Малороссія потеряла послѣднюю надежду на освобожденіе отъ Польскаго ига и во все время правленія Владислава была беззащитною жертвою самовластія магнатовъ, изувѣрства Езуитовъ, корыстолюбія Жидовъ. Владиславъ не былъ виновенъ въ угнетеніи Малороссіи: онъ жалѣлъ о злосчастной долѣ ея и неоднократно предлагалъ сейму облегчить ея участь; но каждый разъ встрѣчалъ непреклонное упорство въ Польскихъ вельможахъ и епископахъ: первые не хотѣли разстаться съ обширными помѣстьями, отнятыми у Казаковъ, вторые не теряли надежды утвердить Унію.

Павлюкъ.

1638.

Остраница.

65. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, бѣдствія Малороссіи достигли крайняго предѣла; все, что даровалъ ей Стефанъ Баторій, было отнято; земли перешли въ руки Польскихъ помѣщиковъ; Казаки утратили всѣ свои преимущества и были сравнены съ крестьянами; въ судахъ царствовала явная несправедливость; деньги находились въ рукахъ Жидовъ; города лежали въ развалинахъ; болѣе всего страдала церковь православная. Польское правительство рѣшилось или обратить всѣхъ обитателей Малороссіи въ Унію, или предать ихъ въ жертву Татарамъ. Утративъ самую надежду на лучшую долю, Малороссія уже не оборонялась и только молила Государя Московскаго, какъ единственнаго защитника, о своемъ спасеніи: въ 1625 году Казаки чрезъ Кіевскаго митрополита Іова искали покровительства Михаила Ѳеодоровича и получили отказъ: Царь жалѣлъ о злосчастной долѣ своихъ единовѣрцевъ, но не хотѣлъ начинать новой борьбы съ Польшею, испытавъ въ прежнихъ войнахъ только неудачи. Алексѣй былъ смѣлѣе: считая своею обязанностію возстановить Русскую землю въ древнихъ ея предѣлахъ, онъ ждалъ только удобнаго времени къ исполненію мысли, руководившей политикою прежнихъ Государей. Это время наконецъ настало: Россія успокоилась отъ внутренняго волненія и могла вступить въ борьбу со всякимъ сопер- Бѣдствія Малороссіи.

никомъ; Малороссія между тѣмъ, одушевленная умомъ и храбростью Богдана Хмѣльницкаго, напрягала послѣднія усилія къ сверженію тягостнаго ига.

Хмѣльницкій.

66. Сынъ Чигиринскаго сотника, убитаго въ сраженіи съ Турками подъ Цецорою [1], Хмѣльницкій наравнѣ съ другими Казаками терпѣлъ насиліе отъ Польскихъ помѣщиковъ: Чигиринскій подстароста Чаплицкій отнялъ у него землю, покушался убить его самого. Послѣ тщетныхъ стараній найти удовлетвореніе судебнымъ порядкомъ, онъ подалъ жалобу Владиславу и получилъ въ отвѣтъ, что Король не въ силахъ помочь ему и что онъ можетъ искать управы собственною саблею, о чемъ Владиславъ писалъ и къ наказному гетману, на жалобы другихъ Казаковъ. Между тѣмъ Чаплицкій похитилъ его жену и публично наказалъ плетьми любимаго сына. Хмѣльницкій помнилъ королевское слово и рѣшился отмстить за себя и за отчизну. По примѣру всѣхъ недовольныхъ, онъ удалился въ Сѣчь; на зовъ его стеклись Запорожцы; Ханъ Крымскій Исламъ, раздраженный отказомъ сейма въ платежѣ

1. Въ 1620 близъ Прута; тамъ сражались Казаки подъ знаменами Жолкѣвскаго, который погибъ со всѣмъ войскомъ. Богданъ взятъ былъ въ плѣнъ Турками и получилъ свободу года чрезъ два, при размѣнѣ плѣнныхъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ учился въ Кіевѣ, потомъ у Езуитовъ и хорошо зналъ Латинскій языкъ. Настоящее имя его было Зиновій: Богданомъ назвалъ его крестный отецъ, князь Сангушко.

обыкновенной дани, прислалъ ему сильное подкрѣпленіе. Болѣе всего однакожъ онъ надѣялся на усердное содѣйствіе Малороссіи, терзаемой Поляками, и не обманулся. Двукратное пораженіе Польскихъ войскъ при Желтыхъ водахъ и подъ Корсунемъ (въ Кіевской губерніи) ободрило унывшій народъ; онъ ополчился поголовно; нѣсколько тысячъ Польскихъ шляхтичей и Жидовъ, угнетавшихъ Малороссію, были жертвою народной злобы. 1648.
Неустройства Польши, по смерти Владислава, благопріятствовали успѣхамъ Хмѣльницкаго: провозглашенный гетманомъ Запорожскаго войска и *всей Малороссійской Украйны на обѣихъ сторонахъ Днѣпра*, онъ одерживалъ побѣду за побѣдою. Важнѣйшею была надъ самимъ Королемъ Яномъ Казимиромъ, преемникомъ Владислава, при Зборовѣ. 1649.
Здѣсь, окруженный Казаками и Татарами, Король согласился возвратить всѣ прежнія права Малороссіи; удалить изъ предѣловъ ея Поляковъ, Жидовъ, Езуитовъ; даровать полную свободу послѣдователямъ Грекороссійской церкви не только въ Малороссіи, но и во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ: митрополиту же Кіевскому дозволить присутствовать въ сенатѣ наравнѣ съ Римскими епископами. Положено сверхъ того, чтобы число Казаковъ простиралось до 40.000. Они съ своей стороны обязались жить мирно и оберегать предѣлы Польши.

Варшавскій сеймъ, подтвердивъ въ общихъ выраженіяхъ миръ съ Казаками, не думалъ исполнять Зборовскій договоръ: одно изъ главныхъ условій его, о правѣ Кіевскаго митрополита присутствовать въ сенатѣ, было отвергнуто. Угадывая коварство Поляковъ и ожидая грозы, Хмѣльницкій спѣшилъ обезопасить себя союзами съ сосѣдями: безъ вѣдома Короля, велъ сношенія съ Государемъ Московскимъ, съ Королемъ Шведскимъ, съ Ханомъ Крымскимъ, съ Султаномъ Турецкимъ, съ Господаремъ Молдавскимъ, съ Княземъ Трансилванскимъ. Взаимная недовѣрчивость, еще болѣе ненависть народная, была поводомъ къ возобновленію сперва частныхъ битвъ между отдѣльными отрядами, вскорѣ ко всеобщей войнѣ. Янъ Казимиръ вторично принялъ начальство надъ многочисленнымъ войскомъ, и получивъ отъ папы освященное знамя съ мечемъ для истребленія иновѣрцевъ, двинулся въ Малороссію; Хмѣльницкій въ союзѣ съ Ханомъ Крымскимъ встрѣтилъ его подъ Берестечкомъ на берегахъ Стыри и, послѣ кровопролитной сѣчи, отъ малодушнаго бѣгства Татаръ, проигралъ битву.
1651. Увлеченный въ видѣ плѣнника въ Крымъ, онъ цѣною золота искупилъ свободу, снова явился въ Малороссіи, снова собралъ сильную дружину; но счастіе ему измѣнило: послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ сраженій, онъ вступилъ въ переговоры съ Польскими военачальниками, Потоцкимъ и Радзиви-

ломъ. Миръ заключенъ при Бѣлой церкви; положено было: Казакамъ состоять изъ 20.000 и жить только въ Кіевскомъ воеводствѣ; гетману ихъ быть въ зависимости отъ короннаго гетмана; съ сосѣдями не ссылаться; Жидамъ по прежнему предоставить право откуповъ; Польскимъ помѣщикамъ возвратить Малороссійскія земли. 1651.

Договоръ Бѣлоцерковскій вовлекъ Малороссію въ тѣже бѣдствія, отъ коихъ она доселѣ страдала. Поляки считали ее по прежнему вѣрною добычею и начали тѣснить ея обитателей. Казаки, получивъ дозволеніе жить только въ Кіевскомъ воеводствѣ, при недостаткѣ земли, не имѣли средствъ содержать себя, толпами удалялись въ Московскую Украйну, къ верховьямъ Донца и Оскола, основали тамъ слободы (изъ коихъ возникли Харьковъ, Изюмъ, Сумы, Ахтырка) и подъ именемъ Слободскихъ Казаковъ, признали себя подданными Московскаго Государя.

Хмѣльницкій недолго могъ стерпѣть угнетеніе своей отчизны. Но уже испытавъ жестокій урокъ подъ Берестечкомъ, онъ видѣлъ невозможность избавить Малороссію собственными силами и не надѣясь ни на Хана Крымскаго, ни на Турецкаго Султана, въ 1652 году отправилъ въ Москву посольство ударить челомъ православному Государю со всѣмъ Запорожьемъ.

Подданство Малороссіи.

67. Если Густавъ Адольфъ заслужилъ признательность современниковъ и потомства участіемъ въ судьбѣ Германскихъ протестантовъ, тѣмъ болѣе права имѣлъ Алексѣй Михайловичъ вступиться за Малороссію: не говоря уже о побужденіяхъ вѣры, безъ пощады преслѣдуемой Поляками, о единоплеменности народа, о единодушномъ желаніи Казаковъ быть въ подданствѣ Царя православнаго, самая безопасность Россіи требовала, чтобы Государь принялъ подъ свое покровительство Малороссію; въ противномъ случаѣ она могла признать надъ собою власть Султана: ибо ненависть ея къ Польскому игу была такъ безпредѣльна, что она хотѣла лучше подружиться съ непримиримыми врагами, Крымскими Татарами, и отдаться Туркамъ, чѣмъ быть въ зависимости отъ Поляковъ. Слѣдовательно Россія должна была опасаться весьма невыгоднаго сосѣдства Турокъ, коихъ она постоянно старалась отдалить отъ своихъ предѣловъ. Къ этому присоединилось и личное оскорбленіе Государя Польскимъ правительствомъ, оставившимъ, вопреки договору, безъ наказанія многихъ Польскихъ сановниковъ, писавшихъ съ явнымъ неуваженіемъ къ двору Московскому [1].

1. Въ 1650 полномочные послы обоихъ дворовъ въ Варшавѣ между прочимъ постановили: виновныхъ въ пропискѣ Царскаго титула наказать; книги, напечатанныя въ Польшѣ, предосудительныя для Россіи, истребить; Самозванца Анкудинова выдать. Варшавскій дворъ не исполнилъ ни одного изъ этихъ условій.

Еще прежде заключенія Зборовскаго договора, въ 1648 и 1649 годахъ Хмѣльницкій умолялъ Государя принять Малороссію подъ свою высокую руку. Пораженіе подъ Берестечкомъ заставило его еще усерднѣе желать покровительства Москвы: Алексѣй, предвидя тяжкую войну, хотѣлъ, чтобы все государство приняло участіе въ столь великомъ дѣлѣ, и предложилъ просьбу Хмѣльницкаго на разсужденіе земскому совѣту. Выборные чины изъ всѣхъ сословій свѣтскихъ и духовныхъ, объявили единогласно, что если Король не сдѣлаетъ удовлетворенія Московскому двору въ справедливыхъ жалобахъ и не облегчитъ участи Казаковъ, быть Малороссіи за Россіею. Государь принялъ на себя долгъ посредника: Хмѣльницкому совѣтовалъ примириться съ Польшею; Казимиру чрезъ торжественное посольство объявилъ, что онъ согласенъ забыть личныя обиды, въ коихъ не получалъ удовлетворенія, если Польское правительство дастъ миръ Малороссіи, избавитъ ее отъ Уніи, оставитъ въ покоѣ православную церковь и исполнитъ всѣ условія Зборовскаго договора. Польскіе сенаторы отвѣчали упреками на столь справедливое предложеніе, говорили, что дворъ Московскій не имѣлъ никакого повода требовать наказанія виновныхъ въ оскорбленіи царской особы, что Хмѣльницкій есть бунтовщикъ, не заслуживающій никакой пощады, и что Унія должна господствовать въ Ма-

лороссіи по прежнему. Послѣ такого отвѣта, Государь не хотѣлъ долѣе медлить и объявилъ Малороссіи, что онъ согласенъ принять ее въ свое подданство. Въ слѣдъ за тѣмъ царскій бояринъ Бутурлинъ отправился въ Переяславль и тамъ, 8 Января 1654 года, привелъ Хмѣльницкаго со многими старшинами къ присягѣ. За нимъ всѣ полки Малороссійскіе на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, числомъ 17, поклялись безъ всякаго прекословія быть въ вѣчномъ подданствѣ у Царя православнаго [1]. Государь жалованною грамматою подтвердилъ всѣ льготы, дарованныя Стефаномъ Баторіемъ, дозволилъ Казакамъ избирать гетмана, имѣть свой судъ и расправу, своихъ старшинъ и урядниковъ, и опредѣлилъ число Казаковъ до 60.000. Такимъ образомъ, не проливъ капли крови, Алексѣй Михайловичъ, опираясь на свои права, возвратилъ отечеству древнюю область его и принялъ титулъ Государя всея Великія и Малыя Россіи; но право владѣть сю надлежало еще утвердить оружіемъ.

Война съ Польшею.

68. Казимиръ, свѣдавъ о подданствѣ Малороссіи Россійскому Государю, объявилъ ему войну; Алек-

1. Полки были: Чигиринскій, Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Черкасскій, Каневскій, Уманскій, Брацлавскій, Кіевскій, Паволочскій, Винницкій, Кропивенскій, Переяславскій, Черниговскій, Нѣжинскій, Миргородскій, Прилуцкій, Полтавскій.

сѣй, предупреждая враговъ, спѣшилъ нанести Польшѣ рѣшительный ударъ. Многочисленное войско, болѣе 200.000, вступило въ земли подвластныя Казимиру четырьмя арміями: главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ Государя, двинулись къ Смоленску; бояринъ Шереметевъ устремился на Литовско-Русскіе города по Двинѣ; князь Трубецкой на Могилевъ; Казаки на города Сѣверскіе. Блестящій успѣхъ былъ слѣдствіемъ рѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ Алексѣемъ. Города Литовскіе, не имѣя ни средствъ, ни охоты обороняться противъ Русскихъ войскъ, одинъ за другимъ, сдавались имъ; тщетно коронный гетманъ Радзивилъ старался удержать быстрое стремленіе Царя и воеводъ его: пораженный двукратно близъ Орши и Шклова 1654.
князьями Черкасскимъ и Трубецкимъ, онъ удалился къ Нѣману, оставивъ все пространство между Березиною и Десною во власти Русскихъ. Скорѣе, чѣмъ въ полгода, они овладѣли Смоленскомъ, Могилевомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ, со всѣми окрестными городами, и только моровая язва, распространившаяся по всему государству, остановила быстрые успѣхи нашего оружія.

Между тѣмъ Польша обратила на себя оружіе Карлъ X.
другаго врага, не менѣе опаснаго. По отреченіи Шведской Королевы Христины отъ престола, Янъ Казиміръ, какъ единственная отрасль знаменитаго

дома Густава Вазы, принявъ титулъ Короля Шведскаго, навлекъ на себя месть преемника Христины, Карла X, который, помышляя единственно о славѣ завоевателя, о лаврахъ Густава Адольфа, искалъ только предлога къ разрыву съ каждымъ изъ своихъ сосѣдей. Янъ Казимиръ не могъ быть опаснымъ для него соперникомъ, по ненависти Шведовъ къ Сигизмунду III и его дѣтямъ; но Карлъ съ величайшею радостью принялъ вызовъ и устремился
1655. на Польшу, съ намѣреніемъ, покоривъ ее, присвоить господство въ сѣверной Европѣ. Въ одинъ походъ онъ завоевалъ всѣ Польскія области на лѣвомъ берегу Вислы, овладѣлъ Варшавою, Краковомъ и загналъ Казимира въ Силезію. Курфирстъ Бранденбургскій охотно согласился содѣйствовать Карлу, чтобы сбросить несносное для его честолюбія званіе вассала Польскаго, и соединилъ свои войска съ Шведскими: Поляки, поражаемые при каждой встрѣчѣ, предложили Карлу королевскую корону, которой онъ впрочемъ не принялъ.

Виленскій договоръ.

Польша была въ оцѣпенѣніи: пользуясь слабостію ея, Русскія войска, снова предводимыя самимъ Государемъ, заняли безъ боя Минскъ, Ковно, Гродно, Пинскъ, Вильну и почти все Литовское кня-
1655. жество; между тѣмъ Хмѣльницкій съ царскимъ воеводою Бутурлинымъ опустошилъ Волынь и Галицію до самаго Люблина. Изгнанный изъ королев-

ства, Янъ Казимиръ прибѣгнулъ къ великодушію Россійскаго Государя и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Уполномоченные съ обѣихъ сторонъ заключили въ Вильнѣ трактатъ слѣдующаго содержанія: 1) признать Царя Алексѣя Михайловича Королемъ Польскимъ при жизни Казимира, по смерти коего Русскому Государю вступить на Польскій престолъ; 2) Бѣлоруссію и Малороссію присоединить къ Московскому государству; 3) послѣдователямъ православной и Римской вѣры въ Польскихъ областяхъ предоставить полную свободу Богослуженія; 4) Унію искоренить; 5) Россіи и Польшѣ, до окончательнаго соединенія, безъ общаго согласія не заключать мира, ни вступать въ войну съ сосѣдями. Такимъ образомъ то, чего желалъ Баторій, о чемъ думалъ Владиславъ IV, казалось, было суждено совершить Алексѣю Михайловичу; но Поляки какъ будто требовали новыхъ уроковъ, чтобы убѣдиться въ необходимости присоединенія къ Россіи. 24 Октября 1656.

69. Искренно вѣря торжественнымъ обѣщаніямъ Казимира и сенаторовъ его, считая Польшу своею собственностію, Алексѣй Михайловичъ спѣшилъ избавить ее отъ Карла, и оставивъ малочисленные отряды въ Литвѣ, обратилъ побѣдоносныя войска свои на Лифляндію, занятую Шведами. Динабургъ, Кокенгаузенъ, Дерптъ и другіе города сдались ему; одна Рига держалась. Между тѣмъ Король Датскій, Война съ Швеціею.

опасаясь честолюбія Карла, также объявилъ ему войну; Курфирстъ Бранденбургскій разорвалъ союзъ съ Швеціею и примирился съ Казиміромъ, обѣщавшимъ ему полную независимость; Императоръ Леопольдъ I, не желая съ своей стороны видѣть къ Карлѣ X втораго Густава Адольфа, объявилъ его врагомъ имперіи. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелями, Карлъ обратилъ свое оружіе на того изъ нихъ, кто болѣе могъ вредить самой Швеціи, и вступилъ въ упорную борьбу съ Королемъ Датскимъ, оставивъ Польшу въ покоѣ. Она оправилась въ своихъ силахъ. Казиміръ, послѣ жестокихъ пораженій, при всеобщемъ неустройствѣ королевства, такъ возненавидѣлъ заботы правленія, что помышлялъ единственно о сложеніи съ себя тягостной короны; видѣлъ невозможность самобытнаго существованія Польши и желалъ искренно дружбы Россійскаго Государя. Но сеймъ, постоянно волнуемый партіями, въ особенности интригами Королевы, думавшей доставить престолъ Французскому принцу Конде, рѣшился нарушить Виленскій договоръ, и возобновилъ войну съ Россіею, чтобы отнять занятые Русскими войсками города въ Малороссіи и Литовскомъ княжествѣ. Алексѣй, объявивъ войну Швеціи, единственно для спасенія Польши отъ Карла, спѣшилъ примириться съ нимъ
1658. 20 Декабря. и договоромъ въ Велiесарѣ прекратилъ военныя дѣйствія на 3 года, удержавъ завоеванные города

въ Лифляндіи, до заключенія вѣчнаго мира. Въ слѣдъ за тѣмъ объявленъ разрывъ съ Польшею; вновь началась утомительная осмилѣтняя борьба, ознаменованная побѣдами Польскихъ вождей, неудачами Русскихъ воеводъ, но заключившаяся выгоднымъ для нась миромъ, который утвердилъ перевѣсъ Россіи надъ Польшею. Главную роль въ этой войнѣ играла Малороссія.

70. Богданъ Хмѣльницкій кончилъ жизнь вскорѣ послѣ Виленскаго договора. Крѣпкая при немъ единодушіемъ, одушевленная желаніемъ свергнуть ненавистное иго, по смерти избавителя своего, Малороссія постоянно была раздираема партіями. Предметомъ интригъ и кровавыхъ споровъ было гетманское достоинство. Со временъ Хмѣльницкаго, оно стало гораздо почетнѣе и прибыльнѣе, чѣмъ прежде: гетманъ имѣлъ способы пріобрѣсть несмѣтныя богатства, считалъ себя вправѣ сноситься съ сосѣдними Государями, управлять Малороссіею самовластно и казнить смертію подчиненныхъ. Избраніе его зависѣло отъ Казаковъ; каждый смѣлый честолюбецъ могъ надѣяться получить булаву гетманскую; искатели являлись одинъ за другимъ безпрестанно; рѣзались другъ съ другомъ, отдавались въ покровительство то Русскаго Государя, то Польскаго Короля, обманывали обоихъ и накликали месть на свою отчизну. Слѣдуя внушеніямъ единственно че- Неустройст. Малороссіи.

столюбія, не дорожа благомъ своей родины, многіе изъ нихъ, вопреки всѣмъ расчетамъ здраваго ума, считали возможнымъ самобытное существованіе Малороссіи, въ видѣ отдѣльнаго государства, не подвластнаго ни Россіи, ни Польшѣ, и добиваясь чести быть независимыми владѣтелями ея, нерѣдко, впрочемъ не надолго, успѣвали обольщать Казаковъ несбыточными надеждами. Въ стремленіи къ этой цѣли, каждый изъ нихъ сперва старался заслужить довѣренность и благосклонность двора Московскаго и подъ личиною усердія къ Государю, склонялъ на свою сторону обитателей Малороссіи, не желавшихъ ничего, кромѣ покровительства Царя православнаго. Въ тоже самое время за Днѣпромъ обыкновенно являлся другой гетманъ, поддерживаемый Поляками; начиналась кровавая борьба; гетманъ, утвержденный Московскимъ дворомъ, въ надеждѣ одолѣть совмѣстника, передавался на сторону Поляковъ съ выгодными для себя условіями; соперникъ его, оставленный Польскимъ правительствомъ, объявлялъ себя подданнымъ Русскаго Государя, находилъ всеобщее усердіе въ обитателяхъ Малороссіи, одолѣвалъ предателя, въ свою очередь измѣнялъ Россіи и уступалъ мѣсто другому честолюбцу. Неминуемымъ слѣдствіемъ такой безразсудной политики было безпрерывное волненіе Малороссіи, опустошаемой Поляками, Казаками, Русскими, Татарами. Въ пять лѣтъ, по смерти Хмѣльницкаго, являлось до

12 гетмановъ. Сперва начался споръ между Виговскимъ и Юріемъ Хмѣльницкимъ, сыномъ Богдана. Первый, успѣвъ заслужить довѣренность Московскаго двора, при помощи его, вытѣснилъ соперника и передался Полякамъ въ надеждѣ быть владѣтельнымъ княземъ Малороссіи; Казаки выгнали его за дружбу съ Польшею и провозгласили Юрія Хмѣльницкаго, который, подобно Виговскому, присягнувъ сначала Россіи и потомъ передавшись Польшѣ, въ свою очередь былъ вытѣсненъ другими честолюбцами, слѣдовавшими той же политикѣ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны Брюховецкій и Дорошенко: первый утвердился на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ зависимости отъ Россіи; второй на правой, какъ присяжникъ Польши, но скрывая въ душѣ безразсудный замыселъ, давшій поводъ вмѣшаться въ дѣла Малороссіи Оттоманской Портѣ.

71. При таком положеніи дѣлъ, Малороссія, переходя изъ рукъ въ руки, отдаваясь то Россіи, то Польшѣ, поддерживала войну между обѣими державами. Казалось, споръ будетъ безконеченъ. Въ первые четыре года перевѣсъ былъ на сторонѣ Польши. Безопасная отъ Швеціи, дружная съ Крымскими Татарами, она устремила всѣ свои силы на Россію и одержала многія значительныя побѣды. Русскія войска, стоявшія въ Литвѣ, на Волыни

2 война съ Польшею.

и въ Украйнѣ, были разбиваемы по частямъ. Виною нашихъ неудачъ было мѣстничество воеводъ и истощеніе государства неимовѣрными усиліями въ первой войнѣ съ Польшею. Царскіе воеводы, по расчетамъ родословнымъ, питая взаимную зависть, дѣйствуя безъ общаго плана, выдавали другъ друга. Такъ Виговскій, воспользовавшись несогласіемъ князя Трубецкаго съ Ромодановскимъ, нанесъ первому жестокое пораженіе подъ Конотопомъ, второму подъ Нѣжинымъ. Въ слѣдъ за тѣмъ
1660. Іюнь. Чарнецкій разбилъ Хованскаго недалеко отъ Слонима, за нимъ Долгорукаго, и очистилъ отъ Русскихъ войскъ всю Литву, кромѣ Вильны, которая, желая остаться въ подданствѣ Алексѣя Михайловича, нѣсколько разъ отражала отъ своихъ стѣнъ самого Короля; между тѣмъ Шереметевъ, дѣйствовавшій въ Волыни, былъ окруженъ Любомирскимъ
23 Октября. подъ Чудновымъ и положилъ оружіе: слѣдствіемъ этого пораженія была измѣна Юрія Хмѣльницкаго, предавшаго въ руки Поляковъ Малороссію. Потери наши въ первые четыре года Польской войны такъ были значительны, что Государь спѣшилъ прекратить споры съ Шведскимъ Королемъ, для устремленія всѣхъ силъ на Поляковъ, и договоромъ
1661. 21 Іюня. въ Кардисѣ отказался отъ всѣхъ завоеваній въ Лифляндіи, уступивъ даже тѣ города, кои оставлены были за Россіею перемирнымъ трактатомъ въ Велiесарѣ.

Изнеможеніе Россіи.

Не имѣя ни одного отличнаго полководца, который могъ бы равняться дарованіями съ Чарнецкимъ, Любомирскимъ, Вишневецкимъ и другими Польскими вождями, прославившими царствованіе Яна Казимира, Государь не находилъ искусства и въ ближнихъ боярахъ, завѣдывавшихъ внутреннимъ управленіемъ. Изнурительныя войны, при неоднократныхъ опустошеніяхъ Россіи моровою язвою, истощили казну; для поправленія разстроенныхъ финансовъ, царскіе совѣтники прибѣгли къ страшнымъ мѣрамъ: велѣно пустить въ ходъ мѣдныя деньги одинаковой величины, формы *и цѣнности* съ серебряными; сначала онѣ пошли въ оборотъ и года два держались въ цѣнѣ; но какъ скоро народъ замѣтилъ, что серебряная монета изчезла и возродилось подозрѣніе на корыстолюбіе многихъ сановниковъ, скупавшихъ ее для собственныхъ выгодъ, курсъ на новыя деньги быстро началъ понижаться такъ, что за 12 и 15 рублей мѣдныхъ давали одинъ рубль серебра [1]. Неминуемымъ слѣдствіемъ такой несоразмѣрности была дороговизна жизненныхъ припасовъ; распространился всеобщій ропотъ; въ Москвѣ обнаружился ужасный мятежъ, съ трудомъ укрощенный силою оружія, причемъ нѣсколько тысячъ человѣкъ лишилось жизни. Самая отмѣна

1662. 27 Іюля.

1. Въ 1657 и 1658 мѣдныя деньги ходили наравнѣ съ серебряными; въ 1659 рубль серебромъ былъ дороже рубля мѣдью 3 копѣйки; въ 1660, 20 копѣекъ; въ 1661, 70 коп; въ 1662, 10 рублей; въ 1662, 12 рублей.

мѣдной монеты разорила въ конецъ многія сотни семействъ. Внутреннее изнеможеніе препятствовало успѣхамъ войны съ Польшею; при всемъ томъ Государь не унывалъ отъ неудачъ и твердо стоялъ за свои права, за свою честь. Неустройства Польши облегчили ему средства кончить войну за Малороссію къ выгодѣ Россіи.

Изнеможеніе Польши.

Польша, не взирая на наши неудачи, на воинскія дарованія Чарнецкаго, быстро утратила перевѣсъ, пріобрѣтенный ею въ первые четыре года. Она достигла высшей степени внутренняго разстройства. Никогда Польскіе сеймы не были такъ бурны, своеволіе магнатовъ такъ необузданно, фанатизмъ такъ безпредѣленъ, какъ въ царствованіе Яна Казимира, когда одинъ депутатъ могъ уничтожить постановленіе цѣлаго сейма, сказавъ только *не позволяю,*
2 если былъ несогласенъ съ общимъ мнѣніемъ [1]. Рокоши или возстанія недовольныхъ противъ правительства были безпрерывны. Латинское духовенство явно проповѣдывало войну противъ диссидентовъ или иновѣрцевъ. Нельзя обвинять Казимира въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя терзали Польшу въ его правленіе: онъ былъ Государь добрый, храбрый, дальновидный, и пожиналъ только то, что посѣяли его предшественники, въ особенности Сигизмундъ III.

1. Это право называлось liberum veto; оно вкоренилось въ Польшѣ съ 1652 года.

Угадывая безнадежное состояніе королевства, его неизлечимые недуги, онъ торжественно сказалъ сейму, что Поляки сами погубятъ свое отечество, что Польша рано или поздно будетъ добычею сосѣдей, что Россія, Австрія, Пруссія раздѣлятъ ее по частямъ и уничтожатъ ея самобытность. Поляки не вѣрили прозорливому Государю, не хотѣли прекратить своихъ междоусобій, и съ величайшимъ трудомъ соединившись подъ королевское знамя, чтобы спасти Юрія Хмѣльницкаго, тѣснимаго въ Малороссіи Ромодановскимъ, едва перешли Днѣпръ, съ гордымъ намѣреніемъ сокрушить Россію, оставили Короля и удалились восвояси, подъ предлогомъ неуплаты жалованья. Любомирскій началъ открытую войну съ Казимиромъ и такъ озаботилъ его, что Король упустилъ Малороссію изъ вида.

Пользуясь бездѣйствіемъ Польши, занятой мятежемъ Любомирскаго, царскіе воеводы успѣли снова овладѣть Полоцкомъ, Витебскомъ, Динабургомъ и всѣми городами Малороссійскими на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ новый гетманъ Брюховецкій, вытѣснивъ искателей булавы, согласился признать себя въ безусловномъ подданствѣ Россійскому Государю. 1665. Сентябрь. Царь Алексѣй Михайловичъ могъ бы теперь довершить ударъ и возвратить все Литовское княжество, еслибы совершенно постороннее войнѣ обстоятельство не отвлекло его отъ дѣлъ внѣш-

ней политики. То было несогласіе съ патріархомъ Никономъ.

Дѣло Никона.

72. Съ обширнымъ умомъ соединяя суровый до излишества нравъ и неуступчивый характеръ, Никонъ вооружилъ противъ себя всѣхъ царедворцевъ безпредѣльною довѣренностью Государя, еще болѣе взыскательнымъ надзоромъ за ихъ поступками, строгостію укоризны, отчасти и неумѣстнымъ тщеславіемъ. Алексѣй Михайловичъ долго былъ недоступенъ наушникамъ, любилъ патріарха какъ друга, поручалъ ему во время Польскихъ походовъ свое семейство, совѣтовался съ нимъ о всѣхъ дѣлахъ важныхъ. Своеправіе Никона доставило завистникамъ случай низринуть его. Осыпанный царскими
1658. милостями, патріархъ дерзнулъ огорчить Государя по поводу самаго ничтожнаго случая [1], и замѣтивъ къ себѣ минутную холодность, своевольно удалился изъ Москвы въ построенный имъ Воскресенскій монастырь, гдѣ единственно по внушенію оскорбленнаго самолюбія, говорилъ слишкомъ смѣло про дворъ, про Царя и Царицу. Этого мало: въ пылу

1. Случай былъ слѣдующій: 1658, 4 Іюля, Грузинскій Царевичъ Теймуразъ былъ угощаемъ при дворѣ. Никонъ, не получивъ приглашенія, посдалъ во дворецъ спросить о причинѣ стольника своего: тотъ поссорился съ окольничимъ Хитрово; Никонъ грозилъ и требовалъ удовлетворенія. Государь отвѣчалъ ему собственноручнымъ письмомъ, что онъ разсмотритъ дѣло. Патріархъ, подождавъ съ недѣлю, разгнѣвался и торжественно въ Успенскомъ соборѣ сказавъ народу, что онъ болѣе не пастырь, удалился въ Воскресенскій монастырь.

негодованія написалъ оскорбительное для Государя письмо къ Греческимъ первосвятителямъ. Дерзкія рѣчи его были доведены до свѣдѣнія Царя; письмо перехвачено. Многочисленные враги Никона, свѣтскіе и духовные, спѣшили очернить его. Патріархъ легко могъ бы возвратить утраченную милость добраго Государя, еслибы изъявилъ смиреніе; вмѣсто того, онъ сталъ дѣйствовать еще высокомѣрнѣе, торжественно проклиналъ враговъ и самовольно явившись въ Москвѣ, не взирая на прежнее отреченіе отъ патріаршаго престола, спорами съ царскими сановниками въ Успенскомъ храмѣ, произвелъ столь сильное впечатлѣніе въ народѣ, что надлежало опасаться важныхъ безпорядковъ, обыкновенныхъ въ тогдашнее время. Уже возникала соблазнительная распря о предѣлахъ власти царской и патріаршей. Мудрый Алексѣй постигъ всю опасность и спѣшилъ подавить зло въ самомъ началѣ: онъ просилъ вселенскихъ патріарховъ разсудить его съ Никономъ. Первосвятители Александрійскій и Антіохійскій прибыли въ Москву, нарядили судъ, и на торжественномъ соборѣ изъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ признали Никона виновнымъ въ оскорбленіи царской особы, въ излишнемъ властолюбіи, въ непристойныхъ поступкахъ: онъ былъ лишенъ сана 1666
и сосланъ въ монастырь въ званіи монаха [1]. Ни- 12 Декабря.

1. Никонъ сосланъ въ Бѣлозерскій Ѳерапонтовъ монастырь; по кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича, переведенъ въ Кирилловъ монастырь,

конъ безъ всякаго сомнѣнія не хотѣлъ дѣйствовать въ пользу Поляковъ; но неблагоразумные поступки его озаботили Царя на цѣлые три года, именно въ то время, когда внѣшняя политика требовала всего вниманія Государя: обязанный успѣхами первой войны съ Польшею личному предводительству, устранявшему всѣ споры о мѣстничествѣ, онъ не рѣшался теперь отлучаться изъ Москвы и вести войска свои къ побѣдамъ.

Андрусовскій миръ.

73. Занятые внутренними неустройствами, соперники вели войну слабо и неоднократно предлагали миръ. Переговоры тянулись цѣлые три года, и вѣроятно, при неуступчивости обѣихъ сторонъ, продлились бы еще нѣсколько лѣтъ, еслибы вмѣшательство Турціи въ дѣла Малороссіи не ускорило развязки. Поводомъ къ тому было безразсудное честолюбіе Дорошенка. Съ 1665 года Малороссія раздѣлялась Днѣпромъ на двѣ половины: лѣвая сторона, признавая гетманомъ Брюховецкаго, была въ подданствѣ Россіи; правая, избравъ вождемъ Чигиринскаго Казака Петра Дорошенка, находилась въ зависимости отъ Польши. Оба гетмана, по обыкновенію, питали непримиримую ненависть и старались вытѣснить другъ друга. Брюховецкій, въ надеждѣ удержаться помощію Россіи, ласкалъ

откуда Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ дозволилъ ему возвратиться въ Воскресенскій; онъ умеръ на дорогѣ, въ Ярославлѣ 1681 года.

Московскій дворъ, принялъ санъ боярина, женился на дочери Шереметева, допустилъ царскимъ намѣстникамъ наложить поголовную подать на Казаковъ. Дорошенко стремился къ иной цѣли, другими путями: рѣшительнѣе всѣхъ предшественниковъ считая возможнымъ самобытное существованіе Малороссіи, въ видѣ отдѣльнаго государства, неподвластнаго ни Польшѣ, ни Россіи, по примѣру Молдавіи и Трансильваніи, онъ успѣлъ взволновать Казаковъ мечтою полной независимости. Мужество въ бояхъ, пылкій нравъ, увлекательный даръ слова, порывы къ необузданной волѣ, все согласовалось съ тогдашнимъ расположеніемъ умовъ, и Казаки привыкли смотрѣть на Дорошенка, какъ на втораго Богдана Хмѣльницкаго. Вооружая противъ себя и Россію и Польшу, для вѣрнѣйшаго успѣха, онъ обратился съ просьбою къ Султану принять Малороссію въ покровительство Порты. Султанъ, занятый войною въ Кандіи, не хотѣлъ развлекать своихъ силъ; однакожъ обѣщалъ прислать войско. Переговоры Дорошенка не могли укрыться ни отъ Московскаго двора, ни отъ Варшавскаго. Предугадывая грозу и не видя надежды удержать Малороссію, Казимиръ спѣшилъ примириться съ Алексѣемъ Михайловичемъ. 1667 30 Января.
Договоръ заключенъ въ Андрусовѣ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) прекратить непріязненныя дѣйствія на 13 лѣтъ 6 мѣсяцевъ; между тѣмъ условиться о вѣчномъ мирѣ; 2) Смоленску и Сѣверскому кня-

жеству остаться за Россіею; 3) Полоцкъ, Витебскъ и города южной Лифляндіи, занятые Русскими войсками, возвратить Польшѣ; 4) Малороссію раздѣлить на двѣ половины: полкамъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра быть подъ властію Россіи, на правой въ зависимости отъ Польши; 5) Кіевъ возвратить Польшѣ чрезъ два года; 6) Запорожцамъ состоять подъ покровительствомъ обѣихъ державъ, съ обязанностію оберегать предѣлы ихъ отъ Татаръ и Турокъ.

Дорошенко.

74. Андрусовскій договоръ, избавивъ Россію отъ тягостной войны съ Польшею и доставивъ ей значительныя выгоды, изъ коихъ главнѣйшею было расширеніе предѣловъ ея по самый Днѣпръ, не успокоилъ Малороссіи. Казаки съ горестію услышали, что Государь отказался отъ Заднѣпровской Украйны, что самый Кіевъ долженъ быть возвращенъ Полякамъ [1]. Болѣе всего не нравились условія договора честолюбивому Дорошенку и митрополиту Іосифу Тукальскому: первый помышлялъ о господствѣ надъ всею Малороссіею; второй опасался прежняго гоненія православной церкви Уніатами. Ропотъ распространился и по Русской Украйнѣ, гдѣ носилась молва, поддерживаемая Нѣжинскимъ епи-

1. Неточное исполненіе Поляками Андрусовскаго договора побудило Государя удержать Кіевъ. Варшавскій дворъ, послѣ многократныхъ домогательствъ, отказался отъ него въ 1686 году.

скопомъ Меѳодіемъ, что Московскій дворъ ведетъ переговоры съ Варшавскимъ объ уступкѣ Польшѣ всей Малороссіи. Дорошенко возсталъ ясно противъ условій Андрусовскаго договора, объявилъ Казимиру, что ни онъ, ни Казаки, не хотятъ слышать о повиновеніи Польшѣ, что Полякамъ не владѣть Кіевомъ, и предложилъ Алексѣю принять его въ подданство со всею Малороссіею, какъ было при Хмѣльницкомъ. Царь совѣтовалъ ему смириться. Дорошенко возсталъ и на Россію, какъ союзницу ненавистной Польши, склонилъ на свою сторону Брюховецкаго надеждою Турецкаго покровительства и коварнымъ обѣщаніемъ признать его гетманомъ всей Малороссіи. Брюховецкій радъ былъ случаю избавиться отъ Русскихъ воеводъ, назначенныхъ намѣстниками въ Малороссійскіе города, произвелъ всеобщій мятежъ въ подвластной ему Украйнѣ и спѣшилъ встрѣтить, какъ друга, хитраго Дорошенка, который велѣлъ его схватить и предать въ жертву разъяренной черни, а самъ провозгласилъ себя гетманомъ всей Малороссіи, независимымъ отъ Польши и Россіи. 1668. Январь.

75. Никогда не было въ Малороссіи столь ужаснаго волненія. Оно отозвалось на Дону и по Волгѣ. Буйныя головы Запорожскія, вѣроятно подстрекаемыя Дорошенкомъ, съ намѣреніемъ развлечь наши силы, пробрались на Донъ, возмутили тамъ цѣлыя Разинъ.

станицы, кои правительство старалось унять отъ грабежей, провозгласили атаманомъ удалаго Казака Донскаго Разина и бросились къ берегамъ Волги, гдѣ этотъ злодѣй за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ испыталъ удачу разбоя[1]. Предводительствуя сильною шайкою, Разинъ взялъ приступомъ Царицынъ и Астрахань, распустилъ молву, что защиты его ищетъ мнимый царевичъ Алексѣй съ патріархомъ Никономъ, что онъ идетъ освободить крестьянъ отъ помѣщиковъ, и взволновалъ все Приволжье. Саратовъ сдался мятежнику, который съ 200.000 шелъ уже къ Нижнему, ознаменовавъ свой путь неописанными злодѣйствами.

Волненіе южныхъ и восточныхъ предѣловъ могло быть тѣмъ опаснѣе, что Султанъ Турецкій уже собиралъ войска для поддержанія Дорошенка. Благоразумныя мѣры правительства прекратили неустройства прежде, чѣмъ Турки появились въ Малороссіи. Спокойствіе въ Украйнѣ было возстановлено безъ труда: Государь увѣрилъ обитателей ея, что онъ не предастъ ихъ Полякамъ. Дорошенко же союзомъ съ невѣрными возбудилъ противъ себя общее негодованіе и долженъ былъ удалиться за

1. Въ 1663 году Разинъ ограбилъ окрестности Астрахани и разоривъ нѣсколько городовъ Персидскихъ при Каспійскомъ морѣ, едва не вооружилъ на Россію Шаха. Разбитый Княземъ Львовымъ, онъ смирился тогда и получилъ прощеніе.

Днѣпръ; Казаки охотно согласились признать гетманомъ полковника Многогрѣшнаго, усердно преданнаго престолу. Долѣе упорствовали сообщники Разина; но мужественная оборона Симбирска бояриномъ Шереметевымъ остановила распространеніе мятежа по Волгѣ, а дѣятельность другихъ царскихъ воеводъ, разбивавшихъ отряды Разина по частямъ, въ особенности боярина Милославскаго, овладѣвшаго Астраханью, такъ ослабила злодѣя, что онъ былъ выданъ правительству и получилъ достойную казнь. Строгость наказанія усмирила Донъ и Приволжье. 1669. 1671.

76. Между тѣмъ, гроза, которую и Россія и Польша равно старались отклонить, разразилась въ Заднѣпровской Украйнѣ, не коснувшись нашихъ предѣловъ. Ненависть обитателей ея къ Польскому владычеству обнаружилась съ такою силою, что утративъ надежду на присоединеніе къ Россіи, они рѣшились признать покровителемъ своимъ лучше Турецкаго Султана, чѣмъ Польскаго Короля, и охотно стекались подъ знамена Дорошенка, видя въ немъ единственнаго избавителя отъ ненавистнаго ига. Магометъ IV спѣшилъ воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами, въ надеждѣ утвердить свою власть не только въ Малороссіи, но и въ Польшѣ, гдѣ царствовала всеобщая анархія, по случаю отреченія Казимира отъ Вмѣшательство Турціи.

престола. Многочисленное войско Турецкое, подъ личнымъ предводительствомъ Султана, со всею Крымскою ордою, вступило въ Польскіе предѣлы. Паденіе Каменца Подольскаго, осада Львова и опустошеніе многихъ городовъ до того устрашили преемника Казимирова, Михаила Вишневецкаго, что опасаясь потерять все королевство, онъ предложилъ Сул-
1672. тану миръ и согласился на весьма тягостныя условія: договоромъ въ Буджановѣ Король обязался платить Туркамъ ежегодно дань и уступить имъ Малороссію. Правда Варшавскій сеймъ, по удаленіи Магомета, считавшаго войну конченною, не подтвердилъ Буджановскаго договора, и Польскій полководецъ Янъ Собѣсскій, возобновивъ войну, поразилъ непріятелей подъ Хотиномъ; но Турки не могли быть вытѣснены изъ занятыхъ ими городовъ въ Польской Украйнѣ. Началась жестокая борьба.

Заднѣпровская Малороссія, осыпанная пепломъ городовъ, облитая кровью несчастнаго народа, по совѣту самого Дорошенка, неоднократно обращалась къ Царю Алексѣю Михайловичу, съ убѣдительною просьбою спасти ее отъ Турокъ и Поляковъ. Государь, уже недовольный Польшею за неоднократное нарушеніе Андрусовскаго договора, за явную непріязнь, за упорное уклоненіе отъ вѣчнаго мира, вознегодовалъ на нее еще болѣе послѣ

того, какъ слабое правительство ея, постоянно утѣсняя Казаковъ, допустило Туркамъ вмѣшаться въ дѣла Малороссіи. Очевидно было, что Султанъ, овладѣвъ Польскою Украйною, не оставитъ въ покоѣ и Русской. Безопасность государства возлагала на него обязанность принять участіе въ странѣ, которая такъ усердно желала быть ему подвластною и которую Польскій Король такъ равнодушно предалъ въ добычу Туркамъ. Въ 1674 году Государь объявилъ Заднѣпровскимъ Казакамъ, что онъ согласенъ принять ихъ въ подданство. Марть. Всѣ десять полковъ, находившіеся за Днѣпромъ, съ радостію присягнули ему, оставили Дорошенка и признали гетманомъ всей Малороссіи Самойловича.

Утверждая власть за Днѣпромъ, Алексѣй Михайловичъ предвидѣлъ, что ни Король, ни Султанъ не оставятъ его спокойнымъ обладателемъ. Онъ не страшился войны съ обоими совмѣстниками и ревностно готовилъ свои мѣры. Но смерть пресѣкла 1676. драгоцѣнную жизнь его въ то самое время, когда 29 Января. надлежало рѣшить и участь Малороссіи и запутанныя отношенія Россіи къ Польшѣ и Турціи.

—

III. ѲЕОДОРЪ II.

1676 — 1682.

Заслуги Ѳеодора.

77. Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича было въ полномъ смыслѣ продолженіемъ государствованія Алексѣя Михайловича, безъ всякой перемѣны въ политикѣ внѣшней и внутренней. Юный лѣтами [1], обремененный тѣлесными недугами, но крѣпкій духомъ, дѣятельный для блага отечества, Ѳеодоръ весьма ясно понималъ мысль мудраго отца о необходимости даровать государству положительные законы, для обезпеченія личной безопасности и права собственности, и утвердить господство въ Малороссіи, которое долженствовало вести къ расширенію нашего владычества въ югозападной Руси. При неутомимомъ стремленіи къ той и другой цѣли, онъ успѣлъ ознаменовать кратковременное царствованіе многими достопамятными дѣлами, изъ коихъ наиболѣе замѣчательны по вліянію на судьбу Россіи: 1, окончаніе споровъ за Малороссію съ сосѣдями; 2, законы о правѣ собственности; 3, уничтоженіе мѣстничества.

Окончаніе споровъ за Малороссію.

78. Послѣ двадцатилѣтнихъ неустройствъ, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, вся

1. Родился 30 Мая 1661, вступилъ на престолъ 29 Января 1676, слѣдовательно 15 лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ; Алексѣй назначилъ его преемникомъ предъ самою кончиною.

Малороссія, исключая Чигирина, признала своимъ Государемъ Русскаго самодержца и провозгласила Самойловича гетманомъ на томъ и на другомъ берегу Днѣпра. Алексѣй не успѣлъ однако окончательно присоединить ее къ своей державѣ. Честолюбивый Дорошенко не сдавалъ Чигирина, звалъ Турокъ, Татаръ; Король Польскій Янъ Собѣскій требовалъ Кіева, на основаніи Андрусовскаго договора, считалъ господство наше за Днѣпромъ нарушеніемъ мира и грозилъ войною; опаснѣе всѣхъ совмѣстниковъ былъ Султанъ, который, признавая Заднѣпріе, на основаніи Буджановскаго договора съ Польшею, свою собственностію, рѣшился утвердить власть во всей Украйнѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, надлежало опасаться борьбы упорной. Ѳеодоръ, вѣрный плану отца, зная, что пріобрѣтеніе Малороссіи было первымъ шагомъ къ исполненію мысли Димитрія Донскаго, Іоанна III, Іоанна IV, тѣмъ болѣе Алексѣя Михайловича, не боялся совмѣстничества трехъ соперниковъ и смѣло ополчился на враговъ.

Прежде всего онъ спѣшилъ избавить Малороссію отъ опаснаго честолюбца, Дорошенка, который, вопреки всѣмъ неудачамъ, не преставалъ волновать Казаковъ, въ надеждѣ присвоить надъ ними власть независимую. Многочисленное Русское войско, подъ начальствомъ Ромодановскаго, подступило

къ Чигирину; Дорошенко, тщетно ожидавшій помощи Турокъ и Татаръ, потерялъ наконецъ на-
1676 19 Сентября. дежду достигнуть своей цѣли, положилъ оружіе, отдалъ Самойловичу всѣ знаки гетманскаго достоинства, присягнулъ въ вѣрности Россійскому Государю и въ послѣдствіи кончилъ дни въ неизвѣстности, частнымъ человѣкомъ. Между тѣмъ Польскій Король назначалъ гетмана за гетманомъ для управленія Заднѣпровскою Украйною и требовалъ настоятельно, чтобы Россія не вмѣшивалась въ ея дѣла; но получивъ въ отвѣтъ, что Польша, послѣ уступки Малороссіи музульманамъ, не имѣетъ права спорить объ ней, замолчалъ до времени, ожидая, чѣмъ кончится загорѣвшаяся война Россіи съ Турціею.

Султанъ два раза высылалъ сильное войско къ Чигирину, чтобы, взявъ его, овладѣть Кіевомъ и
1677. всею Малороссіею. Въ первомъ походѣ Турки потерпѣли жестокое пораженіе. Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ подоспѣли на помощь храброму воеводѣ Ржевскому, оборонявшему Чигиринъ, разбили визиря и прогнали его за Днѣстръ, отнявъ весь обозъ и пушки. Султанъ выслалъ другое силь-
1678. нѣйшее войско. Ромодановскій не пустилъ непріятеля за Днѣпръ и стараясь вытѣснить его изъ Украйны, вступилъ въ кровавую борьбу. Главныя силы сосредоточились въ окрестностяхъ Чигирина;

нѣсколько разъ оба войска схватывались и боролись съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ [1]. Города были разрушены до основанія; все Заднѣпріе отъ самаго Кіева до Запорожья обратилось въ пустыню. Турки наконецъ уступили, ушли восвояси и могли только сказать, что злосчастная Украйна не скоро оживетъ послѣ нанесеннаго ими опустошенія.

Варшавскій дворъ не хотѣлъ, вопреки договорамъ, подать намъ помощи и думая воспользоваться затруднительною войною Россіи съ Турціею, съ угрозами требовалъ возвращенія всѣхъ городовъ, покоренныхъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Ѳеодоръ былъ непреклоненъ, согласился отдать только Велижъ и Себежъ, завоеванные послѣ Андрусовскаго договора, и возобновить перемиріе на 13 лѣтъ, въ 3 Августа. 1678.
теченіе коихъ положено было условиться окончательно, при посредничествѣ другихъ державъ, о Кіевѣ и Заднѣпровской Украйнѣ.

Султанъ, испытавъ двукратную неудачу въ войнѣ съ Россіею и намѣреваясь обратить силы свои на Австрію, гдѣ ожидалъ болѣе добычи, не возобновлялъ походовъ, тревожилъ насъ только Крымскими Татарами, впрочемъ безъ важныхъ послѣдствій:

1. Главное дѣло было на берегу Днѣпра близъ Чигирина 19 Августа 1678. Визирь лишился двухъ третей арміи. Ромодановскій могъ истребить его въ конецъ, но оплошалъ и былъ смѣненъ княземъ Черкасскимъ.

3 Января 1681.

наконецъ предложилъ миръ и договоромъ въ Бахчисараѣ отказался отъ всѣхъ притязаній на Заднѣпровскую Украйну, съ тѣмъ, чтобы ни Россія, ни Турція не возобновляли разрушенныхъ тамъ городовъ, исключая Кіева, Триполя, Василькова и Стаекъ, уступленныхъ Россіи. Запорожье равнымъ образомъ осталось въ нашемъ подданствѣ. Такимъ образомъ Θеодоръ Алексѣевичъ, смиривъ Дорошенка, обуздавъ Турокъ и Поляковъ, имѣлъ утѣшеніе видѣть окончаніе 27 лѣтней войны за Малороссію. Съ тѣхъ поръ ни Турція, ни Польша не рѣшались оспаривать ее у Россіи.

Дѣла внутреннія.

79. Озабоченный дѣлами внѣшними, Θеодоръ не упускалъ изъ вида внутренняго устройства: съ самаго начала его правленія неоднократно были издаваемы законы, коими опредѣлено право собственности. Существовавшія доселѣ постановленія имѣли предметомъ преимущественно два первыя условія гражданскаго общества: порядокъ суда и сборъ податей; право владѣнія недвижимою собственностію было также поясняемо, въ особенности Алексѣемъ Михайловичемъ, но не вполнѣ: болѣе руководствовались обычаями. Θеодоръ разсмотрѣлъ столь важный предметъ во всемъ объемѣ его, привелъ въ ясную систему всѣ случаи перехода земель, помѣстьевъ и отчинъ изъ рукъ въ руки, ознаменовавъ свои законы печатью справедливости и

уваженія къ праву собственности [1]. Основныя мысли, коими онъ руководствовался, приносятъ ему честь законодателя справедливаго. Кромѣ того, по примѣру отца, Ѳеодоръ заботился о народной нравственности, въ особенности о просвѣщеніи духовенства, и для образованія подданныхъ учредилъ первое въ Россіи училище, Славяно-Греко-Латинскую академію.

Упичтоженіе мѣстничества.

Но важнѣйшимъ изъ внутреннихъ дѣяній Ѳеодора Алексѣевича было уничтоженіе мѣстничества, права людей родословныхъ считаться службою предковъ, при занятіи должностныхъ мѣстъ. По общему господствовавшему мнѣнію, два лица не могли служить въ равныхъ званіяхъ, если предки одного стояли хотя одною степенью выше предковъ другаго въ ряду государственныхъ сановниковъ; тѣмъ менѣе считалось приличнымъ сыну или внуку боярина быть подъ начальствомъ сына или внука окольничаго; въ противномъ случаѣ онъ навлекалъ безчестіе себѣ и дому своему. Для разбора родословныхъ отношеній, съ давнихъ временъ существовало въ Москвѣ особенное вѣдомство, подъ именемъ *разряда*: главною обязанностію его было вести разрядныя книги или списки, въ коихъ записывались царскіе указы о назначеніи къ долж-

1. Важнѣйшія постановленія 10 Марта и 24 Мая 1676, 10 Августа 1677.

ностямъ сановниковъ придворныхъ, гражданскихъ и военныхъ. Какъ скоро Государь объявлялъ походъ, пріемъ посла, торжественный выходъ, пиръ, и тому подобное, каждый, до кого только относился царскій указъ, немедленно справлялся по разряднымъ книгамъ, не занималиль его предки, отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, прапрадѣдъ, высшихъ мѣстъ въ сравненіи съ предками его сверстника, назначеннаго въ равную, тѣмъ болѣе въ высшую должность; и если находилъ, что за 10 за 20 даже за 100 и болѣе лѣтъ прародители его дѣйствительно стояли выше, а прародители сверстника ниже, онъ билъ Государю челомъ, что ему служить *невмѣстно*, и высчитывалъ всю свою родословную; тотъ, на кого жаловался недовольный, считалъ притязаніе его обидою для себя, и съ своей стороны билъ челомъ о безчестіи и оборонѣ. Дѣла подобнаго рода казались такъ важными, что обыкновенно самъ Государь съ боярами принималъ на себя трудъ справляться по разряднымъ книгамъ, чья просьба справедливѣе, и смотря по обстоятельствамъ, рѣшалъ споръ указомъ: правыхъ оправдывалъ, виновныхъ въ неумѣстномъ притязаніи наказывалъ строгимъ выговоромъ, заключеніемъ въ тюрьму, денежною пенею, батогами, кнутомъ, нерѣдко повелѣвалъ выдавать спорщика обиженному головою, т. е. заставлялъ просить у него прощенія съ унизительными обрядами.

Первые признаки мѣстничества замѣтны при Іоаннѣ III, который, установивъ разрядъ для записки службъ своихъ сановниковъ, положилъ законное основаніе родословнымъ расчетамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дальновидная политика руководила имъ въ этомъ случаѣ: стремясь къ самодержавію, отнимая у Князей всѣ права владѣтельныя, жалуя ихъ въ сановники Московскіе, онъ хотѣлъ внушить имъ мысль, что право на милость Государя, на высшій почетъ, принадлежало не тому, кто былъ потомкомъ Владиміра св. а тому, кто могъ похвалиться усердіемъ предковъ къ Московскому престолу; слѣдовательно Князья уравнивались съ простыми подданными и занимали мѣста иногда выше ихъ, иногда ниже, смотря по фамильнымъ заслугамъ. Той же политикѣ слѣдовалъ внукъ его Іоаннъ Грозный, казнившій смертью за самый легкій проступокъ и терпѣливо разбиравшій споры воеводъ о мѣстахъ по службѣ предковъ. Такимъ образомъ мѣстничество принесло въ началѣ ту пользу, что ослабило княжескія поколѣнія и усилило власть верховную. Имѣя законное основаніе, оно такъ глубоко вкоренилось въ общественное мнѣніе, такъ тѣсно слилось съ нимъ, что послѣ Іоанна Грознаго считалось уже неприкосновеннымъ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ стѣсняло власть самодержавную: воля Государя была священна во всѣхъ случаяхъ, кромѣ расчетовъ объ *отечествѣ*: подданные безпрекo

словно исполняли всѣ велѣнія его, не роптали на самыя тяжкія опалы, отнимавшія у нихъ имущество, свободу, жизнь; но какъ скоро сталкивались права родословныя, обиженный отказывался отъ назначенной ему должности и часто охотнѣе подвергался ссылкѣ въ Сибирь, чтобы только не запятнать своей чести, т. е. не стоять на равной степени съ товарищемъ, коего прапрадѣдъ былъ въ низшемъ званіи въ сравненіи съ его прапрадѣдомъ. Легко вообразить, до какой степени озабочивали Государя пустые споры людей самыхъ близкихъ къ престолу, и сколь пагубны были неминуемыя слѣдствія несогласія, порождаемаго мѣстничествомъ. Наиболѣе терпѣло отъ него государство въ военное время, во 1, потому, что правительство при выборѣ воеводъ должно было руководствоваться не личными достоинствами, а родословными правами; слѣдовательно выборъ надалъ нерѣдко на людей неспособныхъ; во 2, потому, что при всей заботливости Государя нельзя было избѣжать столкновенія родословныхъ правъ. Въ такомъ случаѣ самая очевидная опасность не могла образумить людей упрямыхъ: воеводы отказывались отъ мѣстъ и не хотѣли вести войско, когда непріятель былъ уже въ предѣлахъ государства. Мало того: распредѣленіе мѣстъ не по *отечеству* нерѣдко обнаруживалось на полѣ брани: воеводы считались службою своихъ предковъ и выдавали другъ друга. Счеты

ихъ погубили Шеина подъ Смоленскомъ, Ромодановскаго подъ Конотопомъ, Шереметева подъ Чудновымъ, Хованскаго въ Литвѣ, и проч.

Мѣстничество тѣмъ болѣе приносило вреда, что равно опасно было и обуздывать его и поддерживать. Борисъ Годуновъ хотѣлъ искоренить зло явнымъ пренебреженіемъ родословныхъ счетовъ, строгимъ наказаніемъ ослушниковъ, и вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе: Михаилъ Ѳеодоровичъ не рѣшился итти на перекоръ вѣку, разсматривалъ жалобы недовольныхъ и до того уважалъ общій предразсудокъ, что велѣлъ спасителя Россіи, князя Пожарскаго, чрезъ годъ по изгнаніи Поляковъ, выдать головою боярину Салтыкову за неправое мѣстничество. Слѣдствія были не менѣе пагубны: ни одна война не проходила безъ споровъ и каждая оканчивалась пораженіемъ нашихъ войскъ. Алексѣй Михайловичъ вполнѣ понималъ весь вредъ и всю нелѣпость предразсудка; но считая невозможнымъ искоренить его, облегчалъ зло мудрою мѣрою: при началѣ почти каждаго похода, объявлялъ строгое повелѣніе, быть воеводамъ безъ мѣстъ и не считаться родословными правами, съ тѣмъ, что назначеніе ихъ не будетъ принимаемо въ расчетъ въ послѣдствіи и не должно служить имъ укоризною. Правда эта мѣра не всегда имѣла успѣхъ, и не разъ упорство сановниковъ разруша-

ло лучшіе планы Алексѣя; но печальные опыты уже доказывали необходимость искоренить зло.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ рѣшился уничтожить мѣстничество. Поводомъ къ тому послужила признанная всѣми необходимость лучшаго устройства ратей для отпора новому опасному врагу, Туркамъ. Государь, немедленно по заключеніи договора съ Оттоманскою Портою, повелѣлъ составить думу изъ выборныхъ чиновъ военнаго сословія, подъ предсѣдательствомъ умнаго, образованнаго вельможи, князя Голицына, съ тѣмъ, чтобы она разсмотрѣла, какія нужно принять мѣры для обороны государства отъ враговъ, обнаружившихъ въ дѣлѣ ратномъ много искусства и новыя хитрости. Дума признала необходимымъ дать лучшее устройство войску, установить единство въ дѣйствіяхъ, раздѣлить полки на роты, вмѣсто же сотенныхъ головъ назначить ротмистровъ и поручиковъ, безъ всякаго отношенія къ правамъ родословнымъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, по волѣ Государя, она представила примѣрный списокъ ротмистровъ и поручиковъ; но какъ въ этомъ спискѣ не были показаны за малолѣтствомъ дѣти Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Ромодановскихъ и другихъ вельможъ, слѣдовательно надлежало опасаться упрековъ, гоненій, всеобщаго несогласія въ государствѣ, то для *совершеннаго устроенія*, дума просила не допускать на

будущее время родословныхъ расчетовъ ни въ какихъ случаяхъ, ни въ военныхъ, ни въ посольскихъ, ни при дворѣ, ни въ приказахъ. Θеодоръ того только и ждалъ: созвалъ торжественный соборъ изъ верховныхъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ, предложилъ имъ мнѣніе выборныхъ людей, описалъ самыми мрачными красками весь вредъ, всю нелѣпость мѣстничества, и требовалъ совѣта. Соборъ единогласно говорилъ, что время уничтожить столь пагубный предразсудокъ. Государь спѣшилъ воспользоваться счастливою минутою, и зная, что одного постановленія недостаточно, что распри возобновятся, если будетъ къ тому поводъ, повелѣлъ принести разрядныя книги и въ присутствіи собора предать ихъ огню; во утѣшеніе же столбовыхъ фамилій, дозволилъ составить *родословную книгу*, единственно съ тою цѣлію, чтобы память предковъ не изчезла. Соборъ постановилъ быть всѣмъ чинамъ безъ мѣстъ и служить тамъ, гдѣ Государь укажетъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, въ случаѣ прекословія. 12 Января 1682.

IV. ІОАННЪ V И ПЕТРЪ I, ПОДЪ ОПЕКОЮ ЦАРЕВНЫ СОФІИ.

1682 — 1689.

80. Смерть Θеодора, лишивъ Россію Государя умнаго, украшеннаго истинно царскими добродѣте- Воцареніе Петра I.

лями, тѣмъ болѣе опечалила отечество, что некому было принять скипетръ изъ рукъ его. Онъ оставилъ по себѣ двухъ братьевъ, Іоанна и Петра. Первый достигъ совершеннолѣтія; но тѣлесные недуги не дозволяли ему заниматься дѣлами правленія; второй отличался умомъ необыкновеннымъ, но былъ только 10 лѣтъ. Къ довершенію несчастія, Θеодоръ не назначилъ ни преемника себѣ, ни правительственной думы, какъ прежде бывало въ подобныхъ случаяхъ, и оставилъ подданныхъ въ недоумѣніи. Между тѣмъ дворъ, уже съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича раздѣлялся на двѣ непріязненныя партіи, изъ коихъ одна держалась фамиліи Милославскихъ, другая дома Нарышкиныхъ. Милославскіе приблизились къ престолу по свойству съ первою супругою Царя Алексѣя Михайловича Маріею Ильиничною, матерью пятерыхъ сыновей (въ томъ числѣ Θеодора и Іоанна), и шести дочерей, изъ коихъ наиболѣе достопамятна Царевна Софія; Нарышкины были родственники второй Царицы, Наталіи Кирилловны, пережившей супруга и имѣвшей одного сына Петра, съ двумя дочерьми. Непримиримая вражда раздѣляла обѣ партіи со времени смерти Алексѣя Михайловича. Милославскіе, чтобы удалить Нарышкиныхъ отъ двора, успѣли обвинить ихъ предъ Θеодоромъ въ намѣреніи возвести на престолъ, по смерти Алексѣя, четырехлѣтняго Петра. Θеодоръ, кажется, не былъ

убѣжденъ въ ихъ преступленіи, однакожъ счелъ нужнымъ сослать въ Пустозерскъ главнаго руководителя дома Нарышкиныхъ, Артемона Сергѣевича Матвѣева, мужа знаменитаго умомъ и любовію народною.

По смерти Θеодора, Нарышкины превозмогли своихъ совмѣстниковъ. Люди благомыслящіе были на ихъ сторонѣ: Петръ уже въ младенческихъ забавахъ обнаруживалъ такіе таланты, что всѣ желали видѣть его на престолѣ, и не опасались малолѣтства Государя, въ надеждѣ на благоразуміе матери его Наталіи Кирилловны и боярина Матвѣева. Іоаннъ не спорилъ съ братомъ и охотно уступилъ ему корону, когда на вопросъ патріарха Іоакима, кому быть преемникомъ Θеодора, государственные чины отвѣчали единогласно: *Петру*. Онъ былъ признанъ Царемъ въ Москвѣ; за Москвою присягнула ему вся Россія безпрекословно. 27 Апрѣля. 1682.

81. Но Милославскіе не хотѣли уступить Нарышкинымъ и ослѣпляемые властолюбіемъ, для сверженія соперниковъ, прибѣгли къ преступнымъ мѣрамъ. Въ Москвѣ и другихъ городахъ, со временъ Іоанна Грознаго, находились отряды постояннаго войска, подъ именемъ стрѣльцовъ. Обязанные безсмѣнною службою для охраненія общественной тишины и безопасности, они жили въ городахъ Воцареніе Іоанна.

особенными слободами, раздѣлялись на полки, зависѣли въ управленіи, судѣ и расправѣ отъ особеннаго высшаго вѣдомства, стрѣлецкаго приказа, пользовались многими преимуществами предъ другими служилыми людьми, получали опредѣленное жалованье, хлѣбъ, воинскіе снаряды, освобождены были отъ податей и могли торговать безпошлинно. Болѣе другихъ ратныхъ людей того времени привычные владѣть оружіемъ, коего никогда не покидали, они неоднократно содѣйствовали успѣхамъ нашихъ войнъ съ непріятелями и оказывали постоянное усердіе къ престолу. Но съ тѣхъ поръ, какъ имъ дозволено было пускаться въ торговые промыслы, столь несообразные съ воинскимъ званіемъ, многіе изъ нихъ разбогатѣли, считали службу тягостью, предавались роскоши, разгульной жизни, и завели у себя, по казацкому обычаю, круги, въ коихъ судили и рядили о низшихъ начальникахъ, добираясь и до высшихъ. Признаки солдатскаго своеволія обнаружились предъ самою кончиною Царя Ѳеодора Алексѣевича. Стрѣльцы опредѣлили въ своихъ кругахъ избавиться отъ многихъ подполковниковъ, заслужившихъ общую ненависть отчасти строгостію, отчасти притѣсненіями, и приготовили челобитную, исполненную дерзкихъ угрозъ; она представлена была преемнику Ѳеодора, Петру. Новое правительство, еще слабое, старалось укротить волновавшихся стрѣльцовъ ласками, и въ

утожденіе имъ строго наказало девятерыхъ подполковниковъ. Стрѣльцы, казалось, были довольны и присягнули Петру; но духъ мятежа не изчезъ: требовалось одной искры. Милославскіе рѣшились употребить ихъ орудіемъ своей злобы: вскорѣ разнеслась молва, что Нарышкины, при содѣйствіи иноземныхъ врачей, погубили Ѳеодора и грозятъ подобною участью брату его, Царевичу Іоанну. Въ преступномъ ковѣ участвовала и сестра Іоаннова, Царевна Софія, которая, съ рѣдкимъ умомъ соединяя безмѣрное честолюбіе, досадовала на устраненіе брата своего отъ престола, завидовала Наталіи Кирилловнѣ и не могла забыть, что еслибы Іоаннъ былъ Царемъ, кормило правленія непремѣнно досталось бы ей. Агенты ея дѣйствовали съ успѣхомъ. Чрезъ мѣсяцъ по воцареніи Петра, въ стрѣлецкой слободѣ вспыхнулъ мятежъ. Обманутые ложною молвою, стрѣльцы съ неистовствомъ вломились въ кремль, окружили дворецъ, хотѣли видѣть Іоанна, увидѣли его, думали разойтись; но подстрекаемые клевретами Софіи, говорившими, что рано или поздно Нарышкины изведутъ Царевича, бросились на обреченныя заранѣе жертвы, умертвили до 70 человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ братьевъ Наталіи Кирилловны, боярина Матвѣева, Языкова и другихъ сановниковъ; сверхъ того объявили Царевича Іоанна Государемъ вмѣстѣ съ Петромъ, а Софію провозгласили Правительницею.

1682 29 Апрѣля.

15 Мая.

Патріархъ и дворъ умоляли ее исполнить желаніе войска для спасенія государства отъ новыхъ бѣдствій; она долго отказывалась; наконецъ согласилась.

1682. 18 Мая.

Староверы.

82. Присвоеніе двадцатилѣтнею Царевною верховной власти мимо двухъ вдовствующихъ Царицъ, двухъ тетокъ и двухъ старшихъ сестеръ [1], рѣшительнѣе всего свидѣтельствуетъ преступное участіе Софіи въ стрѣлецкомъ бунтѣ. Но дѣла приняли такой оборотъ, что она могла раскаяться въ своемъ желаніи править государствомъ, и ей стоило многихъ трудовъ, чтобы спасти себя, свое семейство, самую церковь отъ тѣхъ опасностей, кои были слѣдствіемъ ея безразсуднаго честолюбія. Одно зло раждало другое. Стрѣльцы, обласканные Правительницею, награжденные отчинами своихъ жертвъ, даже похвальными грамматами и почетнымъ наименованіемъ *надворной пѣхоты*, не знали предѣловъ своеволію: съ шумомъ являлись во дворецъ, спорили съ боярами, требовали новыхъ наградъ, тѣснили гражданъ и готовы были снова взволноваться при первомъ удобномъ случаѣ. Своеволіе ихъ было тѣмъ опаснѣе, что въ то самое время обнаружилось зло инаго рода, грозившее потрясти все госу-

[1] Царицы были: Наталія Кирилловна и Марѳа Матвѣевна (вторая супруга Ѳеодора); тетки: Анна и Татьяна Михайловны; старшія сестры: Евдокія и Марѳа Алексѣевны.

дарство: секта старовѣровъ явно возстала на правительство. Она возникла въ первые годы святительства Никонова, по случаю исправленія церковныхъ книгъ и введенія живописныхъ иконъ. Предшественникъ Никона, патріархъ Іосифъ, замѣтивъ, что рукописныя книги, за недостаткомъ печатныхъ употребляемыя въ церквахъ, наполнены были грубыми ошибками, поручилъ особенной коммиссіи исправить ихъ и напечатать. Выборъ палъ на людей отчасти злонамѣренныхъ, отчасти зараженныхъ предразсудками: то были протопопы Аввакумъ, Стефанъ; попы Лазарь, Никита; діаконы Ѳедоръ и Григорій, знаменитые въ послѣдствіи ересіархи. Частію по суевѣрію, частію по невѣжеству, можетъ быть даже съ умысломъ, они издали бывшіе въ рукахъ ихъ неисправные списки безъ всякихъ поправокъ, включивъ даже нелѣпыя толкованія. Никонъ, принявъ званіе первосвятителя, спѣшилъ перепечатать книги, изданныя при патріархѣ Іосифѣ, по другимъ спискамъ, свѣреннымъ съ текстомъ, и строго наказалъ прежнихъ поправщиковъ. Преданные суровымъ патріархомъ истязанію, разстриженные и изгнанные изъ Москвы, они удалились въ села и деревни, съ злобою въ сердцѣ, и разгласили въ народѣ, что св. вѣра гибнетъ, что Никонъ отступилъ отъ православія. Вопли ихъ поколебали людей суевѣрныхъ: возникла странная секта старообрядцевъ, сперва въ отдаленныхъ лѣ-

сахъ, потомъ обнаружилась въ селахъ и городахъ; она отвергала вмѣстѣ съ исправленными книгами, все, что ни вводилъ Никонъ для благолѣпія церкви и торжественности Богослуженія, живописныя иконы, согласное пѣніе и проч. Порожденная суевѣріемъ и невѣжествомъ, не имѣя ни догматическаго основанія, ни политической цѣли, эта секта не заслуживала названія раскола и слабая въ началѣ, могла быть уничтожена безъ труда мѣрами кротости, или еще скорѣе презрѣніемъ. Никонъ считалъ нужнымъ и возможнымъ истребить ее страхомъ наказанія, и только увеличилъ число людей упорныхъ въ заблужденіи. Лжеучители нашли послѣдователей даже въ духовенствѣ. Соловецкій монастырь, въ послѣдніе годы жизни Царя Алексѣя Михайловича, отрекся отъ повиновенія не только патріарху, но и самому Государю, выдержалъ долговременную осаду и съ трудомъ былъ усмиренъ голодомъ. Вопреки всей строгости мѣръ, принятыхъ Алексѣемъ и Ѳеодоромъ, къ уничтоженію нелѣпаго соблазна, старообрядцы появились и въ Москвѣ. Здѣсь они уже давно имѣли многихъ тайныхъ послѣдователей въ стрѣльцахъ; са́мъ начальникъ ихъ князь Хованскій, человѣкъ весьма ограниченнаго ума, былъ старовѣръ.

Ободренные удачею стрѣлецкаго мятежа, вѣроятно подстрекаемые Хованскимъ, старовѣры спѣшили

воспользоваться слабостію правительства, и въ одинъ день окруживъ Успенскій храмъ, гдѣ патріархъ Іоакимъ совершалъ литургію, требовали торжественнаго пренія о вѣрѣ. Софія, при явной наклонности Хованскаго и многихъ стрѣльцовъ къ мятежу, не имѣя средствъ обуздать крамольниковъ силою и опасаясь возжечь войну междоусобную, рѣшилась обличить лжеучителей въ нелѣпыхъ толкахъ, и принявъ отъ нихъ челобитную, повелѣла патріарху разсмотрѣть ее. Созванъ былъ соборъ изъ высшихъ сановниковъ духовныхъ и свѣтскихъ, подъ предсѣдательствомъ самой Софіи. Начальникамъ старовѣровъ дозволено также явиться въ палату собора. Святители разсмотрѣли каждый пунктъ челобитной и безъ труда опровергли ихъ отъ перваго до послѣдняго. Одинъ изъ ересіарховъ, Никита Пустосвятъ, видя слабость своего ученія, до того озлобился на ревностнаго защитника православія, Аѳанасія епископа Холмогорскаго, что бросился къ нему и едва не задушилъ его. Такое неистовство, при краснорѣчивыхъ укоризнахъ Софіи, воспламенило въ стрѣльцахъ, непричастныхъ соблазну, усердіе къ престолу и образумило многихъ сообщниковъ Никиты, увидѣвшихъ въ немъ безразсуднаго мятежника. Вѣрные долгу стрѣльцы спѣшили переловить его сообщниковъ, кои частію разбѣжались; самъ онъ былъ казненъ.

1682.

Хованскій.

83. Но едва миновала одна опасность, обнаружилась другая: начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Хованскій неумѣреннымъ честолюбіемъ возбудилъ новыя безпокойства. Явнымъ потворствомъ заслуживъ любовь стрѣльцовъ, онъ хотѣлъ самовластія, не слушалъ царскихъ указовъ, грозилъ новыми мятежами и, какъ носилась молва, думалъ даже овладѣть престоломъ. При тогдашнихъ неустройствахъ надлежало всего страшиться. Софія, постигая всю опасность, рѣшилась взять стрѣльцовъ въ свои руки, чтобы избавить государство отъ новыхъ золъ. По обыкновенію, она удалилась въ Троицкій монастырь со всѣмъ царскимъ семействомъ, пригласила Хованскаго съ сыномъ, подъ предлогомъ объясненія по дѣламъ, велѣла схватить ихъ на дорогѣ и отрубить обоимъ головы. Стрѣльцы хотѣли отмстить за смерть своего покровителя и снова произвели мятежъ; но узнавъ, что дружины городовыя, призванныя Царевною, подоспѣли къ ней на помощь, изъявили раскаяніе и выдали главныхъ крамольниковъ. Болѣе другихъ виновные были казнены, прочіе сосланы въ отдаленные города; въ Москвѣ же оставлены только тѣ, на коихъ Софія могла положиться въ случаѣ надобности, и начальство надъ стрѣлецкимъ приказомъ ввѣрено Шакловитому, готовому исполнять всѣ ея желанія. Духъ мятежа такъ несвойственъ Русскому народу, что безпорядки, бывшіе въ Москвѣ, не

1683.
17 Сентября

простирались далѣе столицы и не нарушали спокойствія государства, наслаждавшагося глубокою тишиною. Обуздавъ стрѣльцовъ, Правительница обратила все вниманіе на дѣла внѣшнія, не упуская изъ вида и внутреннихъ. Семилѣтнее господство ея ознаменовано такимъ умомъ, такою заботливостію о лучшемъ порядкѣ суда и расправы, о благоустройствѣ общественномъ, даже о смягченіи народныхъ нравовъ [1], что, казалось, возобновилось мудрое правленіе Алексѣя Михайловича, и Софія могла бы назваться достойною исполнительницею его предначертаній, если бы не преступныя мѣры вручили ей верховную власть.

Московскій договоръ.

84. Польша, какъ и прежде, была главнымъ предметомъ внѣшней политики нашего двора. Софія съ искусствомъ и успѣхомъ пользовалась обстоятельствами времени. Польскій Король Янъ III (Собѣсскій), послѣ неудачной войны съ Турками, начавшейся еще при его предшественникѣ, уступивъ Султану Подолію, жалѣлъ о потерѣ и помышлялъ поправить неудачу. Для этой цѣли онъ заключилъ союзъ съ Императоромъ Леопольдомъ I, также утратившимъ большую часть Венгріи; къ

[1] Главныя узаконенія: 1683 *Сыщиковъ наказъ* для пресѣченія побѣговъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, *Писцовый наказъ* для размежеванія отчинъ и помѣстьевъ; многія дополнительныя къ Уложенію постановленія о судѣ и расправѣ, о помѣстьяхъ, отчинахъ, благочиніи и друг. Она заботилась объ основаніи театра.

союзу ихъ приступила Венеція; сверхъ того папа обѣщалъ вооружить и всю Европу. Положено было напасть на Турцію со всѣхъ сторонъ. Султанъ хотѣлъ уничтожить въ самомъ началѣ всѣ планы союзниковъ рѣшительнымъ ударомъ. Визирь осадилъ Вѣну. Янъ III подоспѣлъ ей на помощь, разбилъ Турокъ на голову подъ стѣнами столицы, вытѣснилъ ихъ изъ Австрійскихъ владѣній, и перенесъ оружіе на берега Дуная въ Молдавію и Валахію. Но вся тяжесть войны пала на него одного: Императоръ помогалъ слабо и даже спорилъ за трофеи Вѣнской побѣды. Утративъ надежду на помощь Нѣмецкихъ войскъ, Король искалъ другихъ союзниковъ, умолялъ всѣхъ Европейскихъ Государей предпринять крестовый походъ, велъ переговоры съ Персидскимъ Шахомъ, болѣе всего желалъ содѣйствія Россіи, которая, по своему положенію и по своимъ средствамъ, могла развлечь силы Султана. Послы его одинъ за другимъ являлись въ Москвѣ съ убѣдительными письмами къ обоимъ Государямъ о союзѣ противъ Турокъ. Правительство наше, послѣ заключенія Бахчисарайскаго договора, не имѣло повода къ разрыву съ Турками, и скорѣе могло желать ослабленія Польши, чтобы тѣмъ легче возвратить Русскія земли за Днѣпромъ, о чемъ заботились всѣ Московскіе Государи отъ Димитрія Донскаго до Ѳеодора Алексѣевича; по крайней мѣрѣ такая полити-

ка была бы согласна съ правилами Варшавскаго двора, который, вопреки договорамъ, не только не помогалъ намъ во время жестокой борьбы съ Турками, но даже хотѣлъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ нашимъ и требовалъ Смоленска, Кіева, со всею Украйною. Но съ другой стороны, Турки, отнявъ у Польши Подолію, могли овладѣть большею частію Литовскаго княжества и приблизиться къ Московскимъ предѣламъ, чего мы постоянно избѣгали при тогдашней силѣ Оттоманской Порты и при неутомимомъ стремленіи Султановъ къ новымъ завоеваніямъ. Кромѣ того, въ награду за содѣйствіе Королю, можно было надѣяться, убѣдить его къ прекращенію всѣхъ притязаній Польши на Смоленскъ, Украйну и Кіевъ, неоднократно возобновлявшихся послѣ Андрусовскаго перемирія. Хотя сіи притязанія не имѣли ни какого вѣса, тѣмъ не менѣе София желала кончить навсегда недоразумѣнія между обоими дворами, какъ для того, чтобы лишить Польшу всякаго повода къ разрыву въ случаѣ войны Россіи съ другими сосѣдями, такъ и для того, чтобы заслужить славу окончанія тридцатилѣтняго спора за Малороссію, изнурившаго государство: она могла пріобрѣсть общее довѣріе и утвердить себя на престолѣ. Дѣйствуя въ такомъ смыслѣ, Царевна не отказывалась отъ союза съ Королемъ, но требовала, чтобы онъ согласился на вѣчный миръ.

Переговоры тянулись около 2 лѣтъ, подъ руководствомъ умнаго вельможи, князя Голицына. Янъ III долго ласкалъ себя надеждою побѣдить нашу непреклонность, наконецъ долженъ былъ согласиться на всѣ требованія Софіи. Послы его заключили
24 Апрѣля. въ Москвѣ въ 1686 году договоръ, коимъ Король отказался навсегда отъ всѣхъ городовъ и земель, уступленныхъ Россіи, до извѣстныхъ сроковъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; сверхъ того обѣщалъ покровительствовать въ своемъ государствѣ послѣдователей православной вѣры.

Крымскіе походы.

85. Исполняя Московскій договоръ и надѣясь блескомъ побѣдъ еще болѣе заслужить общее довѣріе къ своимъ талантамъ, слѣдовательно продлить свое господство, Софія вооружила такое войско, съ какимъ Іоаннъ Грозный завоевалъ Ливонію, Алексѣй все Литовское княжество. Около 200.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Голицына, двинулись на Крымъ, чтобы сокрушить послѣднюю Татарскую орду. Голицынъ два раза предпринималъ походъ и каждый разъ неудачно. Въ пер-
1687. вомъ походѣ, онъ не дошелъ даже до Перекопа: недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, нестерпимый зной, степные пожары принудили его возвратиться безъ боя, съ весьма значительною потерею. Не взирая на явную неудачу, Правительница, вѣрная своему плану, наградила Голицына и другихъ вое-

водъ такъ, какъ прежніе Государи не жаловали за самыя блестящія побѣды. Второй походъ былъ равно безуспѣшенъ. Голицынъ достигъ до Перекопа и сразился съ Татарами; но битва была нерѣшительна; войско, истомленное трудными переходами чрезъ степи, потеряло всю бодрость, и Голицынъ поспѣшилъ возвратиться въ Москву, гдѣ Софія осыпала его новыми наградами. 1689.

Удаленіе Софіи.

86. Петръ доселѣ не принималъ никакого участія въ дѣлахъ правленія; жилъ съ матерью въ селѣ Преображенскомъ, рѣдко являлся въ Москву, единственно для торжественныхъ случаевъ, для пріема пословъ, для праздничныхъ выходовъ; между тѣмъ достигъ совершеннолѣтія, зналъ свои права и требовалъ, чтобы Софія сложила съ себя правленіе; однакожъ тщетно: Царевна упорствовала въ желаніи быть Самодержицею, какъ она стала именовать себя наравнѣ съ обоими Царями, со времени заключенія вѣчнаго мира съ Польшею. Неудача послѣдняго Крымскаго похода была поводомъ къ явному несогласію: Петръ порицалъ всѣ дѣйствія Правительницы, въ особенности неумѣстныя награды. Съ каждымъ днемъ она убѣждалась болѣе и болѣе въ непреклонной волѣ брата вступить въ свои права: онъ потребовалъ наконецъ, чтобы Софія не являлась народу при торжественныхъ выходахъ. Тутъ увидѣла Царевна, 1689. 28 Іюля.

что ей остается или уступить брату, или устранить его самого, и рѣшилась на послѣднее, въ надеждѣ поддержать себя снова стрѣльцами. Шакловитый взялся умертвить Петра, по желанію ли Софіи или безъ вѣдома ея, неизвѣстно. Но злодѣйскій заговоръ былъ открытъ двумя сообщниками Шакловитаго, которые ужаснулись при мысли о цареубійствѣ и съ раскаяніемъ явились въ Преображен-
7 Августа. ское. Петръ удалился въ Троицкую лавру, какъ единственное убѣжище отъ руки злодѣевъ. За нимъ послѣдовали всѣ вѣрные долгу и присягѣ; число ихъ несравненно превосходило число крамольниковъ. Одни стрѣльцы, и то не всѣ, держали сторону Софіи. Москва не думала за нее вооружаться; равнодушіе къ ней было очевидно; оставленная наконецъ почти всѣми, даже родными сестрами и тетками, удалившимися въ Троицкую лавру, Ца-
7 Сентября. ревна смирилась. Петръ заключилъ ее въ Новодѣвичій монастырь, съ торжествомъ вступилъ въ Москву и началъ править государствомъ, не лишивъ Царскаго имени Іоанна, который сохранялъ его до самой смерти (1696), безъ дѣятельнаго впрочемъ участія въ правленіи.

ГЛАВА VIII.

ОЧЕРКЪ РУССКОЙ СТАРИНЫ.

—

87. Конецъ XVII вѣка былъ предѣломъ древняго Русскаго міра: съ наступленіемъ XVIII столѣтія, въ государствѣ Московскомъ, подъ скипетромъ Петра Великаго, начинается новый порядокъ вещей, настаетъ новый міръ; въ княжествѣ Литовскомъ обнаруживается сильное вліяніе Польши. Чтобы понять, въ какомъ состояніи нашелъ свое государство Петръ и какую перемѣну произвели Поляки въ судьбѣ западной Руси, необходимо бросить взглядъ на главныя формы, въ коихъ проявлялась жизнь Русскаго народа въ концѣ XVII вѣка, когда въ восточной Руси она вполнѣ развилась изъ собственныхъ началъ и созрѣла предъ серпомъ Петровымъ, а въ западной, послѣ вѣковаго изнеможенія подъ игомъ Поляковъ, едва не угасла. И какъ жизнь народа, достигшаго извѣстной степени гражданскаго устройства, всегда обнаруживается въ трехъ видахъ, въ государствен- Обозрѣніе.

номъ, общественномъ и частномъ или семейномъ, то слѣдуетъ разсмотрѣть: 1 *жизнь государственную*, или тѣ формы, въ коихъ Русь являлась въ кругу прочихъ державъ, какъ общество гражданское, составленное изъ разныхъ сословій и управляемое верховною властію, на основаніи своихъ законовъ; 2 *жизнь общественную*, или тѣ формы, въ коихъ народъ обнаруживалъ свои промышленныя, умственныя и нравственныя силы; 3 *жизнь частную*, формы домашняго быта каждаго сословія. Предметы перваго отдѣленія суть: 1 верховная власть, 2 церковь, 3 народныя сословія, 4 основные законы, 5 образъ управленія, 6 судъ и расправа, 7 дѣло ратное; предметы втораго отдѣленія: 1 промышленность земледѣльческая, мануфактурная и торговая, 2 монета, мѣра, вѣсъ, 3 науки и художества, 4 языкъ; предметы третьяго отдѣленія: 1 нравы и обычаи, 2 одежда, пища и проч. Подробное развитіе сихъ предметовъ служитъ содержаніемъ особенной науки о *Русскихъ древностяхъ*.

—

I. ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ.

Царь. 88. Въ Россіи верховная власть законодательная, правительственная и судебная сосредоточивалась въ одномъ лицѣ *Государя, Царя и Великаго Князя всея*

Руси. Права неограниченнаго единодержавія установились со времен Іоанна III, уничтожившаго всѣ преграды, кои встрѣчало оно въ удѣльныхъ понятіяхъ и въ притязаніяхъ Хановъ Золотой орды. Не надобно впрочемъ думать, будто сей Государь присвоилъ то, чего не имѣли его предки: какъ при началѣ Руси, такъ и во время господства удѣльной системы, даже подъ игомъ Монгольскимъ, каждый владѣтельный Князь былъ самодержавенъ въ своей отчинѣ, относительно къ подданнымъ; онъ спорилъ за удѣлы съ родственниками, съ равными себѣ Князьями, но не встрѣчалъ совмѣстниковъ ни въ высшихъ сословіяхъ, ни въ городахъ, ни въ духовенствѣ. Іоаннъ наслѣдовалъ туже власть и только расширилъ кругъ ея дѣйствія за предѣлы Московскаго княжества, присоединивъ къ нему отчины другихъ поколѣній Владиміра св. такъ точно, какъ присоединяли ихъ къ своему княжеству Ярославъ I, Владиміръ Мономахъ, Андрей Боголюбскій, Даніилъ Галицкій, Димитрій Донской. Преемники Іоанновы утвердили его великое дѣло, и хотя Василій Шуйскій, вступивъ на престолъ, далъ присягу, въ угожденіе своей партіи, не казнить никого безъ суда боярскаго, не отнимать имѣній у наслѣдниковъ преступника, а Владиславу предписаны были земскою думою многія другія условія; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ выражалось не общее желаніе ограничить верховную власть, а со-

всѣмъ иное побужденіе. Обѣтъ Шуйскаго, исторгнутый немногими лицами, изумилъ всѣ сословія, какъ дѣло неслыханное, и скорѣе повредилъ ему, чѣмъ принесъ пользу. Условія же, предписанныя Владиславу, какъ иноземцу, клонились единственно къ охраненію прежняго порядка вещей: этими условіями земская дума надѣялась спасти то, чѣмъ дорожилъ народъ. Лучшимъ доказательствомъ всеобщаго убѣжденія въ необходимости самодержавія для Россіи служитъ восшествіе на престолъ Михаила Θеодоровича: ему и потомству его государственные чины вручили ту же власть, какую имѣла прежняя династія, безъ всякихъ условій.

Власть Царя.

Государь имѣлъ исключительное, неограниченное право издавать законы, отмѣнять прежнія постановленія, увеличивать подати, распоряжать государственными доходами, воевать и мириться, судить, награждать и наказывать своихъ подданныхъ по произволу. Особа его была священна и неприкосновенна. Иноземцы, бывшіе въ Москвѣ въ XVI и XVII стол., единогласно свидѣтельствуютъ, что Русскіе смотрѣли на Государя, какъ на земнаго Бога, и безропотно исполняли его велѣнія. Впрочемъ несправедливо говорятъ нѣкоторые изъ писателей иностранныхъ, что Русскіе Цари руководствовались однимъ произволомъ: они имѣли неоспоримое право издавать и отмѣнять постановленія, но въ то же

время признавали святость закона, такъ, что ни въ одномъ Европейскомъ государствѣ законъ не имѣлъ болѣе силы, чѣмъ въ нашемъ отечествѣ. — Съ постепеннымъ развитіемъ понятія о самодержавіи, установились исключительныя преимущества верховной власти: титулъ, престолонаслѣдіе, коронація, избраніе супруги, дворъ.

Титулъ.

Московскіе Государи до Іоанна III именовались *Великими Князьями всея Руси.* Іоаннъ установилъ двоякій титулъ, большой и малый; въ первомъ исчислялись всѣ подвластныя ему области такимъ образомъ: «Божіею милостію Великій Государь «Русскія земли, Великій Князь Иванъ Васильевичъ, «Царь всея Руси, Владимірскій, Московскій, Нов«городскій, Псковской, Тверской, Югорской, Вят«скій, Пермскій, Болгарскій и иныхъ»[1]. При каждомъ изъ его преемниковъ царскій титулъ распространялся, по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ земель; при Василіи III прибавлены слова: «Государь и «Великій Князь Новгорода Низовскія земли, Смолен-

1. Іоаннъ III не всегда назывался Царемъ, однакожъ нерѣдко; постоянно же такъ именовался Іоаннъ IV съ 1547 года; примѣру его слѣдовали и преемники до Петра Великаго. Слово *Царь* есть не сокращенное Caesar, а древнее восточное, сохранившееся въ языкѣ Еврейскомъ и введенное къ намъ переводомъ Библіи. Съ этимъ словомъ соединяли у насъ идею самодержавной власти: отъ того въ лѣтописяхъ и государственныхъ актахъ называются Царями Императоры Византійскіе, Ханы Кипчакскіе, Султаны Турецкіе. Западныхъ же вѣнценосцевъ мы называли *Королями.*

«скій, Черниговскій, Рязанскій, Волоцкой, Ржевскій, «Бѣльскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, «Удорскій, Обдорскій, Кондійскій»[1]. При Іоаннѣ IV: «Царь Казанскій, Царь Астраханскій, всея Сибир-«скія земли и сѣверныхъ странъ повелитель и Госу-«дарь Лифляндскія земли.» При Θеодорѣ I: «всея «Русіи Самодержецъ.» При Михаилѣ Θеодоровичѣ, вмѣсто Лифляндскія земли: «Государь Иверскія «земли, Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, «Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ «государствъ Государь и обладатель.» При Алексѣѣ Михайловичѣ: «Государь Царь и Великій Князь «всея Великія, Малыя и Бѣлыя *Россіи*, Литовскій, «Волынскій, Подольскій, Полоцкій, Витебскій, «Мстиславскій .... и иныхъ многихъ государствъ «и земель восточныхъ, западныхъ, сѣверныхъ, «отчичъ, дѣдичъ и наслѣдникъ, Государь и обла-«датель.» Большой титулъ употреблялся преимущественно въ сношеніяхъ съ иноземными Государями, вообще въ дѣлахъ посольскихъ; въ прочихъ случаяхъ, со времени Царя Алексѣя Михайловича, довольствовались словами: «Государь Царь и Великій Князь всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи.»[2].

1. Въ сношеніяхъ съ Австрійскимъ дворомъ Василій называлъ себя Imperator; Цесарь съ своей стороны именовалъ его Keyser. Титулъ Императора давали Короли Англійскій и Французскій Іоанну IV Θеодору I и Михаилу Θеодоровичу.

2. Слово *Россія* встрѣчается въ государственныхъ актахъ и прежде Алексѣя Михайловича, именно при Борисѣ Годуновѣ, но не столь

Престолонаслѣдіе.

Порядокъ престолонаслѣдія основанъ былъ на правѣ первородства въ прямой низходящей линіи; онъ установился также со временъ Іоанна III, принявшаго кореннымъ закономъ, что державная власть переходитъ отъ отца къ сыну и притомъ должна быть нераздѣльною. Мысль о естественномъ правѣ сына на отцовское достояніе обнаруживалась и прежде, съ самаго начала Руси; но два обстоятельства препятствовали ея развитію: отъ незрѣлости гражданскихъ понятій думали, что старшій въ семействѣ, дядя имѣетъ всегда преимущество предъ младшимъ, племянникомъ, и что въ отцовскомъ достояніи каждый сынъ долженъ имѣть свою часть и притомъ равную. Понятія о первородствѣ, о старѣйшинствѣ, о равенствѣ всѣхъ сыновей, сталкивались одно съ другимъ и порождали непрерывныя междоусобія. Въ домѣ Іоанна Калиты, частію отъ политики Князей, частію отъ случайныхъ обстоятельствъ, право старѣйшинства было устранено, и верховная власть переходила отъ отца къ дѣтямъ, съ тѣмъ однакожъ, что старшій сынъ Великаго Князя наслѣдовалъ титулъ и большую часть городовъ отцовскихъ, а младшіе сыновья

постоянно; чаще писали *Государство Московское*. По всей вѣроятности, оно введено первоначально старинными филологами нашими, которые, основываясь на Греческомъ произношеніи *Росъ*, стали употреблять его въ актахъ церковныхъ, откуда оно перешло и въ государственные. Въ 16 вѣкѣ Герберштейну говорили, что *Россія* есть настоящее названіе страны, обитаемой Русскимъ народомъ.

получали особенные удѣлы, съ правомъ самостоятельнаго господства и съ непремѣнною обязанностію признавать Великаго Князя общимъ судьею и миротворцемъ. Такой порядокъ престолонаслѣдія обнаруживалъ болѣе зрѣлыя понятія о верховной власти; но для поддержанія его, для единства государственнаго, надобно было отнимать удѣлы у боковыхъ линій, и жестокая борьба Василія Темнаго съ двоюродными братьями могла нѣсколько разъ повториться, еслибы Іоаннъ не успѣлъ установить кореннымъ закономъ нераздѣльность самодержавія въ прямой низходящей линіи. Василій Іоанновичъ могъ передать престолъ трехлѣтнему сыну, уже безъ всякаго прекословія со стороны братьевъ. Совершеннолѣтіе Наслѣдника считалось съ 15 лѣтъ. Въ случаѣ малолѣтства преемника, для управленія государствомъ, Царь назначалъ верховную думу или регенство изъ ближайшихъ родственниковъ и знатнѣйшихъ вельможъ.

Коронація. Со времени Іоанна III, каждый новый Государь, исключая сына его Василія, чрезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, *вѣнчался на царство.* Нѣтъ сомнѣнія, что и прежде Князья, принимая верховную власть, освящали свое право торжественнымъ обрядомъ: по свидѣтельству лѣтописей, многіе изъ нихъ, при занятіи великокняжеской столицы, были встрѣчаемы духовенствомъ со кре-

стомъ и св. иконами, шли прямо въ соборную церковь, брали съ народа присягу и садились на *столъ отнъ и дѣдинъ* (на престолѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ). Подъ владычествомъ Монголовъ, Князья Московскіе объявляемы были Великими Князьями всея Руси въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ. Но торжество въ подобныхъ случаяхъ до конца XV вѣка ограничивалось, кажется, благословеніемъ митрополита и народною присягою. Іоаннъ III установилъ обрядъ коронаціи, впервые совершенный надъ внукомъ его Димитріемъ и въ послѣдствіи дополненный его преемниками. Сей обрядъ происходилъ въ 1498 году такимъ образомъ:

Въ назначенный день, Государь, сопровождаемый дворомъ, ввелъ пятнадцатилѣтняго Димитрія въ церковь Успенія Богородицы, гдѣ приготовленъ былъ амвонъ съ тремя сѣдалищами для Государя, преемника и митрополита. Близъ амвона стоялъ налой, на коемъ лежали вѣнецъ и бармы Мономаховы [1]. Послѣ молебна Богоматери и св. чудотворцу Петру, Іоаннъ и митрополитъ сѣли; Димитрій стоялъ на высшей ступени. Государь, обратясь къ митрополиту, сказалъ, что предки его искони давали великое княжество первороднымъ сыновьямъ своимъ, что онъ также благословилъ старшаго сына своего

1. Бармы составляли украшеніе изъ золотыхъ цѣпей и дорогихъ каменьевъ, съ священными изображеніями; они покрывали грудь и плеча.

(Іоанна Младаго); но какъ его не стало, то благословляетъ внука великимъ княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ; въ заключеніе требовалъ благословенія первосвятителя. Митрополитъ велѣлъ Князю вступить на амвонъ, осѣнилъ его крестомъ и положивъ руку на главу его, громко молилъ о благодати Всевышняго. Архимандриты подали бармы. Іоаннъ принялъ ихъ изъ рукъ митрополита и возложилъ на внука; потомъ надѣлъ на него вѣнецъ. Послѣ многолѣтія, Димитрій принималъ поздравленія сперва духовенства, потомъ бояръ и другихъ сановниковъ; слушалъ литургію, ходилъ въ вѣнцѣ и бармахъ на поклоненіе св. иконамъ и мощамъ, также праху предковъ, въ храмы Архангельскій и Благовѣщенскій. При выходѣ изъ Успенскаго собора, сынъ Іоанновъ Юрій осыпалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными монетами. Великолѣпный пиръ и дары заключили торжество.

Іоаннъ Грозный вѣнчался на царство почти съ тѣми же обрядами, какъ и Димитрій. Коронація Ѳеодора Іоанновича была торжественнѣе: митрополитъ вручилъ ему *скипетръ*, помазалъ св. мѵромъ и пріобщилъ св. таинъ; сверхъ того говорилъ рѣчь, въ коей напоминалъ главныя обязанности вѣнценосца: хранить законъ и царство; имѣть духовное повиновеніе къ святителямъ и вѣру къ

монастырямъ; уважать бояръ и ихъ родовое старѣйшинство. Въ тотъ же день объявлены многія милости. Вѣнчаніе Өеодора служило образцемъ для его преемниковъ.

Форма народной присяги на вѣрность новому Государю установлена Борисомъ Годуновымъ: всѣ чины клялись предъ иконою Владимірскою служить вѣрою и правдою Царю, Царицѣ и дѣтямъ ихъ; не измѣнять имъ ни словомъ, ни дѣломъ; не вредить ни зеліемъ, ни чародѣйствомъ; доносить о всякихъ скопахъ и заговорахъ; не уходить въ чужія земли.

Избраніе супруги.

Во времена удѣльныя Князья избирали себѣ невѣстъ преимущественно изъ княжескихъ и другихъ владѣтельныхъ домовъ: одни женились на Русскихъ княжнахъ; другіе на Греческихъ царевнахъ; третьи на Польскихъ принцессахъ, даже на дочеряхъ Половецкихъ Хановъ. Государи Московскіе слѣдовали тому же правилу до Великаго Князя Василія Іоанновича, который впервые отступилъ отъ господствовавшаго обыкновенія: онъ и преемники его до конца XVII вѣка избирали себѣ невѣстъ изъ класса подданныхъ [1]. Выборъ Государ-

1. Симеонъ Гордый женатъ былъ на Маріи, княжнѣ Тверской; Іоаннъ II на Өеодосіи, княжнѣ Брянской; Димитрій Донской на Евдокіи, княжнѣ Нижегородской; Василій I на Софіи, дочери Витолда; Василій II на Маріи, княжнѣ Боровской; Іоаннъ III сперва на Маріи, княжнѣ Тверской, потомъ на Софіи, царевнѣ Греческой; Василій III

ревой невѣсты производился обыкновенно, впрочемъ не всегда, изъ числа многихъ дѣвицъ. Для этой цѣли, по царскому указу, дворяне знатные и незнатные привозили въ Москву къ назначенному сроку своихъ дочерей; здѣсь онѣ представлялись Государю, который смотрѣлъ болѣе на личныя достоинства, чѣмъ на знатность рода, и означалъ свой выборъ, вручая платокъ той, которая болѣе другихъ ему нравилась.

Дворъ. По единогласному свидѣтельству иноземныхъ наблюдателей, царскій дворъ въ концѣ XVII столѣтія, не уступая ни одному изъ дворовъ Европейскихъ въ многолюдствѣ, въ богатствѣ, великолѣпіи, отличался отъ нихъ восточною пышностію и особеннымъ этикетомъ. Московскій этикетъ, вопреки мнѣ-

на Соломоніи, дочери простаго дворянина Сабурова; по разводѣ съ нею, на Еленѣ, дочери Литовскаго выходца Василія Глинскаго; Іоаннъ Грозный, по смерти первой супруги Анастасіи Романовны, дочери окольничаго Романа Юрьевича Захарьина, на Маріи, дочери Черкасскаго князька Темгрюка; въ третьемъ бракѣ на Марѳѣ, дочери Новгородскаго купца Собакина; въ четвертомъ на Аннѣ, дочери незнатнаго сановника Колтовскаго; въ пятомъ на Аннѣ Васильчиковой; въ шестомъ на Василисѣ Мелентьевой, въ седьмомъ на Маріи, дочери незнатнаго сановника Ѳедора Нагаго; Ѳеодоръ I на Иринѣ Годуновой; Борисъ на Маріи Скуратовой; Василій Шуйскій на княжнѣ Буйносовой Ростовской; Михаилъ Ѳеодоровичъ сперва на княжнѣ Долгорукой Маріи Владиміровнѣ; потомъ на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрешневой; Алексѣй Михайловичъ на Маріи Ильиничнѣ Милославской, по смерти ея на Наталіи Кирилловнѣ Нарышкиной; Ѳеодоръ Алексѣевичъ на Агаѳіи Семеновнѣ Грушецкой, по смерти ея на Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной; Іоаннъ Алексѣевичъ на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой. Первою супругою Петра Великаго была Евдокія Ѳедоровна Лопухина.

нію нѣкоторыхъ писателей, былъ не подражаніемъ Сарайскому, а слѣдствіемъ политики Іоанна III и постепеннаго развитія идеи о самодержавіи. Монголы не произвели замѣчательныхъ перемѣнъ въ устройствѣ великокняжескаго двора: какъ при нихъ, такъ и до нихъ, царедворцы въ собственномъ смыслѣ были немногочисленны; лица, окружавшія Великаго Князя, составляли въ одно время и дворъ его, и совѣтъ, и войско; должности гражданскія не различались рѣзкою чертою отъ придворныхъ. Исключительныя званія царедворцевъ съ опредѣленными преимуществами, съ извѣстною степенью въ разрядѣ гражданскихъ сановниковъ, установлены Іоанномъ III, который, вскорѣ послѣ брака съ царевною Софіею, учредилъ санъ конюшаго, ясельничаго, постельничаго, казначея. Уже одно соображеніе времени даетъ поводъ предполагать, что сей умный Государь подражалъ не Сарайскимъ Ханамъ, а Греческимъ Императорамъ. Сходство многихъ чиновъ Московскихъ съ Византійскими, въ особенности же самыхъ обрядовъ придворныхъ, подтверждаетъ эту догадку. Преемники Іоанновы понимали его мысль, увеличивали число должностей и уже къ концу XVI вѣка образовали дворъ многочисленный, во многомъ сходный съ Византійскимъ.

Въ XVII столѣтіи онъ состоялъ изъ множества сановниковъ, коихъ вообще можно раздѣлить, по

различію обязанностей, на три главные разряда: одни имѣли подъ своимъ надзоромъ отдѣльныя части дворцоваго вѣдомства; другіе исправляли разныя должности при особѣ Государя; третьи составляли почетную стражу и прислугу. Къ первому разряду относились: 1, *дворецкій*, главный начальникъ дворцоваго приказа и зависѣвшихъ отъ него царскихъ волостей и селъ: соединяя въ лицѣ своемъ обязанности нынѣшняго оберъ-гофмаршала и министра Императорскаго двора, онъ имѣлъ надзоръ вообще надъ всѣми царедворцами и въ особенности надъ лицами, управлявшими отдѣльными частями, изъ коихъ *степенные ключники* завѣдывали дворами сытнымъ, кормовымъ, хлѣбеннымъ; *дворцовые стряпчіе* царскимъ погребомъ; *казначей* — казною и сокровищами; *оружейничій* — царскимъ оружіемъ; *шатерничій* — всѣмъ, что относилось до украшенія царскихъ палатъ; *истопничій* наблюдалъ за чистотою и порядкомъ внутри дворца. 2, *конюшій* (оберъ-шталмейстеръ) начальствовалъ надъ обширнымъ вѣдомствомъ, конюшеннымъ приказомъ, и приписанными къ оному землями и волостями; помощникомъ ему служилъ *ясельничій*; въ вѣдѣніи его находились *столповые прикащики*, смотрители царскихъ конюшенъ; *стремянные конюхи* (берейторы), *возницы*, и проч. 3, *сокольничій* и 4, *ловчій* управляли двумя отдѣльными, также значительными въ старину частями, соколиною и звѣриною охотою. — Изъ ца-

редворцевъ, исправлявшихъ при особѣ Государя разныя должности, замѣчательны: 1, *кравчій*, одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ, главный надзиратель всего, что относилось до царскаго стола; 2, *чашникъ* наблюдалъ за добротою царскихъ напитковъ; 3, *постельничій* за Государевою опочивальнею; 4, *стряпчіе* имѣли въ своемъ вѣдѣніи царскую шапку, рукавицы, посохъ и проч; 5, *стряпчіе съ ключемъ* держали ключъ отъ царскихъ покоевъ; 6, *рынды* стояли обыкновенно близъ трона во время торжественныхъ случаевъ. — Лица, неисправлявшія при дворѣ опредѣленной должности, служившія отчасти стражею, и во время похода составлявшія собственный царскій полкъ, имѣли званіе *стольниковъ*. При торжественныхъ пиршествахъ, они ставили на царскій столъ кушанья и снимали ихъ; угощали пословъ; сопутствовали Государю во время путешествій и походовъ; многіе сверхъ того назначались въ разныя гражданскія и военныя должности, воеводами въ города, начальниками отрядовъ, посланниками, гонцами и проч. Наконецъ при дворѣ находилось множество *дворянъ* и *жильцевъ*, людей благороднаго званія, присылаемыхъ изъ городовъ поочередно, для охраненія особы Государя, для большей пышности двора и для исправленія разныхъ должностей.

Пышность Русскаго двора болѣе всего обнаруживалась при торжественномъ пріемѣ пословъ ино-

земныхъ. Дворецъ наполнялся, кромѣ царедворцевъ, государственными сановниками. Всѣ они являлись въ богатыхъ парчевыхъ и бархатныхъ кафтанахъ, въ высокихъ собольихъ и чернолисьихъ шапкахъ. Нерѣдко присутствовало высшее духовенство и почетное купечество. Царь сидѣлъ на серебряномъ тронѣ, въ одеждѣ, облитой золотомъ, унизанной драгоцѣнными каменьями, съ короною на головѣ, съ скипетромъ въ одной рукѣ, съ державою въ другой. По сторонамъ его стояли рынды, въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, въ высокихъ шапкахъ, съ золотыми на груди цѣпями, висящими крестообразно, съ сѣкирами на плечѣ, изъ Дамасской стали, остреемъ вверхъ. Вдали отъ трона, по обѣимъ сторонамъ пріемной палаты, сидѣли патріархъ, митрополиты, архіепископы, бояре и другіе знатные сановники. Посолъ долженъ былъ нѣсколько разъ кланяться и, привѣтствуя Государя, неоднократно повторять весь царскій титулъ. По окончаніи аудіенціи, онъ былъ угощаемъ во дворцѣ (или на дворѣ посольскомъ) роскошнымъ пиромъ, который часто продолжался отъ полудня до вечера. Обиліе яствъ и напитковъ, груды серебра и золота, блестящій нарядъ царедворцевъ, торжественность, съ коею Государь угощалъ гостей, все приводило иностранцевъ въ изумленіе.

Вел. Князь Литовскій.

89. Въ Литовскомъ княжествѣ, при первомъ образованіи его Гедиминомъ, Олгердомъ и Витол-

домъ, верховная власть законодательная, правительственная и судебная, сосредоточивалась такъ же, какъ и въ Московскомъ государствѣ, въ одномъ лицѣ Великаго Князя, имѣвшаго неограниченное право мира и войны, суда и расправы, награжденія и наказанія. Со времени несчастнаго союза съ Польшею, дѣла приняли иной оборотъ. — Когда Ягелло вступилъ на престолъ Пястовъ, въ Польскомъ королевствѣ обнаружились всѣ признаки грядущаго безначалія: магнаты уже предписывали условія Королю и присвоили себѣ многія изъ правъ его. Ягелло не только не думалъ объ усиленіи королевской власти, къ чему тогда стремились всѣ Европейскіе Государи, но и въ наслѣдственномъ княжествѣ вводилъ Польскій образъ правленія. Къ этому странному поступку побуждали его два главныя обстоятельства: ревность къ обращенію Русскаго народа, ему подвластнаго, въ Латинскую вѣру и стараніе удержать Литовское княжество, отторгаемое Витолдомъ и Свитригайломъ, за своимъ родомъ. Для достиженія той и другой цѣли, онъ старался уравнять оба народа во всѣхъ правахъ гражданскихъ. Первый шагъ былъ сдѣланъ: преемники его уже не въ силахъ были удержать порывовъ безначалія. Все, что отнимали у Короля Поляки, распространялось и на Литовское княжество: Поляки же не знали мѣры необузданному своеволію; и хотя Литовскіе чины нерѣдко чужда-

лись заносимыхъ изъ Польши нововведеній, несогласныхъ съ Русскимъ характеромъ, съ Русскимъ образомъ мыслей, въ особенности съ Русскими понятіями о необходимости самодержавія; но Польскій сенатъ постоянно былъ вѣренъ правилу уравнивать оба народа, чтобы тѣмъ крѣпче соединить ихъ. Отъ того Польская зараза распространялась и усиливалась въ Литовскомъ княжествѣ при каждомъ новомъ Королѣ: ибо каждый потомокъ Ягелла упускалъ болѣе и болѣе королевскихъ правъ изъ рукъ своихъ. При Ягеллѣ начались сеймы изъ высшихъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ, для сужденія о дѣлахъ государственныхъ; при сынѣ его Казимирѣ установились сеймики, посылавшіе на общій сеймъ своихъ депутатовъ, изъ мелкаго дворянства, безъ согласія коихъ Король не могъ ни на что важное рѣшиться; при Александрѣ, сынѣ Казимировомъ, дворянство захватило въ свои руки большую часть королевскихъ помѣстьевъ и лишило Короля обильнаго источника силы; при Сигизмундѣ I оно уже спорило съ Королемъ о правѣ войны и налога; при Сигизмундѣ Августѣ стало вмѣшиваться въ семейныя дѣла своего Государя, съ угрозою требуя развода съ Королевою; Генриху Валуа были предписаны многія условія, съ объявленіемъ, что если онъ не исполнитъ ихъ, Поляки вольны сложить съ себя подданство; Сигизмундъ III былъ судимъ сеймомъ, призналъ себя

виновнымъ и положивъ начало конфедераціямъ, или возстанію дворянства противъ Короля и сената, велъ съ ними войны и заключалъ договоры, какъ съ сосѣдними державами; наконецъ при Янѣ Казимірѣ получило силу закона liberum veto, или право каждаго сеймоваго депутата уничтожать постановленіе цѣлаго сейма однимъ словомъ: *не позволяю.* Послѣ такихъ ударовъ, власть королевская разрозпилась, ослабѣла и къ концу XVII вѣка совершенно изнемогла. Король сталъ не верховнымъ повелителемъ, въ коемъ сосредоточивались всѣ пружины власти, какъ было прежде, а высшимъ сановникомъ, коему подданные предписывали законы даже въ семейной жизни его. Утративъ право издавать законы, судить преступленія, распоряжать и господствовать, онъ отличался отъ подданныхъ только тѣмъ, что, по древнему обыкновенію, имѣлъ королевскій титулъ, вступая на престолъ, совершалъ обрядъ коронованія, окружалъ себя многочисленнымъ дворомъ, предсѣдательствовалъ въ сенатѣ, раздавалъ званія и награды, отъ своего имени обнародывалъ законы, вообще сохранялъ наружные признаки верховной власти; но существенныхъ, королевскихъ правъ ея не имѣлъ: они были у него исторгнуты и достались отчасти сейму, отчасти сенату, еще болѣе дворянству. Въ Польшѣ не было средоточія, которое находимъ и въ республикахъ; тамъ все было въ раздорѣ и

разладѣ: даже Королевы постоянно спорили съ Королями.

Одною изъ главныхъ причинъ ослабленія королевской власти былъ безпорядокъ въ престолонаслѣдіи. Уже при Ягеллѣ было принято за правило, что Король при жизни своей не можетъ назначить себѣ преемника и что государственные чины изберутъ изъ его фамиліи достойнѣйшаго. Такое правило влекло за собою множество неустройствъ; по крайней мѣрѣ еще знали, гдѣ искать новаго Короля. По пресѣченіи же династіи Ягеллоновой, послѣдняя надежда на лучшее престолонаслѣдіе изчезла: Поляки стали избирать Королей изъ разныхъ домовъ чужеземныхъ, скликали кандидатовъ, предлагали имъ условія, раздѣлялись на партіи, ссорились и нерѣдко рѣшали свои споры саблями, дозволяя во тоже время вмѣшиваться въ свои дѣла иноземцамъ.

Ничто не можетъ сравниться съ тѣми бѣдствіями, кои испытало вмѣстѣ съ Польшею Литовское княжество, съ постепеннымъ ослабленіемъ верховной власти. Законъ былъ безсиленъ: ибо некому было охранять святость его. Каждый шляхтичъ считалъ себя вправѣ издавать и отвергать законы. Нельзя однакожъ не замѣтить, что Литовско-Русскіе чины только по сцѣпленію многихъ запутанныхъ обстоя-

тельствъ, допустили противъ воли водвориться въ ихъ отечествѣ Польскому безначалію: нѣсколько разъ, какъ уже неоднократно мы видѣли, они старались разорвать тягостный союзъ съ Польшею, поручая судьбу свою Московскимъ Государямъ.

II. ЦЕРКОВЬ.

90. Церковь установилась въ нашемъ отечествѣ на прочномъ основаніи, въ стройномъ видѣ, вскорѣ по введеніи христіанства въ Русскую землю. Въ Византіи, откуда мы заимствовали св. вѣру, церковное устройство вполнѣ было опредѣлено задолго до крещенія Руси: главные вопросы, такъ часто и такъ продолжительно колебавшіе умы на западѣ, о догматахъ и обрядахъ, о правахъ и обязанностяхъ духовенства, объ отношеніяхъ его къ міру и верховной власти, на востокѣ, въ Византіи, давно были рѣшены св. Отцами, исполненными глубокаго смысла, истиннаго благочестія. Мы приняли церковь въ прекрасномъ образѣ, какъ благодать Неба, какъ мирную наставницу, кроткую въ душѣ, понятную уму и сердцу, съ величественнымъ глаголомъ Славянскимъ: мы встрѣтили ее радостно и полюбили, какъ мать родную. Установленіе ея.

Въ первоначальномъ видѣ, она установилась по образцу Византійской. Греческіе святители принесли намъ свои догматы и обряды, ввели торжественное велелѣпіе Богослуженія, образовали іерархію; въ послѣдствіи сообщили уставы монастырскіе и Кормчую книгу или собраніе правилъ св. Отцевъ и соборовъ по дѣламъ церковнымъ. Единовѣріе и единомысліе поддерживалось особенно тѣмъ, что митрополиты всея Руси и епископы, до конца XIII вѣка, были большею частію Греки [1]. При такомъ образованіи, церковь наша составляла нераздѣльную часть православной вселенской, и Русь считалась въ числѣ екзархій, подвластныхъ Византійскому патріарху, который сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ верховную власть духовнаго суда, разрѣшалъ недоумѣнія и посвящалъ митрополитовъ. При всемъ томъ Російская церковь была болѣе въ союзѣ съ Византійскою, чѣмъ въ зависимости. Три обстоятельства, опредѣленныя при самомъ началѣ, утверждали ея самостоятельность: 1, патріархъ могъ назначить и посвятить митрополита не иначе, какъ съ согласія Великаго Князя; 2, не вмѣшивался въ дѣла нашей церкви, если мы не обращались къ его суду; 3, Русскіе епископы имѣли право посвятить митрополита, избраннаго Великимъ Княземъ,

1. По счету митрополита Евгенія до перенесенія митрополіи изъ Кіева въ Владиміръ на Клязмѣ въ 1299 году, было у насъ 25 митрополитовъ; въ томъ числѣ, Грековъ 18, Русскихъ 5, неизвѣстныхъ 2.

не требуя согласія Патріаршаго. Сами Византійскіе первосвятители признавали самостоятельность нашего митрополита, присылая къ нему грамматы не за восковою печатью, а за свинцовою: эту честь они оказывали только владѣтельнымъ особамъ.

Русское духовенство.

Такимъ образомъ первосвятителемъ Россійской церкви, въ точномъ значеніи слова, былъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Онъ завѣдывалъ общими дѣлами, наблюдалъ за чистотою вѣры, за точнымъ исполненіемъ уставовъ, посвящалъ епископовъ и только въ особенныхъ случаяхъ обращался къ суду Византійскаго патріарха. Вторую степень послѣ него занимали епископы, управлявшіе дѣлами своихъ епархій, коихъ въ началѣ было 6: Кіевская, Новгородская, Ростовская, Владимірская на Волыни, Бѣлгородская и Черниговская. Епископы были избираемы Князьями съ епархіальнымъ духовенствомъ; посвящались митрополитомъ и вмѣстѣ съ нимъ составляли освященный соборъ. Подвѣдомственное имъ духовенство раздѣлялось также по образцу Византійскому, только съ меньшимъ числомъ степеней и сановниковъ.

Первые Князья христіанскіе даровали духовенству важныя преимущества, содѣйствовавшія прочному утвержденію церкви: со временъ Владиміра св. и Ярослава, оно имѣло свой судъ, независи-

мый отъ свѣтскаго; пользовалось всѣми доходами съ данныхъ ему земель; не платило податей и налоговъ; имѣло право разбирать преступленія противъ вѣры и благоправія, семейственные союзы; наблюдало наконецъ за торговыми мѣрами и вѣсами. Руководствомъ по управленію дѣлъ церковныхъ была принята Кормчая книга, дополненная постановленіями соборовъ, бывшихъ въ Россіи.

Отношенія къ власти верховной.

Заключая въ самомъ началѣ всѣ условія благоустроеннаго общества, гдѣ каждый членъ имѣлъ опредѣленный кругъ, гдѣ все было въ тѣсномъ союзѣ и, при строгой подчиненности, сосредоточивалось къ одной цѣли, Русское духовенство находилось въ самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ къ верховной власти и къ міру. Митрополитъ и епископы, зная свои права и обязанности, такъ хорошо опредѣленныя въ Византіи, болѣе всего заботились о православіи народномъ, о чистотѣ св. вѣры, о неизмѣняемости уставовъ, о строеніи церкви, и только по желанію, по призыву Князей, принимали участіе въ дѣлахъ государственныхъ. Въ двухъ единственно случаяхъ они выходили на сцену міра и всегда къ чести своего сана: они являлись или умными совѣтниками Государей, или кроткими миротворцами въ княжескихъ распряхъ, и никогда не спорили о предѣлахъ власти свѣтской и духовной: ибо одна не сталкивалась съ другою. Брани

удѣльныя не могли разъединить церкви или поставить ее въ разладъ съ властію: подъ громомъ междоусобій, она наслаждалась тишиною, принимала въ свои нѣдра людей, утомленныхъ распрями, и нерѣдко мирила озлобленныхъ родственниковъ. Еще болѣе услугъ оказала церковь Государямъ и отечеству, еще тѣснѣе соединилась съ обществомъ, во время Монгольскаго владычества. Ханы Золотой орды, понимая всю важность духовенства, оказывали ему явное уваженіе, въ надеждѣ склонить его на свою сторону, чтобы тѣмъ спокойнѣе господствовать надъ Русью: служители церкви были избавлены отъ податей и разныхъ повинностей; земли ихъ отъ оброка. Эта мѣра только содѣйствовала размноженію духовнаго сословія и усиливала его вліяніе на дѣла міра, ко вреду Монголовъ. Во всѣхъ концахъ Руси возникли монастыри; уже при самомъ введеніи христіанской вѣры, составились братства изъ благочестивыхъ отшельниковъ, возненавидѣвшихъ суету міра и устроившихъ обители по уставу Студійскаго монастыря; внутреннія междоусобія размножили эти братства; при Монголахъ число ихъ увеличилось.[1] Иноки, воспламе-

1. Древнѣйшими монастырями, основанными при первыхъ Князьяхъ христіанскихъ, считаются: Кіево-Выдубицкій, Кіевозлатоверхомихайловскій, Кіевопечерская лавра, Юрьевъ Новгородскій и Новоторжскій: они возникли въ XI ст.: въ XII основанъ 41 монастырь, въ томъ числѣ Антоніевъ Новгородскій, Авраамiевъ Смоленскій, Боголюбовъ Владимірскій, Хутынь Новгородскій; въ XIII, 22, между прочими

няемые благочестивою ревностію, ободряли унывшій народъ, поддерживали духъ крѣпости и мужества, смотрѣли на Монголовъ, какъ на злодѣевъ Русской земли, вписывали въ хартіи бѣдствія отечества на память вѣкамъ, и между тѣмъ, какъ святители всѣми силами поддерживали родившуюся въ умѣ Іоанна Калиты мысль о единодержавіи, они при первой борьбѣ съ Монголами, благословляли народъ на брань священную.

Отношенія къ міру.

Столь же благодѣтельны были отношенія Россійской церкви къ міру: чуждая духа нетерпимости, она исподоволь, мѣрами кротости и убѣжденія, разливала свѣтъ религіи во всѣхъ странахъ, гдѣ Русскіе Князья утверждали власть свою, и принимала подъ кровъ свой покоренныхъ язычниковъ безъ трудной борьбы, безъ насилія. Такъ крещена была страна Суздальская и Пермская, первая при Юріи Долгорукомъ, вторая при Димитріи Донскомъ; въ той и другой возникали храмы прежде, чѣмъ появлялись города и села. Міряне видѣли въ служителяхъ церкви людей благочестивыхъ, не зара-

Великоустюжскій, Отрочь, Даниловъ, Богоявленскій Московскій; въ XIV, 80, въ томъ числѣ Святогорскій, Псковскій, Валаамскій, Ипатьевъ, Троицкая Сергіева лавра, Евѳиміевъ Суздальскій, Андроніевъ, Борисоглѣбскій Ростовскій, Чудовъ, Симоновъ, Савинъ Сторожевскій, Кириллобѣлозерскій, Макаріевъ Желтоводскій; въ XV, 70, въ томъ числѣ Лужецкій, Соловецкій, Вяжицкій, Колязинъ, Печерскій Псковскій, Волоколамскій.

женныхъ ни духомъ любостяжанія, ни жестокимъ фанатизмомъ, говорившихъ языкомъ понятнымъ и не чуждыхъ общества, съ коимъ они соединялись узами родства кровнаго: бракъ былъ непремѣннымъ условіемъ бѣлаго духовенства. Кромѣ того, міряне находили въ пастыряхъ церкви разумныхъ совѣтниковъ: при постоянныхъ сношеніяхъ съ Византіею, духовенство обладало многими, весьма важными для того времени, свѣдѣніями: знало силу цѣлебныхъ травъ, занималось врачеваніемъ, могло разрѣшать вопросы людей любопытныхъ о чуждыхъ странахъ, о необыкновенныхъ явленіяхъ природы и о дѣлахъ старины отдаленной.

Четыре вѣка съ половиною устроивалась наша церковь, представляя утѣшительное явленіе: извнѣ она была спокойна, огражденная крѣпкою властію Князей отъ излишнихъ притязаній Византійскихъ патріарховъ, тѣмъ менѣе доступная Римскому папѣ, уважаемая самими Монголами; внутри наслаждалась глубокою тишиною: ее не возмущали ни секты, ни споры духовной власти съ мірскою, ни даже богословскія пренія, свойственныя Греческому духовенству, несродныя Русскому, которое всегда ихъ чуждалось. Іерархія наша образовала общество благоустроенное, покорное верховной власти, крѣпкое и нераздѣльное по составу своему. Раздѣленіе Іерархіи.

Въ такомъ положеніи была наша церковь, когда Русь раздѣлилась на двѣ системы, на восточную и западную. Съ постепеннымъ образованіемъ двухъ самостоятельныхъ государствъ, возникли двѣ независимыя одна отъ другой митрополіи, Московская и Кіевская. Начало раздѣленію іерархіи положено при митрополитѣ Фотіи въ 1416 году, когда Витолдъ принудилъ епископовъ западной Руси избрать въ Кіевскіе митрополиты Григорія Цимвлака; послѣ Флорентійскаго собора раздѣленіе утвердилось [1]. Съ тѣхъ поръ церковь испытала туже участь, какую имѣли всѣ элементы Русской жизни: въ Московскомъ государствѣ, неуклонно слѣдуя первоначальному назначенію своему, она еще тѣснѣе прежняго соединилась съ обществомъ и получили лучшее устройство, примѣровленное къ потребностямъ вѣка и народа, не измѣнивъ главнымъ основаніямъ своимъ; въ Литовскомъ княжествѣ, поставленная въ невыгодныя отношенія къ міру и верховной власти, она испытала жестокое гоненіе подъ игомъ иновѣрцевъ.

Митрополія Московская.

Московскіе Государи весьма хорошо понимали все, чѣмъ обязана была Русь св. вѣрѣ: они пом-

1. Къ Московской митрополіи въ началѣ раздѣленія іерархіи причислялись епископства: Новгородское, Черниговское, Суздальское, Ростовское, Владимірское, Переяславское, Бѣлгородское, Юрьевское, Рязанское, Тверское, Сарское, или Сарайское.

нили, что церковь спасла самобытность народную, что въ нѣдрахъ ея являлись великіе мужи, которые облегчали отечеству цѣпи рабства, поддерживали единовластіе и служили для мірянъ примѣромъ доброй нравственности. Видя въ церкви священный залогъ бытія народнаго, главный источникъ общественнаго благоустройства и образованія, они старались поставить ее на высокую степень, жаловали духовенству всѣ возможныя льготы; въ тоже время строго смотрѣли за порядкомъ церковнаго управленія, за чистотою вѣры, и тщательно берегли свое право на власть самодержавную, неограниченную.

Государи изъ дома Іоанна Калиты подтвердили духовенству всѣ прежнія права его и увеличили ихъ новыми значительными преимуществами. Митрополиты стали дѣятельнѣе прежняго участвовать совѣтами въ дѣлахъ государственныхъ; благочестивые Цари наши не предпринимали ничего важнаго, не спросивъ мнѣнія первосвятителя, имѣя впрочемъ право согласиться съ нимъ и не согласиться. Это участіе обнаружилось при Іоаннѣ Калитѣ, усилилось при Іоаннѣ III и достигло высшей степени при Іоаннѣ IV, когда митрополитъ Филиппъ убѣждалъ Государя отмѣнить Опричнину. Съ постепеннымъ возвышеніемъ святительскаго сана, ослабѣвала зависимость митрополита отъ Визан-

тійскаго патріарха, частію въ слѣдствіе политики Государей Московскихъ, не терпѣвшихъ чуждаго вмѣшательства въ свои дѣла; частію въ слѣдствіе неустройствъ, порожденныхъ въ Греціи Флорентійскимъ соборомъ. Наконецъ, послѣ завоеванія Турками Царяграда, митрополитъ уже не испрашивалъ патріаршаго утвержденія и былъ посвящаемъ Русскими епископами.

Занявъ высшее мѣсто въ ряду государственныхъ сановниковъ, митрополитъ, на основаніи дарованныхъ ему граммать Государями изъ дома Іоанна Калиты, управлялъ обширными помѣстьями своими независимо отъ свѣтскихъ властей, назначалъ подати и налоги, имѣлъ своихъ боярь, намѣстниковъ, тіуновъ, стольниковъ, дворянъ и другихъ сановниковъ. Въ судъ его никто не вмѣшивался. Соразмѣрныя преимущества получило и прочее духовенство. Многимъ монастырямъ и соборамъ пожалованы были Государями несудимыя и тарханныя грамматы: первыя давали имъ право независимаго суда и управленія въ монастырскихъ земляхъ; вторыя освобождали ихъ отъ разныхъ повинностей, налоговъ, пошлинъ и проч. При такомъ устройствѣ церковнаго управленія, духовенство въ XVI столѣтіи обладало несмѣтными богатствами, имѣло въ своихъ рукахъ обширныя помѣстья и могло выставить цѣлые полки для царской службы.

Не взирая однакожъ на всѣ сіи преимущества, на право самостоятельнаго суда, на изъятіе отъ большей части общественныхъ повинностей, духовенство оставалось по прежнему въ безусловной зависимости отъ власти самодержавной: только Государь могъ назначить, по собственному выбору, митрополита и другихъ святителей; только его согласіе давало силу несудимымъ, тарханнымъ и помѣстнымъ грамматамъ; каждый Царь имѣлъ неотъемлемое право подтвердить ихъ или уничтожить; такъ при Іоаннѣ IV установлено было закономъ, что монастыри не имѣютъ права увеличивать свои помѣстья и укрѣплять за собою безъ царскаго указа новыя земли, если даже онѣ будутъ отказаны духовными завѣщаніями частныхъ лицъ. Въ случаѣ несогласія между свѣтскимъ и духовнымъ вѣдомствомъ, Государь рѣшалъ дѣло по своему усмотрѣнію. Однимъ словомъ онъ былъ, какъ и прежде, верховнымъ судіею, законодателемъ, правителемъ.

Учрежденіе патріаршаго престола въ Москвѣ, при послѣднемъ потомкѣ Іоанна Калиты, Θеодорѣ Іоанновичѣ, не измѣнило отношеній церкви ни къ міру, ни къ верховной власти. Патріархъ отличался отъ митрополита только высшимъ званіемъ по чину духовной іерархіи, съ бо̀льшею торжественностію былъ посвящаемъ, священнодѣйствовалъ съ нѣкоторыми отмѣнами и, какъ равный Греческимъ Патріархъ.

патріархамъ первосвятитель, управлялъ въ полной отъ нихъ независимости дѣлами Россійской церкви. Кромѣ того, вмѣстѣ съ новымъ саномъ учреждены четыре митрополіи Новгородская, Казанская, Ростовская, Сарская, шесть архіепископствъ и восемь епископствъ. Церковь получила болѣе блеска, болѣе опредѣлительности въ отношеніяхъ святителей; но по внутреннему составу оставалась въ прежнемъ видѣ. Патріархъ былъ избираемъ единственно волею Государя, имѣлъ всѣ права и обязанности прежняго митрополита, пользовался несудимою грамматою, какъ царскою милостію, не вмѣшивался безъ воли Самодержца въ дѣла гражданскія и самъ подлежалъ отвѣтственности.

Патріархи управляли Россійскою церковью съ небольшимъ сто лѣтъ, съ 1589 года по 1700. Ихъ было 10, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Іовъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ; 2) Ермогенъ при Василіи Шуйскомъ и во время междуцарствія; 3) Филаретъ и 4) Іоасафъ I при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; 5) Іосифъ, 6) Никонъ, 7) Іоасафъ II и 8) Питиримъ при Алексѣѣ Михайловичѣ; 9) Іоакимъ и 10) Адріанъ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Великомъ. Святительство Патріарховъ ознаменовано постоянною заботливостію о церковномъ устройствѣ, въ слѣдствіе живой, ясной мысли, пробудившейся съ восшествіемъ на

престолъ дома Романовыхъ, о необходимости лучшаго порядка по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Церковь наша, имѣя чистыя начала, не допускала въ свои нѣдра значительныхъ безпорядковъ; но по вліянію разныхъ обстоятельствъ, неустройства были неизбѣжны; многое, что приносило пользу Московскому княжеству въ XIV и XV вѣкѣ, напримѣръ увеличеніе монастырскихъ помѣстьевъ, оказалось неудобнымъ для Рускаго царства въ XVII столѣтіи; вкрались сверхъ того злоупотребленія, порожденныя невѣжествомъ. Въ стремленіи патріарховъ къ церковному устройству обнаружился въ полномъ блескѣ кроткій характеръ нашего духовенства, столь несходный съ характеромъ Латинскаго: когда папы, вопреки очевидной невозможности, упорствовали въ старинныхъ предразсудкахъ, шли наперекоръ вѣку и воспламеняли въ Европѣ кровавыя войны, наши благочестивые іерархи, большею частію по собственному побужденію, упреждали время, видѣли все, что было вредно, сознавали необходимость перемѣнъ, даже отказывались отъ многихъ преимуществъ, уступая ихъ міру, и ревностно содѣйствовали, по крайней мѣрѣ не прекословили стараніямъ Государей о благоустройствѣ общественномъ. При нихъ изданы многія постановленія о церковномъ благочиніи; низшее духовенство поручено строгому надзору епископовъ и благочинныхъ; отмѣнены тар-

ханныя грамматы, коими пользовались монастыри, въ подрывъ государственной казнѣ и промышленности; подтверждены указы Іоанна Грознаго о неувеличиваніи церковныхъ земель; исправлены служебныя книги; введено въ церквахъ согласное пѣніе; опредѣлены ясно права патріарха, обязанности его, отношенія къ духовенству и къ свѣтской власти; наконецъ для образованія достойныхъ служителей церкви учреждена въ Москвѣ духовная академія, подъ названіемъ Славяно-Греко-Латинской. Такимъ образомъ сохранивъ во всей чистотѣ догматы св. вѣры, получивъ опредѣленное устройство, слившись съ народною жизнію, церковь наша исполнила свое назначеніе и мирно управляла совѣстью людей, ободряя народъ въ годины несчастія, возвышая и укрѣпляя духъ его вѣрою въ Провидѣніе, усердіемъ къ престолу.

Секты.

При чистотѣ началъ, при опредѣлительности отношеній, при непоколебимости уставовъ, церковь наша не представляла повода къ соблазну и крѣпкая собственною силою, безъ труда уничтожала всѣ, неизбѣжные въ обществахъ, замыслы людей злонамѣренныхъ или суевѣрныхъ, старавшихся потревожить ея спокойствіе. Такъ въ правленіе Димитрія Донскаго открылась въ Новгородѣ секта *Стригольниковъ*, основателемъ коей былъ какой то изувѣръ Карпъ Стригольникъ: онъ утверждалъ, что

іереи, поставляемые, по тогдашнему обыкновенію, съ нѣкоторою платою, недостойны своего сана, и что истинные христіане должны ихъ удаляться. Многіе повѣрили ему и въ Новгородѣ произошло волненіе: раздраженный народъ утопилъ Стригольника въ Волховѣ; секта его тѣмъ болѣе усилилась. Димитрій спѣшилъ извѣстить о томъ патріарха Царяградскаго: патріархъ совѣтовалъ не употреблять насилія и искоренить зло однимъ убѣжденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, посланный Великимъ Княземъ въ Новгородъ, Суздальскій архіепископъ Діонисій безъ труда успокоилъ совѣсть людей простодушныхъ, доказавъ, что плата, опредѣленная закономъ, не есть лихоимство, и примирилъ ихъ съ церковью. Ересь пресѣклась въ самомъ началѣ.

При Іоаннѣ III обнаружилось зло другаго рода, и также въ Новгородѣ. Еврей Схарія, хитрый врагъ христіанства, успѣлъ обольстить людей слабоумныхъ, даже изъ духовнаго званія, Іудейскою каббалою, наукою плѣнительною для невѣждъ, основанною будтобы на преданіяхъ Моисеевыхъ, на книгѣ, полученной Адамомъ отъ Бога, на искусствѣ изъяснять сновидѣнія, угадывать будущее, и нашелъ многочисленныхъ послѣдователей, въ самой Москвѣ, даже при дворѣ Великаго Князя. Онъ дѣйствовалъ тѣмъ успѣшнѣе, что немногимъ была извѣстна главная цѣль его ученія поколебать хри-

стіанство въ самомъ источникѣ. Но какъ скоро эта цѣль обнаружилась усердіемъ Новгородскаго архіепископа Геннадія и св. Іосифа Волоцкаго, Іоаннъ принялъ свои мѣры: соборъ, по волѣ его, предалъ ересь проклятію, а виновниковъ ея осудилъ на заточеніе. Въ концѣ жизни его, она вновь открылась; Государь рѣшился быть строгимъ: главные мятежники были сожжены всенародно. Съ тѣхъ поръ жидовская ересь не возобновлялась, не столько отъ строгости Великаго Князя, сколько отъ нелѣпости самаго соблазна.

Были и другіе случаи, менѣе замѣчательные. Всѣ они имѣли столь слабое основаніе, что не могли породить никакой секты, и если лѣтописцы представляютъ ихъ въ видѣ опаснаго раскола, то это должно приписать единственно пламенному усердію нашего духовенства къ вѣрѣ чистой: самый ничтожный случай воспламенялъ его благочестивую ревность. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что никакой расколъ не колебалъ церкви въ Московскомъ государствѣ до половины XVII вѣка, когда возникла секта *старовѣровъ*, начавшаяся при патріархѣ Никонѣ, усилившаяся въ концѣ XVII столѣтія, неискорененная и донынѣ. Она родилась отъ стеченія многихъ, совершенно постороннихъ для церкви обстоятельствъ. Въ характерѣ нашихъ предковъ было вообще замѣтно уклоненіе отъ всякой по-

визны, какъ вредной, такъ и полезной: они хотѣли жить и думать, какъ жили и думали отцы и дѣды; умѣли цѣнить новое, иноземное; но лучше желали остаться при своемъ, при старомъ. Такой образъ мыслей съ одной стороны былъ источникомъ многихъ благородныхъ дѣяній, съ другой стороны пораждалъ закоснѣлость ума и благопріятствовалъ предразсудкамъ. Всякое новое учрежденіе въ церкви должно было потревожить совѣсть людей простодушныхъ: такъ и случилось. Патріархъ Никонъ, признавъ необходимость исправить напечатанныя при его предшественникѣ, Іосифѣ, служебныя книги и приступивъ къ дѣлу, при пособіи многихъ ученыхъ иноземцевъ, призванныхъ изъ Греціи, даже изъ Литовскаго княжества, гдѣ уже господствовала Унія, возбудилъ противъ себя сильный ропотъ; личная ненависть прежнихъ издателей книгъ содѣйствовала къ умноженію числа недовольныхъ; наконецъ введеніе живописныхъ иконъ и нѣкоторыя другія перемѣны дали поводъ людямъ злонамѣреннымъ вооружить закоснѣлыхъ въ предразсудкахъ сперва противъ Никона, потомъ противъ всего духовенства. Излишняя строгость къ пресѣченію зла довершила остальное: образовалась многочисленная секта старовѣровъ, раздѣлившаяся на многіе толки. Всѣ они принимаютъ за основаніе, что службу должно совершать по книгамъ, напечатаннымъ прежде Никона, покланяться старымъ ико-

намъ, креститься двумя перстами, имя Спасителя писать Ісусъ, вмѣсто Іисусъ, и проч. сверхъ того каждый толкъ имѣетъ еще свои правила. Сначала старовѣры скрывались въ скитахъ, въ глуши лѣсовъ, потомъ появились въ селахъ и городахъ, наконецъ въ самой Москвѣ, и при Царевнѣ Софіи произвели сильное волненіе. Сколь ни бѣдственно было зло, сколь ни пагубны плоды его, но стоитъ только вникнуть въ основанія, чтобы убѣдиться, какъ нелѣпо заблужденіе и какъ легко оно должно изчезнуть само собою, съ постепеннымъ развитіемъ ума: нигдѣ здравый смыслъ такъ не благопріятствуетъ церкви, какъ въ нашемъ отечествѣ; чѣмъ болѣе узнаемъ ее, тѣмъ болѣе чтимъ ея святость.

Виленская Митрополія.

91. Иная была участь православной церкви въ западной Руси. Тамъ, со времени восшествія Ягелла на Польскій престолъ, начался непрерывный рядъ бѣдствій; настало гоненіе православной вѣры, сперва тайное, временное, потомъ съ конца XVI вѣка открытое, постоянное, систематическое. Слѣдствія были ужасны, равно вредны и для Литовскаго княжества и для Польши: обнаружился расколъ; возникли двѣ непримиримыя партіи; умы заразилъ фанатизмъ; запылали религіозныя войны; къ концу XVII вѣка правая сторона изнемогла; гонители взяли верхъ; но не успѣли искоренить вѣры чистой и приготовили горькую чашу своимъ дѣтямъ и внукамъ.

Началомъ бѣдствій православной церкви въ Литовскомъ княжествѣ было обращеніе Ягелла изъ политическихъ видовъ въ Латинскую вѣру; дѣти его и внуки, подобно ему, усердно преданные папѣ, не могли быть покровителями православія; правда Великіе Князья Литовскіе неоднократно издавали постановленія о свободѣ вѣроисповѣданія въ своемъ государствѣ [1]; но во первыхъ, нерѣдко сами нарушали ихъ, устраняя не-католиковъ отъ занятія государственныхъ должностей; во вторыхъ, Латинское духовенство, пользуясь явнымъ предпочтеніемъ и покровительствомъ Великихъ Князей Литовскихъ, утѣсняло православіе, заводя свои монастыри, соблазняя народъ, основывая свои школы для воспитанія юношества; въ особенности усилилось оно послѣ Флорентійскаго собора, когда лжепатріархъ Исидоръ успѣлъ возвести на Кіевскую митрополію клеврета своего Григорія Болгарина. При такомъ затруднительномъ положеніи, мірскія выгоды не могли не поколебать людей слабодушныхъ, соблазняемыхъ кромѣ того Езуитами. Но всѣ старанія Римскаго двора до конца XVI столѣтія большею частію оставались безплодными: Флорентійское соединеніе было отвергнуто; послѣ Григорія

1 Ягелло въ 1433 году: Казимиръ въ 1440; Александръ въ 1499; Сигизмундъ Августъ въ 1569; Генрихъ Валуа въ 1573; Стефанъ Баторій въ 1576; Сигизмундъ III въ 1587; Владиславъ IV въ 1633; Янъ Казимиръ въ 1649; Михаилъ Корыбутъ въ 1669; Янъ Собѣскій въ 1676; Августъ II въ 1697.

Кіевскою митрополіею, въ теченіе 150 лѣтъ, управляли святители, избираемые православными епископами и утверждаемые Греческими патріархами. Духовенство вообще было вѣрно своему долгу и закону праотцевъ; дворянство и народъ, съ немногими исключеніями, были непоколебимы въ православіи. Знатнѣйшія фамиліи въ западной Руси и Литвѣ держались Греческаго закона [1]. Литовское княжество въ концѣ XVI вѣка состояло изъ 9 епархій; ими управляли благочестивые епископы: 1) Владимірскій и Брестскій; 2) Луцкій и Острожскій; 3) Полоцкій и Витебскій; 4) Львовскій и Каменецъ-Подольскій; 5) Перемышльскій и Самборскій; 6) Хельмскій и Бѣльзскій; 7) Пинскій и Туровскій; 8) Кіевскій и 9) Могилевскій. Верховная власть церковнаго управленія сосредоточивалась въ особѣ митрополита, имѣвшаго со временъ Григорія Цимвлака свое пребываніе въ Вильнѣ, отчасти въ Новогродкѣ и Кіевѣ. Митрополитъ въ

[1] *Изъ князей:* Вишневецкіе, Волынскіе, Головчинскіе, Друцкіе, Горскіе, Дубровицкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Корецкіе, Коширскіе, Кропин-скіе, Лукомскіе, Мосальскіе, Огинскіе, Острожскіе, Полубенскіе, Пузины, Рожинскіе, Сангушки, Слуцкіе, Соколинскіе, Соломорецкіе, Чарторижскіе. *Изъ дворянъ:* Боговитины, Бокѣи, Бржовскіе, Воины, Воловичи, Вяжевичи, Гарабурды, Глѣбовичи, Горностаи, Гулевичи, Дорогостайскіе, Деревинскіе, Ермолинскіе, Загоровскіе, Зеновичи, Калиновскіе, Кирдеевы, Кмиты, Кышки, Копецы, Корсаки, Крошинскіе, Ложки, Мелешки, Мишковы, Обуховичи, Олизаревичи, Павловичи, Пацы, Поцеи, Сапѣги, Сосновскіе, Сѣмашки, Тышкевичи, Тризны, Халецкіе, Ходкѣвичи, Хрептовичи, Чолганскіе, Шишкевичи, Ярмолинскіе и многіе другіе.

свою очередь подлежалъ суду Византійскаго патріарха. Догматы, обряды Богослуженія, церковныя правила, все оставалось неизмѣннымъ, какъ было прежде до раздѣленія Всероссійской іерархіи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла когда возникла Унія. Встрѣченная всеобщимъ ропотомъ Русскаго народа, но поддерживаемая Польскимъ правительствомъ и Римскимъ дворомъ, въ особенности Езуитами, она быстро распространилась по Литовскому княжеству и произвела бѣдственный расколъ, ознаменованный ожесточеніемъ партій. Причины успѣховъ Уніи заключались не въ склонности къ ней народа, а въ мѣрахъ, коими Польское правительство ее распространяло.

Въ самомъ началѣ Сигизмундъ III употребилъ насиліе. Вопреки всеобщимъ жалобамъ благочестивыхъ на Михаила Рагозу, какъ на отступника, Король поддержалъ его въ санѣ митрополита, изъявилъ милость сообщникамъ его, а по смерти Михаила, избралъ и утвердилъ преемникомъ ему главнаго виновника раскола Ипатія Поцея; между тѣмъ строго запретилъ въѣздъ въ Литовское княжество Греческимъ святителямъ, ловилъ ихъ, какъ самозванцевъ, и не дозволялъ избирать епископовъ православному духовенству, которое вскорѣ, по смерти Гедеона, осталось безъ пастыря, а по смерти

Константина Острожскаго, потеряло и послѣдняго защитника. Вся надежда оставалась на единовѣрную Москву; но Москвѣ, терзаемой Самозванцами, не время было думать о дѣлахъ Литовскихъ. Ободряемые Рагозою, Поцеемъ, Терлецкимъ, при явномъ покровительствѣ Короля, при беззащитномъ положеніи противниковъ, Уніаты быстро увеличивали число своихъ приверженцевъ, надеждою мірскихъ выгодъ.

Въ послѣдствіи, когда возстала за вѣру праотцевъ Малороссія, Польское правительство, опасаясь встрѣтить подобный ропотъ въ другихъ областяхъ Литовскаго княжества, прекратило явное гоненіе и прибѣгло къ другимъ мѣрамъ. Эти мѣры въ XVII столѣтіи были приведены въ систему и постоянно руководствовали Королями, сеймами, сенатомъ, Римскимъ духовенствомъ. Онѣ были слѣдующія: 1) На каждомъ почти сеймѣ разсуждали о бѣдствіяхъ раскола, порожденнаго Уніею, о необходимости примирить партіи, объ утѣсненіяхъ, кои терпѣло православное духовенство, и нѣсколько разъ были издаваемы въ этомъ смыслѣ законы, коими повелѣвалось прекратить всякаго рода насилія, даровать свободу вѣроисповѣданія и обезпечить гражданскія права благочестивыхъ [1]; но исполненіе сей-

[1] Таковы сеймовыя конституціи: 1607, 1609, 1618, 1620, 1627, 1631, 1632, 1633, 1635, 1641, 1647, 1648 и т. д.

мовыхъ конституцій откладывалось отъ одного сейма до другаго; между тѣмъ Уніаты и Езуиты дѣйствовали неутомимо. 2) Пользуясь явнымъ покровительствомъ Королей, Уніаты, въ особенности перешедшіе въ Унію Латинскіе монахи для занятія мѣстъ епископскихъ, подъ разными предлогами, прибирали къ своимъ рукамъ богатѣйшіе монастыри и приходы; могли обѣщать тишину, богатства, почести своимъ послѣдователямъ; удѣломъ же православныхъ было постоянное, хотя скрытное, гоненіе; въ особенности терпѣло духовенство: священники были обвиняемы и судимы по ложнымъ доносамъ; подвергались позору и униженію, зависѣли отъ произвола Польскихъ помѣщиковъ, даже отъ жидовъ, и лишенные всѣхъ средствъ къ образованію, впадая въ нищету и невѣжество, не могли имѣть вліянія на мірянъ. 3) Но болѣе всего содѣйствовали успѣхамъ Уніи Езуиты: съ самаго начала XVII столѣтія они успѣли уничтожить всѣ почти школы, основанныя для образованія православнаго духовенства и дворянства, завели свои училища, гдѣ съ свойственнымъ искусствомъ впушали ненавистъ ко всему Русскому, любовь и уваженіе ко всему Польскому.

При такихъ мѣрахъ, къ концу XVII столѣтія, Уніаты не только утвердились въ Литовскомъ княжествѣ, но и приняли многіе обряды Латинскіе: на

Брестскомъ соборѣ 1596 года положено было въ основаніе Флорентійское соединеніе съ тѣмъ, чтобы литургія совершалась по старинѣ, на Русскомъ языкѣ, чтобы всѣ догматы и обряды церковные остались неприкосновенными, чтобы въ избраніи и посвященіи митрополита и епископовъ папы не участвовали: вопреки сему, Уніаты съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе отдалялись отъ православной церкви въ образѣ богослуженія, въ обрядахъ, въ храмовыхъ украшеніяхъ; наконецъ стали требовать папскаго утвержденія своимъ епископамъ.

Все это жестоко волновало православную церковь въ Литовскомъ княжествѣ, постепенно уменьшая число сыновъ ея; самые ревностные изъ нихъ, терпя горе и униженіе, принимали Унію; дѣти ихъ и внуки вѣру Латинскую. Въ двухъ только пунктахъ поддерживалось благочестіе: въ Кіевѣ, гдѣ со временъ гетмана Сагайдачнаго, возобновленъ былъ санъ православнаго митрополита, и въ Могилевѣ, гдѣ также находился православный архіепископъ. Во всѣхъ прочихъ епархіяхъ епископами были Уніаты; правда и здѣсь низшіе классы народа большею частію не измѣняли закону предковъ; но подвластные иновѣрнымъ помѣщикамъ, поверженные жидами въ нищету и невѣжество, они были слабою опорою православія.

—

III. СОСЛОВІЯ НАРОДНЫЯ.

92. Образовавъ гражданское общество, подъ вліяніемъ христіанской вѣры и монархической власти, Русскій народъ уже въ первомъ составѣ своемъ заключалъ начала свойственнаго всѣмъ Европейскимъ народамъ раздѣленія на четыре главныя сословія: духовенство, дворянство, средній и низшій классы. Развитіе этихъ началъ совершилось однакожъ при другихъ обстоятельствахъ и произвело иныя слѣдствія. Самостоятельность Россійской церкви, соединенная съ зависимостію первосвятителя ея отъ Государя, поставила духовенство въ другія отношенія къ міру; крѣпость монархической власти, при отсутствіи феодальной системы, дала иное направленіе дворянству и, по естественной связи, имѣла рѣшительное вліяніе на составъ средняго и низшаго класса. Права и обязанности духовенства объяснены въ статьѣ о церкви; здѣсь обратимъ вниманіе на прочіе три сословія.

93. *Дворянство*, въ смыслѣ благороднаго класса людей, служившихъ Государю и отечеству въ разныхъ почетныхъ званіяхъ и пользовавшихся особенными преимуществами, существовало въ Русской землѣ искони. Оно было неминуемымъ слѣдствіемъ установленія монархической власти: лица, окружавшія Князя, какъ исполнители воли его, какъ по- *Дворянство.*

мощники въ управленіи государствомъ, становились на высшую степень, въ сравненіи съ другими подданными, и выходили изъ разряда простолюдиновъ: заслуги отца облагороживали сына, который съ отцовскимъ именемъ и достояніемъ, болѣе другихъ имѣлъ средства приблизиться къ престолу, пріобрѣталъ тоже или высшее званіе и передавалъ воспоминаніе семейныхъ заслугъ потомству, какъ родовую собственность. Такимъ образомъ наслѣдственное благородство установилось уже въ первые вѣки бытія Руси. На немъ основалось Русское дворянство.

Ядромъ нашего дворянства была княжеская *дружина*. Первоначально она состояла изъ Норманскихъ витязей, имѣвшихъ даже титулъ свѣтлыхъ Князей, вѣроятно по ихъ происхожденію отъ Скандинавскихъ Конунговъ, изъ Славянскихъ старѣйшинъ, или начальниковъ поколѣній, изъ лицъ, доказавшихъ Государю свое усердіе, служившихъ ему умомъ и мечемъ. Подъ общимъ именемъ *мужей княжихъ*, они имѣли разныя званія: самымъ почетнымъ было боярское; оно *жаловалось* немногимъ за особенныя заслуги. Бояре исправляли важнѣйшія должности: были совѣтниками Князя, предводительствовали войскомъ, управляли городами и областями, какъ полномочные намѣстники. Вторую степень послѣ нихъ занимали *отроки*, *мечники*,

гридни, тіуны: они были тѣлохранителями Государя, избранными воинами; составляли его дворъ, производили именемъ его судъ и исполняли всѣ его велѣнія. Владиміръ св. говорилъ, что серебромъ и золотомъ не добудешь дружины, а дружиною добудешь то и другое. Всѣ потомки его слѣдовали этому правилу: изъявляли своимъ боярамъ и другимъ ближнимъ людямъ особенное уваженіе, совѣтовались съ ними о всѣхъ дѣлахъ важныхъ, удѣляли имъ часть воинской добычи и щедро награждали ихъ усердіе.

Въ послѣдствіи, съ постепеннымъ развитіемъ понятій о верховной власти, то, что составляло дружину, стало именоваться *дворомъ* (со временъ Андрея Боголюбскаго); титулъ свѣтлыхъ Князей изчезъ, сдѣлавшись собственностію однихъ потомковъ Владиміра св. Отроки, гридни, мечники, получили общее названіе *дворянъ и слугъ* княжескихъ. Впрочемъ обязанности ихъ остались прежнія: они были въ одно время и царедворцами, и тѣлохранителями и воинами своего Государя; исправляли кромѣ того разныя должности гражданскія. Бояре сохранили свой санъ и по прежнему были первостепенными сановниками при дворѣ и на полѣ ратномъ. Каждый потомокъ Владиміра св. имѣлъ свой дворъ или своихъ бояръ и дворянъ, коихъ избиралъ преимущественно изъ людей благородныхъ,

доказавшихъ свое усердіе, и награждалъ ихъ заслуги отчасти пріобрѣтенною добычею, отчасти землями съ наслѣдственнымъ правомъ. И какъ удѣлы дробились съ каждымъ поколѣніемъ, то по мѣрѣ размноженія княжествъ, размножалось число бояръ и дворянъ. Рѣдкій городъ не имѣлъ ихъ: ибо почти каждый значительный городъ имѣлъ своего Князя.

Между тѣмъ возникъ другой многочисленный классъ людей свободныхъ, благородныхъ происхожденіемъ, имѣвшихъ свои земли: то были *дѣти боярскіе*. По всей вѣроятности, первоначально такъ назывались потомки бояръ. Званіе боярское было столь почетно, что сыновья ихъ безъ сомнѣнія должны были гордиться своимъ происхожденіемъ; и какъ многіе не могли получить мѣста при дворѣ, то имъ не оставалось болѣе другаго званія, кромѣ дѣтей боярскихъ; это званіе они передали своимъ дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ, вмѣстѣ съ отцовскимъ достояніемъ. Не имѣя опредѣленной должности, они вошли въ составъ средняго сословія, свободныхъ владѣльцевъ земли; сохранили однакожъ понятіе о томъ, чѣмъ были ихъ предки, считали себѣ за честь служить Князю на полѣ брани, являлись подъ знамена его съ своими людьми и образовали въ нѣкоторомъ смыслѣ земское ополченіе, готовое вооружиться по первому

требованію. Князья постигли всю важность этого сословія и старались оное увеличить; для того включали въ число дѣтей боярскихъ и не потомковъ бояръ: т. е. давали земли людямъ способнымъ къ службѣ, съ обязанностію быть готовыми къ походу, и называли ихъ дѣтьми боярскими, потому, что это слово означало уже не потомковъ бояръ, а помѣстныхъ владѣльцевъ. Дѣти боярскія стали имѣть доступъ ко двору и вошли въ сословіе дворянъ, хотя не всѣ преимущества были имъ предоставлены.

Князья Московскіе, по примѣру другихъ Князей удѣльныхъ, имѣли своихъ бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Съ постепеннымъ разширеніемъ ихъ княжества, увеличился и дворъ ихъ; въ составъ его вошли дворяне и дѣти боярскіе Князей удѣльныхъ, уступая въ преимуществѣ собственно Московскимъ; знатные выходцы иноземные, получившіе отъ Государей земли на правѣ помѣстномъ; въ послѣдствіи всѣ потомки удѣльныхъ Князей, отказавшихся отъ правъ владѣтельныхъ: они удержали большею частію титулъ княжескій, но не смѣли и думать о какихъ либо особенныхъ правахъ, и служили наравнѣ съ прочими подданными. Всѣ сіи лица образовали въ совокупности то, что мы привыкли называть дворянствомъ, хотя этого слова, въ нынѣшнемъ его значеніи, не было въ языкѣ нашихъ предковъ.

Русское дворянство могло гордиться своимъ началомъ: представляя благородное сословіе людей, происходившихъ отчасти отъ племени Владиміра св., отчасти отъ витязей, знаменитыхъ заслугами, или преданностію престолу, оно не уступало въ знатности рода ни одному Европейскому дворянству. Назначеніе, данное ему Московскими Государями, еще болѣе увеличило его достоинство: Русскій дворянинъ былъ обязанъ непремѣнно служить Государю и отечеству въ такомъ званіи, которое соотвѣтствовало старинному понятію о мужахъ княжіихъ, о княжеской дружинѣ. Ни въ одномъ Европейскомъ государствѣ эта обязанность не была столь опредѣлительна и неизбѣжна, какъ въ Россіи. Каждый служилъ до послѣднихъ силъ, до гроба, Царю и отечеству; пользовался уваженіемъ сообразно съ званіемъ, коего достигалъ, и своими заслугами облагороживалъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ, такъ, что его потомки гордились службою предковъ и считали ихъ доблесть семейною. Изъ этого только начала могло возникнуть мѣстничество, обычай вредный по слѣдствіямъ, но благородный по началу: ибо въ основаніе расчетовъ, при занятіи должностныхъ мѣстъ, брали фамильныя заслуги.

Отъ того у насъ не было ни почетныхъ титлъ, ни чиновъ, не соединенныхъ ни съ какою долж-

ностью; были только степени, означавшія личный санъ, съ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей и съ соразмѣрными преимуществами. Первую, высшую степень занимали сановники государственные, бояре, окольничіе и думные люди; вторую придворные, стольники и стряпчіе; третью военные, дворяне Московскіе, дворяне городовые и дѣти боярскіе.

Бояре были первенствующими лицами въ большой думѣ или верховномъ совѣтѣ; занимали первокласныя должности воеводъ, намѣстниковъ, пословъ; управляли приказами; вѣдали Москву во время царскаго отсутствія; вообще считались знатнѣйшими сановниками и имѣли право выѣзжать съ многочисленною свитою. *Окольничіе* завѣдывали преимущественно судомъ, засѣдали въ думѣ съ боярами, назначались большею частію товарищами ихъ или въ должности второстепенныя; нерѣдко впрочемъ исправляли и важныя порученія, наряду съ боярами, посольскія, придворныя, военныя, гражданскія. Число бояръ и окольничихъ въ разное время простиралось отъ 5 до 70. *Думные люди* были тѣ лица, которыя, не достигнувъ еще званія боярина или окольничаго, имѣли однако право присутствовать въ большой думѣ и судить о дѣлахъ государственныхъ.

Стольники и стряпчіе были преимущественно сановники придворные: первые, во время торжественныхъ пиршествъ, ставили яства на царскіе столы и исправляли разныя должности при особѣ Государя, постельничихъ, рындъ, возницъ; вторые имѣли въ своемъ вѣдѣніи царскіе покои, одежды, разныя части дворцоваго управленія. Кромѣ того тѣ и другіе были опредѣляемы во многія должности военныя, гражданскія, посольскія, намѣстниками въ города, судьями въ приказы, воеводами отдѣльныхъ отрядовъ, посланниками, гонцами и проч. Стольники стояли выше стряпчихъ, и часто исправляли такія порученія, кои давались обыкновенно боярамъ; сверхъ того лучшіе изъ нихъ поступали въ думные люди. Въ концѣ XVII столѣтія ихъ считалось до 3,000 человѣкъ.

Дворяне Московскіе, т. е. благородные люди, имѣвшіе помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, должны были оберегать царскій дворъ, служить тѣлохранителями Государя, въ тоже время часто употреблялись для важныхъ порученій, въ почетныя должности судей, воеводъ, посланниковъ. Въ началѣ XVII вѣка ихъ было до 300, а въ концѣ до 2,000. *Дворяне городовые и дѣти боярскіе*, помѣстные владѣльцы, обязанные преимущественно воинскою службою, составляли земское ополченіе и главную силу нашихъ войскъ; они выступали въ походъ по первому

приказанію, съ своими людьми, коихъ вооружали и кормили на собственный счетъ; кромѣ того, по примѣру Московскихъ, служили въ разныхъ гражданскихъ должностяхъ по своимъ городамъ. Лучшіе изъ нихъ, подъ именемъ *выборныхъ и жильцевъ*, отъ 2,000 до 3,000, присылались поочередно въ Москву, для охраненія царскаго двора. Многіе изъ выборныхъ и жильцевъ поступали въ стряпчіе, въ стольники, также назначались гонцами, воеводами небольшихъ городовъ и проч.

Всѣ сіи сановники принадлежали къ тому классу людей, который въ послѣдствіи, со временъ Петра Великаго, получилъ названіе дворянства. Главныя преимущества ихъ были: свобода отъ платежа податей, право владѣть землею и крестьянами (съ конца XVI вѣка), исключительный доступъ ко двору и къ должностямъ почетнымъ. Общею обязанностію была царская служба. Сановники первыхъ двухъ классовъ, государственные и придворные, назначались царскими указами; званіе ихъ было не наслѣдственное, а личное. Впрочемъ, высшія степени принадлежали преимущественно извѣстнымъ родословнымъ фамиліямъ. Два обстоятельства тому содѣйствовали: 1) заслуги отца давали сыну всѣ средства достигнуть равнаго званія, открывая доступъ ко двору и дорогу къ постепенному возвышенію; старинный обычай, имѣвшій силу зако-

на, требовалъ непремѣнно равновѣсія фамильныхъ правъ: потомки знатныхъ фамилій считали неприличнымъ занимать одинаковую должность съ такими лицами, которыя не могли гордиться службою предковъ: иначе они безчестили свой домъ. Этотъ обычай, извѣстный подъ именемъ мѣстничества, съ одной стороны поставлялъ правительство въ необходимость избирать, для почетныхъ званій, сановниковъ только изъ извѣстнаго круга, изъ людей родословныхъ, или такихъ лицъ, коихъ предки удостоились чести быть вписанными въ разрядѣ; съ другой же стороны, подстрекая самолюбіе, раждалъ благородное соревнованіе между многими семействами и служилъ сильнымъ побужденіемъ къ пріобрѣтенію отличій. Такимъ образомъ высшее дворянство въ нѣкоторомъ смыслѣ было наслѣдственное; по крайней мѣрѣ люди родословные всегда имѣли преимущество предъ неродословными, доколѣ Ѳеодоръ Алексѣевичъ не уничтожилъ этого различія. Званіе дворянъ и дѣтей боярскихъ обыкновенно переходило отъ отца къ сыну: какъ скоро сынъ достигалъ совершеннолѣтія, ему давали помѣстья для отправленія царской службы и записывали въ званіе отцовское. Для этой цѣли, особенные чиновники, подъ именемъ окладчиковъ, отправлялись, по царскому указу, въ города, разбирали, какіе *недоросли и новики* были годны въ службу, раздѣляли ихъ на статьи, смотря по способностямъ, и

отводили имъ участки. Земли давались всѣмъ вообще сановникамъ, не исключая и бояръ, соразмѣрно съ степенью каждаго, отъ 250 четвертей до 100; сверхъ того производилось и жалованье. Усердная служба награждалась повышеніемъ въ санъ, придачею къ помѣстному и денежному окладу, обращеніемъ помѣстьевъ въ отчину, дорогими шубами, кафтанами, золотыми ковшами, цѣпями. Самою лестною наградою было, если Государь присылалъ придворнаго сановника спросить воеводу, отличившагося на полѣ брани, о здоровьи. Преступники подвергались наказанію, на основаніи общихъ законовъ: лишенію сана, ссылкѣ, кнуту, смертной казни.

94. *Среднее сословіе*, заключая въ себѣ классъ людей свободныхъ, занимающихся преимущественно городскою промышленностію, возникло въ нашемъ отечествѣ въ первые вѣки бытія его и до нашествія Монголовъ имѣло значительный вѣсъ. Князья благопріятствовали успѣхамъ торговли, въ коей и сами участвовали, покровительствовали людей торговыхъ, дозволяли городамъ имѣть свой судъ и расправу. Владычество Монголовъ, остановивъ развитіе городской промышленности въ самомъ зародышѣ, ослабило и среднее сословіе. По сверженіи ига, города не въ силахъ были подняться: ихъ подавляли многообразные налоги, установленные внутри государства на торговые промыслы, права Среднее сословіе.

иноземцевъ на безпошлинную торговлю, исключительныя льготы, дарованныя монастырямъ. Тщетно дальновидные совѣтники Іоанна Грознаго старались возвысить среднее сословіе, дозволивъ ему избирать, по примѣру Новгородцевъ, собственныхъ старостъ и цѣловальниковъ или присяжныхъ и даровавъ ему право собственнаго суда, подъ наблюденіемъ царскихъ намѣстниковъ: оно такъ было бѣдно и несло столь тягостныя повинности, что цѣлые посады и мѣстечки охотно записывались за боярами и другими знатными сановниками, считая для себя выгоднѣе быть въ состояніи людей, подвластныхъ помѣщику, чѣмъ пользоваться обременительнымъ правомъ свободы. Въ самомъ дѣлѣ, посады и мѣстечки, приписанные къ боярамъ, имѣя сильныхъ покровителей, избавлялись отъ многихъ налоговъ, подрывали промышленность городскихъ обывателей. Алексѣй Михайловичъ, понимая всю важность торговаго класса, болѣе всѣхъ предшественниковъ содѣйствовалъ его благосостоянію и былъ истиннымъ покровителемъ городовъ. При немъ всѣ торговые мѣстечки и посады, приписанные къ знатнымъ людямъ, были объявлены отчиною Государя; внутреннія таможни и заставы, затруднявшія движеніе промышленности, большею частію уничтожены; разнообразныя пошлины съ перевозимыхъ товаровъ облегчены; тарханныя грамматы потеряли свою силу; иноземцы утратили право монополіи. Мудрыя

мѣры его не скоро однакожъ могли поставить среднее сословіе на ту степень, которую оно должно было занимать: для сего требовалась дѣятельность промышленности, которая, въ слѣдствіе продолжительнаго вліянія разныхъ бѣдственныхъ обстоятельствъ, находилась въ совершенномъ упадкѣ.

Въ XVII столѣтіи среднее сословіе раздѣлялось на людей торговыхъ и людей служилыхъ. Къ первому классу относились: 1) гости, 2) гостиная сотня, 3) суконная сотня, 4) черная сотня; ко второму: 1) стрѣльцы, 2) казаки, 3) пушкари, 4) станичники и другіе воинскіе люди. Званіе *гостей* было жалуемо Государемъ за особенныя, важныя заслуги. Оно доставляло многія преимущества: гость освобождался отъ земскихъ и городскихъ повинностей, отправлялъ за море товары, торговалъ оптомъ, не платилъ пошлинъ, могъ владѣть землею и крестьянами, имѣлъ пріѣздъ ко двору и былъ судимъ Государемъ или боярами. Было еще званіе выше гостя, предоставленное одному семейству Строгановыхъ, званіе *именитыхъ людей*. Пользуясь всѣми правами гостя, они могли содержать собственное войско и писались съ *вичемъ* (Григорьевичъ). Къ *гостиной* и *суконной* сотнямъ причислялось лучшее купечество Московское, торговавшее оптомъ и сукнами, съ изъятіемъ отъ многихъ пошлинъ. Изъ гостиной сотни избирались таможенные и ка-

банкіе головы. Всѣ прочіе мелкіе торговцы, также ремесленники, относились къ *черной* сотнѣ, къ классу людей *тяглыхъ*, обязанныхъ податьми и всѣми городскими повинностями. Люди служилые, стрѣльцы, казаки, пушкари, станичники, принадлежали къ среднему сословію въ томъ смыслѣ, что многіе изъ нихъ получали въ собственность небольшіе участки земли, могли отправлять торговые промыслы и пользовались многими льготами, коихъ не имѣло низшее сословіе.

Низшее сословіе.

95. *Низшее сословіе* раздѣлялось на два класса, на крестьянъ и холопей. *Крестьяне*, вообще всѣ люди, занимавшіеся сельскими промыслами, но не имѣвшіе ни собственной земли, ни дворовъ, до конца XVI вѣка были лично свободны: по собственному выбору, они заключали условія на опредѣленные сроки съ помѣстными владѣльцами, пользовались ихъ землею за извѣстную плату, и по миновании срока, расчитавшись съ помѣщикомъ, переходили къ другому, или оставались у прежняго. Есть поводъ думать, что съ самыхъ древнихъ временъ было два срока для обоюдныхъ расчетовъ, Юрьевъ день весенній и Юрьевъ день осенній. Право переходить отъ помѣщика къ помѣщику называлось *крестьянскимъ выходомъ*. Оно влекло за собою множество неустройствъ: народъ, привыкнувъ къ бродяжничеству, къ полукочевой жизни, не заботился о

сельскомъ хозяйствѣ; многія земли оставались необработанными; въ государственныхъ доходахъ нерѣдко обнаруживались недоимки; дворяне и дѣти боярскіе не могли выводить полное число ратниковъ для защиты отечества. Для прекращенія столь важныхъ неустройствъ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича указомъ 1592 года повелѣно крестьянамъ оставаться на тѣхъ земляхъ, гдѣ они жили; въ 1597 году этотъ указъ былъ подтвержденъ. Борисъ Годуновъ, вступивъ на престолъ, дозволилъ въ 1601 году выходъ крестьянъ мелкихъ помѣщиковъ; но это распоряженіе было отмѣнено 1606 года, въ правленіе Лжедимитрія, боярскимъ приговоромъ и въ особенности указомъ Царя Василія Шуйскаго въ 1607 году. Нетвердость закона, частыя перемѣны въ немъ, служили поводомъ къ многимъ безпорядкамъ. Наконецъ съ общимъ введеніемъ писцовыхъ книгъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, крестьяне были приписаны къ землѣ и стали принадлежать или Государю, или духовенству, или частнымъ владѣльцамъ. Различія между ними не было: они обработывали землю, платили оброкъ, подлежали суду владѣльца, исключая уголовныя преступленія, и были продаваемы вмѣстѣ съ землею. Званіе *холопей* существовало также съ самыхъ древнихъ временъ: то были или плѣнники или несостоятельные должники, давшіе на себя кабалу, т. е. крѣпость служить заимодавцу по смерть или

до извѣстныхъ сроковъ. Тѣ и другіе находились въ полномъ распоряженіи господина, не имѣвшаго надъ ними только права живота и смерти.

Шляхта. 96. Въ Литовскомъ княжествѣ, до соединенія его съ Польшею, народныя сословія имѣли тѣже названія, находились въ тѣхъ же отношеніяхъ одно къ другому, какъ и въ Московскомъ государствѣ. Со временъ Ягелла, въ слѣдствіе принятаго Поляками правила уравнивать оба народа во всѣхъ правахъ и преимуществахъ, установились Польскія формы; образовались два класса дворянскаго сословія: къ первому относились высшіе сановники духовные и свѣтскіе, подъ общимъ названіемъ *сенаторовъ*, архіепископы, епископы (Римскаго закона), воеводы и каштеляны; ко второму принадлежали всѣ прочія лица благороднаго происхожденія, или возведенныя частію Королемъ, частію сеймами, въ дворянское достоинство, подъ именемъ *шляхты*. Сенаторы свѣтскіе были назначаемы изъ знатнѣйшихъ фамилій, сохраняли свое званіе по смерть, составляли совѣтъ Государя, участвовали въ сеймахъ и отправляли важнѣйшія должности военныя и гражданскія. Званіе шляхетское было наслѣдственное, переходило отъ отца къ дѣтямъ и соединялось съ значительными преимуществами: шляхтичъ не платилъ никакихъ податей, владѣлъ своею землею и крестьянами безотчетно, участвовалъ въ

повѣтовыхъ сеймикахъ и генеральныхъ сеймахъ, если былъ избранъ въ нунціи, поступалъ во всѣ земскія почетныя должности, также въ духовныя званія. Благородное происхожденіе, засвидѣтельствованное законнымъ образомъ, гербъ, утвержденный сеймомъ, исключительное занятіе воинскою или гражданскою службою, вотъ главныя условія, кои въ совокупности давали право на званіе шляхтича. Онъ терялъ это право, если не хотѣлъ служить или былъ обвиненъ въ уголовномъ преступленіи, въ особенности если отправлялъ торговлю или другой промыселъ. Послѣднее условіе много содѣйствовало усиленію магнатовъ или высшаго дворянства: съ постепеннымъ размноженіемъ благороднаго сословія, появились цѣлыя толпы бѣдныхъ шляхтичей, которые, не имѣя ни кола, ни двора, не могли содержать себя иначе, какъ милостію богатыхъ фамилій, поступали къ нимъ въ службу, отправляли при дворѣ ихъ разныя должности отъ дворецкаго до кучера, и на сеймахъ стояли грудью за своихъ патроновъ, готовые обнажить сабли по первому ихъ слову.

При такомъ устройствѣ, гдѣ честный промыселъ мирнаго гражданина считался несовмѣстнымъ съ благороднымъ званіемъ, гдѣ законъ внушалъ презрѣніе къ промышленности, среднее сословіе находилось въ ничтожномъ состояніи. Жители городовъ, Мѣщане

подъ общимъ именемъ *мѣщанъ*, не имѣли права ни владѣть землею, ни участвовать въ сеймахъ, несли тяжкія повинности и большею частію находились во власти магнатовъ, которые владѣли цѣлыми городами. Ягеллоны старались поддержать промышленность и давали нѣкоторымъ городамъ право Магдебургское, на основаніи коего мѣщане зависѣли единственно отъ своего войта, избирали своихъ бурмистровъ, имѣли свой судъ, пользовались правомъ разничной торговли, между тѣмъ, какъ иногородцы могли торговать у нихъ только оптомъ, освобождались сверхъ того отъ многихъ налоговъ и пошлинъ; но эта мѣра не имѣла успѣха, вопервыхъ потому, что не всѣ города получали подобныя льготы, вовторыхъ потому, что и Магдебургское право не спасало торговаго класса отъ Евреевъ, которые, захвативъ въ свои руки всю промышленность, разорили въ конецъ и городскихъ и сельскихъ обывателей.

Евреи. Евреи появились въ Литовскомъ княжествѣ и образовали отдѣльное сословіе не прежде Ягеллоновъ. Доколѣ Русскія земли, вошедшія въ составъ Гедиминова государства, находились во власти потомковъ Владиміра св., Евреи были тамъ мало замѣтны: Русскіе Князья не дозволяли имъ селиться въ своихъ областяхъ и нерѣдко строго пре-

слѣдовали ихъ. Той же политики держались Московскіе Государи; въ особенности не жаловалъ ихъ Іоаннъ Грозный; Өеодоръ Алексѣевичъ подтвердилъ старинный законъ не пускать ихъ въ Москву. Въ Польшѣ, напротивъ того, они всегда находили пріютъ; болѣе всего размножились при началѣ крестовыхъ походовъ: гонимые въ Германіи, какъ враги Христовы, они толпами переселялись въ Краковъ, гдѣ изстари былъ главный притонъ ихъ; оттуда проникали въ другіе Польскіе города. Болеславъ, герцогъ Великопольскій, въ половинѣ XIII вѣка, дозволилъ имъ строить синагоги и заниматься торговлею. Казимиръ Великій, по слѣпой привязанности къ Еврейкѣ Есфири, подтвердилъ граммату Болеславову, давъ ей силу во всемъ королевствѣ. При Ягеллѣ она распространена и на Литовское княжество. Съ тѣхъ поръ народная промышленность пришла въ совершенный упадокъ. Евреи овладѣли всѣми отраслями ея, ко вреду всѣхъ сословій: дворянство было разорено арендаторами, городскіе и сельскіе обыватели доведены до нищеты шинкарями. Тщетно преемники Ягелловы старались поправить зло, повелѣвъ Евреямъ жить въ городахъ отдѣльными кварталами, запретивъ брать болѣе 20 процентовъ и торговать виномъ: они стали необходимы для шляхтичей, мѣщанъ и крестьянъ. Первымъ совѣтникомъ Яна Собѣскаго былъ Еврей.

Низшее сословіе состояло изъ земледѣльцевъ: они были приписаны къ землѣ и находились въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ, не дававшихъ никому никакого отчета въ управленіи своими помѣстьями. Крестьянъ государственныхъ почти вовсе не было: всѣ они большею частію принадлежали дворянству.

IV. ЗАКОНЫ И УПРАВЛЕНІЕ.

Законы. 97. Законодательство не достигло въ нашемъ отечествѣ къ концу XVII вѣка того полнаго, разнообразнаго развитія, какое находимъ мы въ западныхъ Европейскихъ государствахъ. Два главныя обстоятельства были тому виною: вопервыхъ внутреннія и внѣшнія бѣдствія замедляли вообще успѣхи гражданственности; вовторыхъ предки наши, незнакомые съ Римскимъ правомъ, должны были сами изобрѣтать всѣ свои законы, исключая церковные, между тѣмъ, какъ Германскіе народы, находили обильный запасъ основныхъ началъ въ кодексѣ Юстиніановомъ. Отъ того многія условія общественной жизни нашей, даже въ концѣ XVII вѣка, не были опредѣлены уставами письменными и сохранялись только въ видѣ обыкновеній, освященныхъ вѣками. При всей неполнотѣ, старинные

законы наши были однакожъ достаточны для охраненія личной безопасности и права собственности; постоянно выражали стремленіе къ общественному благоустройству, основанное на здравыхъ, чистыхъ понятіяхъ о доброй нравственности, и что всего важнѣе, были чтимы, какъ непреложныя велѣнія верховной власти, коей народъ привыкъ повиноваться безусловно: ибо исключительное право издавать законъ искони принадлежало единственно Государю. Государи съ своей стороны вполнѣ понимали всю важность своего права: при каждомъ новомъ постановленіи, обыкновенно совѣтовались съ боярами, съ высшимъ духовенствомъ, нерѣдко хотѣли знать потребности всего народа, призывали для этой цѣли выборныхъ чиновъ въ Москву и, по зрѣломъ соображеніи, давъ законъ, строго наблюдали за исполненіемъ его. Въ особенности ознаменовалъ себя истиннымъ духомъ законодательнымъ домъ Романовыхъ.

Древнѣйшіе уставы наши принадлежатъ Владиміру святому и Ярославу I. Нѣтъ сомнѣнія, что и прежде ихъ понятна была необходимость закона: самое пришествіе Рюрика было слѣдствіемъ общаго желанія Славянъ установить въ землѣ ихъ порядокъ; Олегъ въ договорахъ съ Греками ссылался на Русскій законъ; Ольга вводила разные уставы; но по всей вѣроятности, у насъ не было письмен-

ныхъ законовъ до принятія христіанской вѣры, которая, измѣнивъ многія отношенія между людьми, пробудила мысль о законѣ письменномъ. Вмѣстѣ съ христіанствомъ появилось новое сословіе, духовенство: бывъ первоначально составлено изъ Греческихъ миссіонеровъ, оно спѣшило обезпечить свои преимущества. Владиміръ опредѣлилъ ихъ уставомъ о церковномъ судѣ. Ярославъ, подтвердивъ оный и даровавъ духовенству новыя преимущества, въ тоже время опредѣлилъ судъ гражданскій *Русскою правдою.* Дѣти и внуки Ярославовы дополнили ее постановленіями о правѣ собственности. Въ сихъ первыхъ законахъ, кромѣ главнаго предмета ихъ, ясно выражались права верховной власти, отношенія сословій, образъ управленія: слѣдовательно главныя условія юнаго общества были опредѣлены. Чего не рѣшалъ законъ, то рѣшалось обычаемъ.

Внутреннія междоусобія, наставшія по смерти Мстислава Великаго, не давая Князьямъ времени думать о внутреннемъ устройствѣ, замедляли успѣхи законодательства; еще менѣе могли благопріятствовать имъ Монголы. Между тѣмъ гражданскія понятія измѣнились; Русская правда устарѣла и не могла рѣшать всѣхъ случаевъ; немногія грамматы удѣльныхъ Князей не могли дополнить этого недостатка, и когда Русь раздѣлилась на двѣ системы,

на Московскую и Литовскую, въ той и другой обычаи служили вмѣсто закона. Эти обычаи, освященные вѣками, въ Московскомъ государствѣ постепенно принимали форму закона, измѣняясь и развиваясь по мѣрѣ успѣховъ внутренняго устройства, сообразно съ потребностями вѣка и народа. Право издавать законъ, искони принадлежавшее верховной власти, сохранилось неприкосновеннымъ. Каждый Государь изъ рода Іоанна Калиты, тѣмъ болѣе изъ дома Романовыхъ, ознаменовалъ свое царствованіе постоянною заботливостію о приведеніи отечественныхъ уставовъ въ порядокъ и систему. Формы ихъ стали многочисленны и разнообразны. Важнѣйшія изъ нихъ суть: *уложеніе*, полная система всѣхъ вообще государственныхъ законовъ; *судебникъ*, собраніе правилъ о судѣ и расправѣ для всего народа; *уставная граммата*, положеніе о количествѣ пошлинъ, судныхъ и таможенныхъ, примѣненное къ мѣстнымъ потребностямъ города или области; *несудимая* граммата, право сословія пользоваться собственнымъ судомъ; *тарханная* граммата, право на изъятіе отъ разныхъ налоговъ и повинностей; *помѣстная* граммата, право на владѣніе землею, и многія другія.

Въ Литовскомъ княжествѣ, даже послѣ перваго соединенія его съ Польшею, долго господствовали

старинные Русскіе законы по дѣламъ гражданскимъ и церковнымъ; еще Александръ, сынъ Казимировъ, современникъ Іоанна III, подтверждалъ уставъ Ярославовъ о судѣ и господствовавшіе издревле обычаи, которые сохранились отчасти и въ *Литовскомъ статутѣ*, составленномъ на Русскомъ языкѣ, при послѣднемъ Ягеллонѣ, Сигизмундѣ Августѣ. Въ послѣдствіи статутъ былъ дополненъ сеймовыми конституціями, давшими перевѣсъ Польскимъ формамъ надъ Русскими.

Управленіе. 98. Власть верховнаго правителя искони принадлежала Князю. Онъ имѣлъ безотчетное право вести войну и мириться, назначать подати, судить, награждать и наказывать. Исполненіе воли его возлагалось на дружину, которая въ одно время составляла и дворъ его, и совѣтъ, и войско. Тотъ же порядокъ сохранился въ главныхъ чертахъ и въ Московскомъ государствѣ: право Великаго Князя, какъ верховнаго правителя, осталось неприкосновеннымъ. Въ его волѣ были миръ и война, судъ и расправа, награда и наказаніе. Между тѣмъ, съ постепеннымъ развитіемъ гражданскихъ понятій, при возрастающей безпрерывно многосложности дѣлъ, Государи Московскіе убѣдились въ необходимости поручать извѣстныя отрасли управленія не лицамъ, а постояннымъ вѣдомствамъ, изъ коихъ каждое имѣло свой кругъ, свои права и

обязанности. Эти вѣдомства къ концу XVII столѣтія получили опредѣленную форму. Первое мѣсто изъ нихъ занимала *большая дума:* составленная изъ бояръ и другихъ высшихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ самого Государя, она разсуждала о всѣхъ дѣлахъ важныхъ, преимущественно о новыхъ законахъ, и разсматривала дѣйствія всѣхъ вообще вѣдомствъ въ случаѣ жалобъ или недоумѣній. Вторую степень занимали *приказы:* каждый изъ нихъ состоялъ изъ одного боярина, или другаго знатнаго сановника, съ одним или двумя товарищами; они слушали дѣла, предлагаемыя дьяками, и давали свои рѣшенія, или представляли объ нихъ Государю. По роду дѣлъ, раздѣлялись и приказы; важнѣйшіе изъ нихъ въ XVII столѣтіи были: a) по дѣламъ дворцовымъ: большой дворецъ, большой приходъ, мастерская палата, оружейный приказъ; b) по дѣламъ иностраннымъ: посольскій приказъ; c) по управленію государственныхъ доходовъ: приказъ большой казны, приказъ денежнаго дѣла, казенный дворъ, новая четь, печатный приказъ; d) по дѣламъ суднымъ: золотая расправная палата, Московскій судный приказъ, земскій дворъ, разбойный приказъ, холопій; e) по дѣламъ военнымъ: разрядъ, пушкарскій приказъ, стрѣлецкій, рейтарскій; f) по управленію областей: Владимірская четь, Галицкая четь, Костромская четь, Новгородская четь, Устюжская четь, Казан-

скій дворецъ, Сибирскій приказъ, Малороссійскій приказъ; g) по дѣламъ церковнымъ, патріаршій приказъ.

Низшія вѣдомства областныя имѣли общее названіе *земскихъ избъ:* онѣ находились въ каждомъ уѣздѣ и состояли въ вѣдѣніи головъ и старостъ, избираемыхъ міромъ, подъ надзоромъ царскихъ воеводъ и намѣстниковъ.

99. Въ Литовскомъ княжествѣ, при сильномъ вліяніи Польскихъ формъ, установился чуждый образъ управленія, рѣшительно несогласный съ Русскими понятіями, съ тѣмъ вмѣстѣ нестройный, уничтожавшій всякую мысль о порядкѣ. Тамъ не было одной твердой власти, которая моглабы двигать и одушевлять всѣ пружины государственныя; ее замѣнили бурные сеймы, многочисленныя собранія дворянъ и Римскаго духовенства. Эти сеймы, введенныя Поляками, представляютъ безпримѣрное явленіе въ Исторіи: у всѣхъ народовъ древнихъ и новыхъ дѣла въ подобныхъ собраніяхъ рѣшались большинствомъ голосовъ; въ Польшѣ требовалось единогласіе: если даже одинъ нунцій или депутатъ не соглашался на предложенную мѣру, постановленіе цѣлаго сейма было недѣйствительно. При такомъ разстройствѣ, Литовское княжество въ XVI и XVII столѣтіяхъ было жертвою постояннаго без-

началія, которое отражалось въ всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія.

—

V. РАТНОЕ ДѢЛО.

Составъ войска.

100. Обязанность защищать отечество отъ внѣшнихъ враговъ лежала преимущественно на благородномъ сословіи, на дворянахъ Московскихъ, дворянахъ городовыхъ и дѣтяхъ боярскихъ. Раздѣляясь обыкновенно на три статьи на лучшую, среднюю и худшую, они владѣли въ своихъ уѣздахъ землею опредѣленной мѣры, отъ 150 до 300 четвертей или отъ 75 до 150 десятинъ, иные какъ родовою отчиною, другіе какъ пожизненнымъ помѣстьемъ, съ извѣстнымъ числомъ дворовъ крестьянскихъ; пользовались съ своего участка всѣми доходами и платили въ казну опредѣленныя закономъ подати. Въ мирное время лучшіе изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ являлись къ царскому двору, получали званіе стольниковъ и стряпчихъ; служили тѣлохранителями Государя; исправляли должности областныхъ воеводъ и другія обязанности. Прочіе жили въ своихъ отчинахъ и помѣстьяхъ, ожидая указа, чтобы явиться на царскую службу. Ни сами они, ни дѣти ихъ не могли переходить въ другія званія купцовъ, посадскихъ или холопей боярскихъ.

Сыновья ихъ, достигнувъ 17 лѣтъ, записывались въ службу въ томъ же классѣ, къ коему принадлежали отцы, и если родовыя отчины были недостаточны, получали помѣстья, смотря по роду и способностямъ. Для того города имѣли своихъ окладчиковъ, которые въ извѣстные сроки, иногда во время самой войны, разбирали новиковъ и недорослей и *верстали* ихъ помѣстьями, иногда и денежными окладами. Каждый помѣщикъ верстанный обязанъ былъ, по первому царскому указу, выступить въ походъ въ опредѣленный срокъ. Отправляясь на войну, онъ являлся въ сборное мѣсто къ своей *десятнѣ* (т. е. отряду) на конѣ и приводилъ съ собою нѣсколько своихъ людей, число коихъ опредѣлялось величиною помѣстья [1], въ полномъ вооруженіи и съ потребнымъ на время похода количествомъ съѣстныхъ припасовъ. Городовые воеводы доставляли въ разрядъ подробные списки, сколько приписано къ каждому городу дворянъ и дѣтей боярскихъ, и сколько за ними помѣстьевъ. Соображаясь съ этими списками, разрядъ, по мѣрѣ надобности, опредѣлялъ указами, какіе именно служилые люди, изъ какихъ городовъ и въ какомъ числѣ должны явиться въ сборное мѣсто въ извѣстный срокъ. Тутъ ихъ перекликали;

[1] Со 100 и 200 четвертей земли доброй помѣщикъ обыкновенно выставлялъ по 1 всаднику и 1 пѣхотинцу, вооружая ихъ лукомъ, бердышемъ и рогатиною.

оказавшіеся въ *нѣтѣхъ* теряли свои помѣстья и отчины, были высылаемы силою, и подвергались наказанію батогами и тюремному заключенію. Отличившіеся усердіемъ, мужествомъ, ранами, получали прибавку помѣстьевъ и денежныхъ окладовъ, царскія награды, высшія должности.

Дворяне и дѣти боярскіе, вооружаясь только на время войны, при нечаянныхъ вторженіяхъ, не поспѣвали на защиту отечества, и не могли дѣйствовать съ успѣхомъ противъ пѣхоты Польской и Шведской. Государи Московскіе старались замѣнить этотъ недостатокъ введеніемъ пѣшаго постояннаго войска; оно получило первое начало въ половинѣ XVI вѣка, въ царствованіе Іоанна Грознаго, подъ именемъ *стрѣльцовъ*. Такъ назывались ратники безсмѣнные, набираемые изъ волостныхъ сельскихъ жителей и вооруженные *пищалями*. Они составляли гарнизоны въ Москвѣ и въ городахъ пограничныхъ; въ мирное время охраняли свои города отъ незапнаго нападенія; въ военное же присоединялись къ войску, служили опорою коннымъ ратникамъ и были употребляемы преимущественно для осады городовъ. Въ концѣ XVI вѣка число стрѣльцовъ Московскихъ простиралось до 10,000. Въ городахъ пограничныхъ было ихъ гораздо болѣе. Они раздѣлялись на приказы или роты въ 50 человѣкъ; каждая рота на сотни;

сотни на десятни. Ротою начальствовалъ голова, сотнею сотникъ, десятнею десятникъ. Головы получали жалованья отъ 30 до 60 р. (тогдашнихъ, на нынѣшнія деньги отъ 350 до 700 рубл.), сверхъ того земли отъ 300 до 500 четвертей; сотники отъ 10 до 20 р. десятники до 10 р. стрѣльцы по 4 и 5 рублей (болѣе 50 нынѣшнихъ), да ржи и овса по 12 четвертей. Въ случаѣ похода, давали имъ лошадей на подъемъ изъ царскихъ табуновъ и телѣги для перевоза съѣстныхъ припасовъ; назначены были даже люди, готовившіе имъ пищу. Кромѣ полевой воинской службы, они обязаны были стоять на стражѣ при дворцѣ, и въ другихъ мѣстахъ, наблюдали за порядкомъ въ городѣ, употреблялись въ разныя посылки; сверхъ того въ торжественные дни, когда Царь принималъ пословъ, относили на посольскій дворъ почетный обѣдъ, въ числѣ 300 или 400 человѣкъ. Въ XVI вѣкѣ, не взирая на свою малочисленность, стрѣльцы много содѣйствовали успѣхамъ нашего оружія. Царь Алексѣй Михайловичъ увеличилъ число ихъ до 40,000 и уложеніемъ утвердилъ пріобрѣтенныя ими со времени Іоанна IV преимущества: свободу отъ платежа судныхъ и печатныхъ пошлинъ, право торговли и винокуренія, зависимость отъ особеннаго вѣдомства, стрѣлецкаго приказа. Столь важныя права побуждали многихъ торговцевъ записываться въ стрѣльцы, и дали поводъ къ большимъ безпорядкамъ.

Кромѣ стрѣльцовъ, Іоаннъ IV учредилъ особенный отрядъ тѣлохранителей, подъ названіемъ *опричниковъ*, сперва изъ 1000, потомъ изъ 6000 человѣкъ. Въ опричники были принимаемы большею частію безпомѣстные дѣти боярскіе, обязавшіеся клятвою служить Царю вѣрою и правдою, оберегать его денно и нощно, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ боярами, не знать ни отца, ни матери. Это было въ нѣкоторомъ смыслѣ *совино-братство*. Вооруженные мечами и бердышами, они носили богатую одежду нерѣдко парчевую, подъ черною рясою; символомъ ихъ обязанности были собачьи головы и метлы. Сей отрядъ лѣтъ черезъ 6 уничтожился; но мысль о необходимости особенныхъ вѣрныхъ тѣлохранителей царскихъ не изчезала. Обязанность ихъ поручена была въ послѣдствіи иноземнымъ наемникамъ, изъ коихъ Борисъ Годуновъ образовалъ сильную дружину. Она состояла изъ 2,500 Нѣмцевъ, Поляковъ и Грековъ, съ окладами отъ 12 до 60 (отъ 150 до 700 нынѣшнихъ); *Капитаны* же ея получали до 120 руб. (до 1500 р.) и земли въ помѣстье отъ 600 до 1000 четвертей. Въ смутное время Самозванцевъ эта дружина разсѣялась. Михаилъ Θеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ стольже благосклонно принимали въ свою службу иноземцевъ, только съ иною цѣлію. Поручивъ свою священную особу Русской вѣрности, они вызывали ихъ частію для усп-

ленія своей рати регулярнымъ войскомъ, которое нанимали только на время войны, частію для введенія въ свои полки Европейскаго устройства. Для первой цѣли приглашалъ ихъ Михаилъ, для второй мудрый сынъ его. Такъ въ трудномъ борепіи съ Польшею, Михаилъ Ѳеодоровичъ набиралъ неоднократно въ Голландіи, Голштиніи, Швеціи и Англіи цѣлые полки изъ *охочихъ Нѣмцевъ* (кромѣ *Французжанъ* и *папистовъ*), съ полнымъ вооруженіемъ. При Царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Русской службѣ мы находимъ двухъ *генераловъ*, болѣе 100 *полковниковъ*, многихъ *подполковниковъ*, капитановъ, поручиковъ, знаменщиковъ, все изъ иностранцевъ, изъ Нѣмцевъ, Голландцевъ, Англичанъ, Шотландцевъ. Поручая главное начальство надъ войскомъ Русскимъ боярамъ, Царь принялъ постояннымъ правиломъ назначать полковниковъ и капитановъ изъ иностранцевъ. Многіе изъ нихъ постоянно поселились въ Россіи и имѣли обширныя помѣстья. Подъ руководствомъ сихъ опытныхъ наемниковъ, уже со временъ Михаила Ѳеодоровича, мы составили нѣсколько полковъ конныхъ, по образцу Европейскому, подъ названіемъ *драгунъ* и *рейтаръ*, изъ безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ и сельскихъ обывателей. Дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы, рейтары, иноземцы были главными силами нашими въ XVI и XVII столѣтіяхъ; число ихъ простиралось обыкновенно до 200 т. Въ случаѣ войны за-

трудительной, къ нимъ присоединялись: a) *люди даточные*, т. е. поселяне изъ отчинъ боярскихъ, церковныхъ и купеческихъ (по 1 человѣку съ 20 и 30 дворовъ), вооруженные луками, наиболѣе рогатинами и топорами. b) Ногаи, Черкесы или Казаки, Мордва, Черемиса. При такомъ устройствѣ, мы могли выставить въ поле болѣе 300,000 ратниковъ.

101. Со времени Іоанна III до Петра Великаго, не измѣняя состава своей рати, мы стольже постоянно держались и правилъ войны. Со всѣхъ сторонъ окруженные злыми врагами, изъ коихъ одни простирали жадный взоръ на наши земли, другіе силились свергнуть иго Москвы, третіи искали случая ограбить ее, мы среди самаго мира наблюдали благоразумную осторожность и изыскивали средства къ оборонѣ отечества. Въ XVI вѣкѣ, правительство наиболѣе заботилось о безопасности юговосточной границы отъ Казанцевъ и Крымцевъ; въ XVII, съ паденіемъ царства Казанскаго, съ присоединеніемъ Малороссіи и Сибири, все вниманіе наше было устремлено на сѣверозападные предѣлы къ сторонѣ Польши и Швеціи. Мы постоянно слѣдовали правилу ограждать себя рядомъ крѣпостей, которыя, останавливая непріятеля, могли дать нашему войску время собраться. Съ этою цѣлію всѣ города пограничные были укрѣплены, нѣкоторые

Мѣры обороны.

искусными инженерами. Въ особенности славились твердыни Смоленска, съ подземными выходами, гдѣ осажденные могли противодѣйствовать землянымъ работамъ осаждающихъ. Въ каждомъ городѣ находился постоянный гарнизонъ, изъ дѣтей боярскихъ, смѣняемыхъ по прошествіи извѣстнаго срока другими, изъ стрѣльцовъ и Казаковъ. Сверхъ того по южной границѣ отъ Брянска до Мурома, при Борисѣ Годуновѣ и Михаилѣ Ѳеодоровичѣ устроена была *засѣка*, линія укрѣпленій, въ мѣстахъ лѣсистыхъ изъ заваловъ срубленными деревьями, въ мѣстахъ безлѣсныхъ изъ земляныхъ валовъ, съ деревянными острожками, по рѣкамъ на переправахъ, изъ свай и кольевъ. На югъ отъ засѣки простирались обширныя, безлюдныя степи, непроходимыя для нашего войска отъ густой, высокой травы, но весьма удобныя для вторженія самыхъ злобныхъ нашихъ враговъ, Татаръ Крымскихъ. Извѣстными только имъ путями или *шляхами* Муравскимъ, Калміоскимъ, Изюмскимъ и другими, они вторгались въ наши предѣлы всегда неожиданно, предавая все огню и мечу, уводя въ плѣнъ множество народа. Для наблюденія за хищниками, мы высылали каждое лѣто въ украинскія степи станицы (изъ одного Бѣлгорода до 20 станицъ) т. е. небольшіе отряды *ѣздоковъ и вожей*, подъ начальствомъ одного сына боярскаго. Станичники, доѣзжая до урочныхъ мѣстъ (до верховьевъ Са-

мары, до Андара и проч.) обязаны были немедленно извѣщать городовыхъ воеводъ, если встрѣтятъ Татаръ, увидятъ *сакму* (свѣжій слѣдъ ихъ похода), или узнаютъ отъ языковъ о намѣреніяхъ Хана. Попавъ на сакму, они старались узнать по слѣду о числѣ непріятеля, съ опасеніемъ вперяли взоръ въ степи, и нерѣдко табунъ дикихъ лошадей принявъ за отрядъ войска, скакали стремглавъ къ воеводамъ съ пустыми вѣстями, которыя часто заставляли правительство собирать войско.

Ту же осторожность мы наблюдали и на западной границѣ, въ особенности въ отношеніи къ Польшѣ: при малѣйшемъ несогласіи, наши вѣстовщики ловили языковъ и старались выѣдать отъ нихъ: идутъ ли Ляхи на Москву, нѣтъ ли въ Польшѣ розни, далъ ли Король панамъ гроши, на сколько времени и проч. Наконецъ по доставленіи свѣдѣній *полныхъ* (достовѣрныхъ), мы брались за оружіе, дѣйствуя одинаковымъ образомъ въ войнахъ оборонительныхъ и наступательныхъ, касательно сбора и вооруженія людей служилыхъ, раздѣленія ихъ на отряды, назначенія воеводъ и проч.

102. Прежде всего объявлялся царскій указъ на постельномъ крыльцѣ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, жильцамъ и другимъ служилымъ людямъ, о намѣреніи Государя итти вой- Ополченіе.

ною на супостатовъ, или о необходимости оборонять отечество: для того повелѣвалось имъ быть готовыми на Государеву службу, лошадей кормить и запасы готовить. Указы подобнаго содержанія разсылались съ гонцами въ города, ближайшіе къ театру войны, для объявленія дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Чрезъ нѣсколько времени (иногда чрезъ мѣсяцъ и болѣе) разсылали другіе указы изъ разряда, коими опредѣлялось: въ какіе города людямъ служилымъ отправлять свои запасы, къ какому сроку и въ какомъ мѣстѣ самимъ явиться. (Въ войнѣ съ Крымцами и Поляками назначали обыкновенно сборнымъ мѣстомъ Серпуховъ, Коломну, Путивль, Смоленскъ и проч. а срокомъ Ильинъ день, Троицынъ день, Свѣтлое воскресенье и т. п.). Спустя мѣсяцъ или болѣе, гонцы скакали съ новыми указами объ отсрочкѣ служилымъ людямъ во всѣхъ дѣлахъ судебныхъ, кромѣ татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ. Между тѣмъ высыльщики отправлялись въ помѣстья дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ объявленіемъ, кто именно долженъ выступить въ походъ, руководствуясь списками, присланными изъ разряда или данными отъ городовыхъ воеводъ; но какъ послѣ подачи списковъ въ разрядъ, многіе дворяне умирали и жребій службы нерѣдко падалъ на старухъ и вдовъ, то бояре и думные дворяне, съ званіемъ окладчиковъ, верстали въ тоже время, на мѣсто умершихъ, не-

дорослей и новиковъ. Каждый дворянинъ долженъ былъ явиться въ свою *десятню* съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ людей на коняхъ, смотря по величинѣ помѣстья.

Въ слѣдствіе сихъ указовъ, подинмалось наконецъ наше ополченіе: по всѣмъ дорогамъ везли съѣстные припасы, сухари, толокно, сушеное и соленое мясо (ибо каждый помѣщикъ обязанъ былъ заботиться о своемъ продовольствіи на все время похода); дворяне и дѣти боярскіе спѣшили въ сборное мѣсто къ извѣстному сроку. Тутъ дѣлали имъ смотръ. Назначенный для того бояринъ выкликалъ поимянно каждаго ратника, наблюдая особенно за тѣмъ, чтобы всѣ были на лицо.

По собраніи всѣхъ служилыхъ людей областныхъ и по присоединеніи къ нимъ стрѣльцовъ, иноземцевъ, Казаковъ, мурзъ Татарскихъ, людей даточныхъ, войско раздѣляли на 5 полковъ: большой полкъ, правую руку, лѣвую руку, сторожевой полкъ и передовой. Каждый полкъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отрядовъ, раздѣленныхъ на сотни и означаемыхъ именемъ городовъ, къ коимъ приписаны были служилые люди. *Большой полкъ* былъ главнымъ войскомъ; *правая рука* и *лѣвая рука* были отдѣльными арміями и часто находились отъ большаго полка въ разстояніи 200 и 300 верстъ; стороже- Раздѣленіе войска.

вой полкъ составлялъ резервъ, передовой авангардъ. Каждымъ полкомъ начальствовали непремѣнно два, иногда три генерала, обыкновенно изъ бояръ и окольничихъ, рѣдко изъ стольниковъ, съ именемъ *воеводъ*, имѣя въ своей зависимости *головъ*, *сотниковъ*, и проч. Первый воевода былъ старшимъ, второй товарищемъ. Ихъ назначалъ самъ Государь, наблюдая не столько личныя достоинства, сколько знатность рода. Для того обыкновенно справлялись съ *родословными книгами*, чтобы не назначить младшаго по роду первымъ воеводою, или въ большой полкъ, а старшаго вторымъ, или въ сторожевой, въ передовой, въ правую руку и въ лѣвую руку. Въ противномъ случаѣ, въ самыхъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ, воеводы ссорились и не хотѣли помогать другъ другу; часто во время похода они присылали просьбы къ Царю, жаловались на *безчестье* и просили перевода изъ одного полка въ другой, или отказывались отъ службы. *Снарядъ* (артиллерія) имѣлъ своего особеннаго воеводу. Артиллерія наша была довольно многочисленна: она состояла изъ тяжелыхъ осадныхъ орудій, изъ картаунъ, полевыхъ пушекъ и фальконетовъ. Со временъ Іоанна III, мы умѣли лить орудія сами, сверхъ того много получали изъ Голландіи, Ливоніи и Польши. Въ мирное время снаряды хранились въ Москвѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и Новгородѣ.

Походъ.

Войска наконецъ выступали въ походъ. Впереди шелъ *ертоулъ*, т. е. отрядъ легкой кавалеріи для развѣдыванія пути; за нимъ тянулось все войско, раздѣленное на полки. Воеводы были въ срединѣ съ своими *набатами* (литаврами); обозы сзади. На пути наблюдали величайшую осторожность: *разъѣзды* во всѣхъ направленіяхъ на нѣсколько десятковъ верстъ обозрѣвали страну и развѣдывали о непріятелѣ. Вообще какъ въ оборонительныхъ, такъ и въ наступательныхъ войнахъ, мы старались какъ можно ближе держаться крѣпостей и лучше любили ожидать враговъ на стѣнахъ крѣпости, нежели въ чистомъ полѣ. Встрѣтясь съ непріятелемъ въ открытомъ мѣстѣ, мы ограждали себя особеннаго рода укрѣпленіемъ, *гуляемъ*. Такъ назывались нѣсколько сотъ телѣгъ или саней, особеннаго устройства со щитами: ихъ ставили предъ сраженіемъ вокругъ пѣхоты плотно другъ къ другу; за каждою телѣгою располагались по 10 стрѣльцовъ, которые стрѣляли изъ за нихъ, какъ изъ за каменной стѣны. Подъ защитою гуляя, наша пѣхота была непобѣдима.

Конница начинала сраженіе: бросалась, по Татарскому обычаю, съ ужаснымъ крикомъ и старалась дружнымъ ударомъ поколебать непріятеля; если враги разстроивались отъ перваго натиска, мы выигрывали побѣду; если же они стояли

твердо, наши всадники мѣшались и въ безпорядкѣ обращались въ бѣгство; имѣя малыхъ, весьма быстрыхъ коней, наиболѣе Ногайской породы, Русскіе сидѣли на нихъ, поджавъ ноги, такъ, что легко обращались во всѣ стороны и могли стрѣлять и рубить во всѣхъ направленіяхъ, но именно отъ того сидѣли такъ не твердо и такъ легко были сбиваемы въ схваткѣ, что никогда не выдерживали упорной битвы. Въ случаѣ разстройства кавалеріи, вся надежда оставалась на пѣхоту, которая въ своемъ гуляѣ удерживала, непріятеля давая время искусному воеводѣ снова собрать всадниковъ и вести ихъ въ атаку. Посему личное мужество воеводъ наиболѣе содѣйствовало нашимъ успѣхамъ; въ чемъ свидѣтельствуютъ всѣ многочисленныя войны наши XVI и XVII вѣковъ. Овладѣвъ полемъ сраженія и разсѣявъ врага, мы не столько заботились о преслѣдованіи его, сколько о разореніи непріятельской земли; все предавали огню и мечу, не щадили ни возраста, ни пола. При осадѣ крѣпостей, мы рѣдко отваживались на приступъ: облегали ихъ со всѣхъ сторонъ, пресѣкая подвозъ съѣстныхъ припасовъ и стараясь одолѣть осажденныхъ голодомъ. Между тѣмъ безпокоили ихъ непрестанною пальбою: для чего подкатывали подъ самыя стѣны туры, изъ коихъ стрѣляли безъ умолку. Траншеи вели рѣдко, хотя и знали ихъ пользу. Иногда однакоже прибѣгали къ подкопамъ, къ взрыву стѣнъ и всегда

имѣли искусныхъ *размысловъ*, по большей части наемныхъ инженеровъ Нѣмецкихъ.

За удачное окончаніе похода и за блистательную побѣду, Царь обыкновенно награждалъ воеводъ такимъ образомъ: 1) спрашивалъ о здоровьѣ большаго воеводы, меньшихъ, и всего войска; 2) присылалъ въ раздачу нѣсколько *золотыхъ* и полузолотыхъ, Португальскихъ, Венгерскихъ; 3) жаловалъ дорогими шубами, кафтанами, золотыми и серебряными чашами и ковшами, также прибавкою къ окладамъ, къ помѣстьямъ. За ошибки и нерадѣніе наказывалъ опалою (удалялъ отъ двора, лишалъ помѣстьевъ), за измѣну смертною казнію. Войско, по заключеніи мира, распускалось по домамъ.

103. Литовское войско, въ общихъ чертахъ, въ составѣ и образѣ войны, сходствовало съ Московскимъ. Главная сила его заключалась также въ дворянствѣ, на коемъ лежала обязанность оборонять отечество. По устройство полковъ, раздѣленіе, вооруженіе, все было Польское. Дворянское ополченіе состояло изъ гусаръ и панцерниковъ; они выступали въ походъ на коняхъ, окруженные своими пахоликами. Къ нимъ присоединялись жолнеры, большею частію пѣхотинцы, получавшіе отъ Короля жалованье. Войско раздѣлялось на полки, роты и хоругви. Главнымъ предводителемъ его

былъ Литовскій гетманъ, дѣйствовавшій независимо отъ короннаго или Польскаго гетмана.

VI. ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЧАСТНАЯ.

163. Общественная жизнь, выраженіе народной дѣятельности въ разныхъ отрасляхъ промышленности и образованности, ни въ Московскомъ государствѣ, ни въ Литовскомъ княжествѣ, не развилась съ такимъ блескомъ и полнотою, какъ въ западныхъ государствахъ. Русскій народъ всегда обнаруживалъ стремленіе къ гражданственности, спасалъ ее среди величайшихъ бѣдствій, отличался предпріимчивостію, смѣтливостію ума; но многое препятствовало развитію добрыхъ качествъ его. Естественное положеніе Руси, окруженной съ сѣвера, востока и юга полудикими племенами, съ запада прилегавшей къ непріязненнымъ сосѣдямъ, отдаленной отъ морей, не могло благопріятствовать успѣхамъ мануфактуръ и торговли. Злосчастное владычество Монголовъ подавило сѣмена промышленности, принесенныя Греками, въ самомъ зародышѣ. Торговыя связи съ Европою, начавшіяся въ Новгородѣ чрезъ ганзейскій союзъ, усилившіяся со временъ Іоанна IV посредствомъ Англіи, скорѣе вредили намъ, чѣмъ доставляли пользу. Русское купечество, не имѣя силъ соперничествовать съ

иноземнымъ, предавало въ его руки городскую и сельскую промышленность. Не взирая на мудрыя мѣры Царя Алексѣя, мы не имѣли ни одной замѣчательной мануфактуры и должны были покупать самые необходимые предметы, сукна, ружья, за границею дорогою цѣною сырыхъ произведеній.

Стольже медленны были успѣхи умственной дѣятельности. Въ однихъ монастыряхъ являлись любознательные люди, которые вписывали современныя событія въ лѣтописи, наблюдали теченіе небесныхъ свѣтилъ, занимались врачеваніемъ, изрѣдка философствовали о предметахъ нравственности и Богословіи. Но ихъ опыты, драгоцѣнные для потомства, какъ обильный запасъ фактовъ, какъ выраженіе вѣка, были слишкомъ слабы въ смыслѣ науки; ни одна отрасль знанія не была воздѣлана, не получила изящной формы.

Русскій языкъ, еще неопредѣленный умозрительными изслѣдованіями филологіи, раздѣлялся на три нарѣчія: Великороссійское, Малороссійское и Бѣлорусское. Первое господствовало въ Московскомъ государствѣ: здѣсь, въ устахъ народа, оно сохраняло коренныя свойства Русскаго слова, точность идеи, живость и плавность оборота, силу выраженія. Памятниками народнаго языка остались пѣсни и немногіе акты, писанные не приказными людьми.

[illegible library stamp]

Вмѣстѣ съ языкомъ народнымъ образовался книжный или дѣловой, отличавшійся своими формами, нерѣдко странностію и затѣйливостію выраженія. Бѣлорусское нарѣчіе, господствовавшее въ Литовскомъ княжествѣ, представляло безобразную смѣсь словъ и оборотовъ Русскихъ съ Польскими и Латинскими. Въ Малороссійское вошли кромѣ того многія слова Татарскія.

Недостатокъ образованія имѣлъ невыгодное вліяніе на частную жизнь всѣхъ сословій. Высшій кругъ отличался недоступною спѣсью, презрѣніемъ всего иноземнаго, азіатскою пышностію. Низшіе классы, коснѣя въ невѣжествѣ, заражены были многими предразсудками. Но при всей грубости нравовъ и обычаевъ, предки наши умѣли служить своимъ Государямъ, любили пламенно свою вѣру, отечество, свои уставы, нерѣдко являли доблести изумительныя. Въ нѣдрахъ нашего отечества, въ добрыхъ качествахъ Русскаго народа, въ счастливомъ сочетаніи главныхъ условій гражданскаго общества, заключалась исполинская сила: надобно было только пробудить ее, чтобы поставить Россію на высокую степень въ системѣ Европейскихъ государствъ. Этотъ подвигъ совершилъ Петръ Великій.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА V.

Русское Царство въ борьбѣ съ Татарами и Поляками.

ГЛАВА VI.

Унія и Самозванцы.

Стр.

ГЛАВА VII.

Царствованіе дома Романовыхъ.

ГЛАВА VIII.

Очеркъ Русской старины.

